

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (СИБСТРИН)**

ТРУДЫ НГАСУ

Т. 19, № 3 (63)

**Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
«Теории и практики социальных трансформаций
в районах опережающего индустриального развития»**

Новосибирск, 5–7 апреля 2016 г.

НОВОСИБИРСК 2016

ТРУДЫ НГАСУ. Т. 19, № 3 (63) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Теории и практики социальных трансформаций в районах опережающего индустриального развития» (Новосибирск, 5–7 апреля 2016 г.). – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2016. – 228 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р техн. наук, профессор, чл.-кор. РААСН Ю.Л. Сколубович

Заместитель главного редактора – д-р физ.-мат. наук, профессор В.Я. Рудяк

Заместители главного редактора по направлениям:

д-р техн. наук, профессор Л.В. Ильина,

д-р ист. наук, профессор Ю.И. Казанцев,

д-р техн. наук, профессор В.М. Митасов,

д-р физ.-мат. наук, профессор М.С. Соппа

Ученый секретарь – канд. техн. наук А.А. Функ

Члены редколлегии:

д-р техн. наук, профессор В.В. Адищев,

д-р физ.-мат. наук, профессор С.М. Аульченко,

д-р физ.-мат. наук, профессор Ю.Е. Воскобойников,

д-р техн. наук, профессор Г.И. Гребенюк,

д-р техн. наук, профессор В.В. Дегтярёв,

д-р техн. наук, профессор В.Н. Зырянова,

канд. экон. наук, доцент А.Б. Коган,

д-р техн. наук, профессор В.В. Молодин,

д-р физ.-мат. наук, профессор Ю.В. Немировский,

д-р ист. наук, доцент Л.К. Островский,

д-р архитектуры, профессор В.В. Туманник

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ	
Алексеев А.В., Кузнецова Н.Н. Государственные программы как системы управления региональным развитием.....	9
Болоцких В.Н. Частная собственность, государство и общество в России. Точка зрения предпринимателя.....	19
Валиева Е.Н. Ожидания российского учительства в контексте социальных преобразований последней четверти XX века.....	30
Галанина Т.В., Королева Т.Г., Баумгартэн М.И. Управление эколого-экономическими рисками промышленно развитых регионов.....	40
Голиков Ф.Ф. Актуальные проблемы взаимодействия России, Запада и Востока	45
Дементьев Н.П. Пенсионные реформы в современной России.....	54
Казанцев К.Ю. Факторный анализ инновационных социально значимых брендов IT-компаний	66
Казанцев Ю.И. Концептуальные представления и практика социальных трансформаций Западной Сибири в условиях опережающего индустриального развития.....	76
Колоткин М.Н. Вклад татарского этноса Сибири в восстановление экономики региона в 1920-е годы.....	88
Красиков В.И. Марксистски ориентированная часть современного российского философского сообщества: история складывания и особенности взглядов	98

Кукса Л.П. Специфика российской модели трансформации: к вопросу о национальной идее России	108
Кушнаренко С.П. Произведение культуры как «событие»	119
Маркевич М.Ю., Митченков И.Г. Эколого-экономические аспекты эффективности социальных практик: подвижность критериев и попытки адаптации к изменяющимся условиям	126
Митченков И.Г. Трансформации аксиологических оснований политических практик: от идеологий к нарративам.....	137
Осипов А.Г. Пространство социума «адаптивного города»....	149
Островский Л.К. Польская диаспора Новониколаевска: особенности становления и развития (1890-е – 1917 годы).....	154
Плешивцева Е.Ю. Социокультурные и философские основания политики «двойных стандартов» на примере анализа ангlosаксонского менталитета.....	162
Рыженков А.В. Модель промышленного цикла как отрицание отрицания (критика антимарксистских концепций).....	170
Собинов Р.Л. Кадровая политика правоохранительных органов Новосибирской области в 1946–1956 гг.....	182
Тагаева Т.О., Казанцева Л.К. Современные проблемы общественного здоровья и здравоохранения в России	191
Турченко В.Н. Социальные причины гибели советского государства.....	202
Черникова И.В. Технонаука и социальные технологии в контексте инновационного развития цивилизации.....	214
Яцевич М.Ю. Концепт власти как фактор формирования социальной онтологии	220

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское общество с начала 1990-х годов переживает и в значительной степени уже пережило процесс качественного социального изменения – социальной трансформации. И хотя понятие «социальная трансформация» довольно широко применяется в аналитической литературе, следует констатировать, что оно совершенно по-разному трактуется практически всеми, кто когда-либо серьезно занимался изучением общественных изменений. В результате при том, что «теория социальных трансформаций» достаточно фундирована обширным эмпирическим материалом, само понимание процессов «социальных трансформаций» неконвенционально, что создает теоретическую путаницу и трудности дискурсивной идентификации.

Поскольку существующие исследования демонстрируют наличие определенного разброса в методологических подходах и технологиях описания социальных изменений, возникает необходимость системного анализа и определения интегративных тенденций изучения данного феномена. С нашей точки зрения, это важнейшая задача для научного сообщества, и попытки проговорить ее решение, обсудить подходы и методы – одна из целей настоящей конференции.

Акцентирование на участии в конференции историков, философов и экономистов кажется нам оправданным, поскольку позволяет при обсуждении заданной тематики изначально снизить теоретическую неопределенность, зачастую намеренную, позволяющую сохранить нерасчлененный образ всеобъемлющих перемен. Синтез методов исторической науки и философских подходов дает возможность противопоставить трансформацию таким методологически позиционированным понятиям, как «революция», «реформы», «преобразования» и т.п., и открывает дорогу предметной структуризации и проверке социально-философских системопостроений на уровне непосредственного бытия, с которым работают историки и экономисты.

Это особенно важно, потому что сегодня в центре внимания транзитологического дискурса находится исключительно институциональный срез и основной акцент делается на функциони-

рование (в том числе дисфункцию) формализованных институтов. Институциональный срез трансформационных процессов безусловно важен и практически исчерпывает проблематику в случае *соответствия* норм социального института преобладающим в обществе механизмам социального действия. Однако проблематичность самого соответствия, к сожалению, вполне очевидна, а историческая практика даже противоречит ему. Это означает, что при исследовании интенсивных социальных трансформаций вряд ли можно ограничить себя исследованием функционирования только формальных институтов. Важны обе взаимосвязанные стороны преобразований – институциональные и процессуальные:

- институциональные, предполагающие намеренное, целенаправленное изменение номинальных установлений (формальные нормы, процедуры, правила), отражающихся на функционировании социальных институтов (социо-философский дискурс);
- процессуальные, вызываемые сменой моделей социально-экономической и политической деятельности людей (исторический дискурс).

При таком понимании задача трансформационного анализа – выявить, в какой мере и в каких формах изменение моделей социального действия влияет на характер функционирования социальных институтов и социальной структуры общества. Такой подход требует включить процессы социальной адаптации, ее модели и ресурсы в анализ трансформационных процессов. Адаптирующиеся социальные субъекты выступают в роли социальных критиков институтов, выявляя их дисфункции, а следовательно, и необходимость соответствующих изменений. Тем самым в фокус нашего рассмотрения попадают взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, а с другой – социальных институтов. При этом синтез исторических и философских подходов выглядит вполне оправданно.

Таким образом, обсуждение транзитологических процессов подразумевает следующие темы и направления дискуссий:

- трансформация институтов, их динамики, способов легитимации и функционирования;
- трансформация социальных акторов (наполняющих личностным содержанием функционирование социальных институтов);
- трансформация социальной структуры;
- трансформация ценностных стандартов, влияющих на идеологические ориентации акторов и институтов;
- трансформация политических практик.

Что касается методов, то определяющими принципами традиционной методологии описания социальных процессов до сих пор являлись линеарность прогрессивного развития, структурно-функциональный анализ и приверженность одномерности описания социальных систем. Даже введение в методологический аппарат принципов цикличности и волновых характеристик кривой развития не повлияли на определение системы отсчета. Социальный трансформационный процесс так и рассматривается поныне как один из объектов в культурологическом, цивилизационном или формационном категориальном ряду. Понять, почему, – означает найти верные пути к адекватному теоретическому описанию трансформаций.

Мы хотели бы обратить внимание на еще один аспект проблемы исследования социальных трансформаций. Большинство существующих доктринальных подходов к описанию социальных изменений в своей основе содержат не рефлексивные методы, а идеологические предпочтения, востребованные политической практикой противостоящих друг другу школ.

Вся вышеуказанная тематика требует перевода задачи осмысления специфики и характера социальных отношений в транзитивных обществах и методов их изучения в ранг проблемы.

Трансформационная тематика многогранна и обширна. Понимая, что нельзя объять необъятное, мы ограничили повестку дня конференции 2016 года следующими направлениями.

1. Социальные изменения в современном мире: теории, концепты, тенденции, инновации:

- модернизационные подходы в дискурсе социальных трансформаций;
- российские социальные практики: философия, история и тенденции;
- специфика российской модели трансформации: идеология, ожидания, результаты.

2. Стратегии и приоритеты социального развития Западной Сибири: специфика региональной модернизации и характер трансформационных процессов:

- стратегии и приоритеты социального развития региона;
- влияние концепции опережающего индустриального развития региона на процессы социальных трансформаций;
- причины и следствия диспропорций индустриального и социального развития региона в исторической динамике.

3. Экологическая реновация и реиндустриализация старопромышленных регионов:

- экологическая политика в контексте реиндустриализации старопромышленных регионов;
- экологические проблемы в районах опережающего развития: история, содержание, осмысление;
- экосоциальные практики российских мегаполисов: исторический, философский, компаративистский подходы.

Материалы данной конференции предложены научному сообществу и адресованы философам, историкам, экономистам и всем, кто интересуется процессами социальных трансформаций российского общества.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 330

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

А.В. Алексеев^{*}, Н.Н. Кузнецова^{}**

В работе анализируются особенности государственных программ регионального развития Российской Федерации. Особое внимание уделяется госпрограмме «Региональная политика и федеративные отношения» и ее подпрограммам. Выявляются факторы, препятствующие достижению целей, заявленных в программе. Анализируется соответствие решаемых задач целям программы.

Ключевые слова: государственная программа, экономическое развитие, модернизация, инновационная экономика, индикаторы, проектный подход

Пять направлений развития

В Российской Федерации наблюдается активный переход к программным методам в управлении экономикой [1, 2]. Разработаны 42 государственные программы, из них 39 утверждены Правительством РФ и 3 находятся в разработке. Программы сгруппированы по 5 основным направлениям: «Новое качество жизни», «Инновационное развитие и модернизация экономики», «Эффективное государство», «Сбалансированное региональное развитие», «Обеспечение национальной безопасности» [3].

«Целевые программы являются одним из важнейших средств реализации структурной политики государства, активного воздействия на его социально-экономическое развитие и должны быть сосредоточены на реализации крупномасштабных... инвестиционных и научно-технических проектов, направ-

^{*} Канд. экон. наук, доцент ИЭОПП СО РАН

^{**} Науч. сотрудник ИЭОПП СО РАН

ленных на решение системных проблем, входящих в сферу компетенции федеральных органов исполнительной власти» [4].

Таким образом, государственные программы – не просто рядовые документы, подготовленные в аппарате Правительства. Это отражение видения исполнительной властью путей построения современной экономики в РФ.

Сбалансированное региональное развитие

Не ставя задачи рассмотреть все разработанные программы, сосредоточимся на направлении «Сбалансированное региональное развитие». Всего здесь шесть программ: две общего характера и четыре по конкретным регионам.

Рассмотрим общие для регионального блока программы «Региональная политика и федеративные отношения» и «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации».

Цель первой программы – «Обеспечение сбалансированного развития субъектов Российской Федерации» [5, с. 2]; второй – «Обеспечение равных условий для устойчивого исполнения расходных обязательств субъектов Российской Федерации и повышения качества управления государственными финансами субъектов Российской Федерации и муниципальными финансами» [6, с. 2].

Для эффективного исполнения обязательств требуется создание соответствующей материальной основы. Остановимся подробнее на том, как предполагается решать эту проблему в рамках первой программы.

В программе явно имеется в виду сбалансированность второго типа. «Российские регионы значительно отличаются по уровню социально-экономического развития» [5, с. 7]. Необходимо сосредоточиться на «уменьшении разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами» [5, с. 12], «принять меры, направленные на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» [5, с. 7].

Здесь не уйти от вопроса: «А нам действительно требуется сбалансированное развитие?» Ведь в пользу несбалансированного развития можно найти не меньше аргументов. Так, можно не без оснований утверждать, что сейчас нам как раз требуется несбалансированное, в частности, опережающее развитие, например, арктической зоны. Внятного ответа на этот вопрос в программе нет. Исполнителям программы не видны ее реальные приоритеты, не ясно, что же на самом деле скрывается под «гладкими» формулировками. Итог известен: программа, не успев начаться, превращается в очередной документ для отчета о проделанной работе соответствующего ведомства, но никак не в руководство к активным действиям для заинтересованных лиц.

Сомнения в управлеченческой силе представленного инструментария усиливаются при обращении к показателям ожидаемых результатов реализации программы. Так, *основной целевой индикатор программы сформулирован следующим образом:* «Сокращение дифференциации соотношения темпов роста показателей экономического развития (реальные располагаемые денежные доходы населения, объем инвестиций в основной капитал, объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации) по 10 субъектам Российской Федерации с наибольшим значением и 10 субъектам Российской Федерации с наименьшим значением показателей с 1,35 до 1,1» [5, с. 5].

Выбор целевого индикатора в формате «все в кучу» (и доходы, и инвестиции, и налоги) странен. Такой подход не бесспорен для федеративного государства с более или менее сбалансировано развитыми регионами. Но еще менее он объясним для России, где требуется опережающее развитие не самых развитых восточных регионов, причем как по экономическим, так и по политическим соображениям.

Действительно, курс на выравнивание денежных доходов населения в южных и северных регионах страны требует хоть какой-то аргументации, которой в программе нет.

Еще большее недоумение вызывает задача уравнивания налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета

РФ. Остальные целевые показатели программы имеют скорее социально-политическую, а не экономическую направленность и напрямую не задают стимулы для интенсивного экономического развития отдельных регионов.

Рассмотрим задачи, которые предполагается решить, чтобы достичь заявленной в программе цели. Задачи сформулированы достаточно четко:

- стимулирование органов государственной власти к наращиванию собственного экономического потенциала;
- совершенствование федеративных отношений, укрепление российской нации;
- стимулирование переселения соотечественников в РФ, решение демографических проблем, в первую очередь, на территориях приоритетного заселения [5, с. 10–11].

Достаточно ли решить эти задачи, чтобы реализовать цель программы? Ответ зависит от трактовки понимания цели.

Действительно, развитие региона определяется тремя группами факторов: финансовыми, кадровыми и институциональными. С 2013 по 2020 гг. (8 лет) на реализацию программы предполагается выделить 155 млрд руб. (примерно по 20 млрд в год). С учетом того, что инвестиции в основной капитал в РФ в 2013 г. составили 13,3 трлн руб., программа явно не претендует на реализацию каких-либо значимых инвестиционных проектов, выравнивающих технологический базис российских регионов.

Таким образом, создание материальной основы для успешного развития российских регионов в рамках программы не предполагается. Это обстоятельство только усиливает значимость отражения в программе оставшихся двух факторов.

Однако переоценивать заложенный в программе потенциал кадрового роста в регионах не стоит. Основные усилия здесь направлены на повышение качества кадрового обеспечения органов местного самоуправления. Задача, безусловно, важная, но непосредственно на сбалансированное развитие регионов не влияющая.

Институциональная составляющая программы потенциаль но сильнее. «Потенциально» потому, что хотя в тексте програм-

мы сказано много правильных слов о планируемых изменениях в законах и иных законодательных актах РФ «в целях оптимизации механизмов и условий делегирования полномочий РФ органам государственной власти субъектов РФ» [5, с. 15], так и остается неясным, в чем именно они будут заключаться и почему эти решения приведут к ожидаемому сбалансированному развитию.

Несколько необычно в программе представлены ее риски реализации. Ими считаются:

- ведомственный подход при совершенствовании разграничения полномочий;
- отсутствие системного подхода при перераспределении полномочий между уровнями власти;
- недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- отсутствие надлежащего кадрового обеспечения для реализации полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе при обеспечении квалифицированными кадрами территориальных органов федеральных органов исполнительной власти [5, с. 21–22].

Согласно теории риск-менеджмента, это не риски, это их причины – вполне определенные (не вероятностные) факты, которые порождают неопределенность. Эти причины могут вызвать (а могут и не вызвать) вероятностное событие – риск, например, невыход на заданные параметры целевых индикаторов. Если же риск произошел, то у него могут быть последствия, а могут и не быть. Например, недостижение цели программы либо по качеству реализации цели, либо срыв сроков, либо выход за рамки утвержденного бюджета.

Здесь важно определиться, на какую часть связки «причина риска – риск – последствия риска» следует направить усилия по сокращению влияния риска. Если реагировать на последствия риска, придется менять команду, реализующую программу, сдвигать сроки, выделять дополнительные деньги. Если на сам

риск – изыскивать дополнительные человеческие и финансовые ресурсы для выхода на соответствующие целевые показатели. Если на причину риска – следует вначале разобраться с ведомственным подходом, правильно определить полномочия, усилить кадровый состав исполнителей программы и т.п.

В программе апелляция к причинам риска решена весьма изящно: «Управление указанными рисками планируется осуществлять в рамках деятельности Правительственной комиссии по проведению административной реформы» [5, с. 22]. То есть, если что-то пойдет не так – все вопросы к Правительственной комиссии, а не к ответственным за реализацию программы.

Подпрограммы программы «Региональная политика и федеративные отношения»

Вернемся к задачам, реализующим цель программы «Региональная политика и федеративные отношения». Они представлены в формате трех подпрограмм:

- «Совершенствование федеративных отношений и механизмов управления региональным развитием», бюджет на 2013 – 2020 гг. 94,7 млрд руб.;
- «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», бюджет на 2013 – 2020 гг. 38,0 млрд руб.;
- «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», бюджет на 2013 – 2020 гг. 22,0 млрд руб.

Уже по бюджетам подпрограмм видно, что основное внимание уделено первой подпрограмме. Именно она (судя по бюджету более чем в 60 %) реализует цель программы.

К задачам подпрограммы относятся совершенствование законодательства, механизмов делегирования полномочий между уровнями публичной власти, повышение эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование правовых и организационных основ местного само-

управления, повышение обеспеченности расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований налоговыми и неналоговыми доходами, диверсификация и развитие экономики монопрофильных муниципальных образований, оказание государственной поддержки при строительстве и реконструкции объектов коммунальной и инженерной инфраструктуры региональной и муниципальной собственности.

Задачи, как видим, имеют в основном институциональный характер и направлены на улучшение правил игры в сфере государственного регулирования экономической ситуацией в регионах. Собственно экономических задач только две: диверсификация и развитие монопрофильных городов и господдержка развития инфраструктуры.

В рамках программы предполагается создание от 200 тыс. рабочих мест в монопрофильных муниципальных образованиях в 2014 г. до 420 тыс. в 2018 г. Поскольку бюджет явно недостаточен для решения этой задачи, средства, очевидно, предполагается привлекать за рамками программы. На господдержку развития инфраструктуры в 2013 г. предполагалось направить немногим более 2 млрд руб., а в 2014 г. – уже менее 1,5 млрд руб. С учетом того, что только на стимулирование органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления к наращиванию собственного экономического потенциала направляется по 11 млрд руб. в год, и эта величина не имеет тенденции к снижению, развитие региональной инфраструктуры также явно не входит в приоритеты программы.

Будут ли выполнены институциональные задачи программы? Дипломатичный ответ – могут быть выполнены. Выше уже отмечалось, что целевые показатели программы имеют скорее социально-политическую, а не экономическую направленность и напрямую не задают стимулы для интенсивного экономического развития отдельных регионов. Для рассматриваемых подпрограмм этот тезис справедлив в еще большей мере.

Действительно, улучшение показателя «Удовлетворенность населения качеством предоставления государственных и муниципальных услуг» не противоречит основной цели программы («Обеспечение сбалансированного развития субъектов Российской Федерации»), но связано с заявленной целью явно не напрямую. Увеличение « доли муниципальных образований, в которых созданы и функционируют органы территориального общественного самоуправления» (кстати, всего до 35 % в 2020 г.) тоже хорошее дело, но причем здесь «сбалансированное развитие субъектов Российской Федерации»? Рассмотрение целевых показателей можно продолжить, но нового знания это не принесет.

Целевые показатели по остальным двум подпрограммам еще дальше от цели программы. Таким образом, программа сконфигурирована весьма характерным образом. В тексте много говорится о необходимости «совершенствования системы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [5, с. 13], «актуализации федеральных и региональных документов государственного стратегического планирования в части реализации задач государственной национальной политики» [5, с. 17], «поддержки деятельности институтов гражданского общества» [5, с. 18] и т.п. Однако понять, что именно будет сделано, почему, как и в какой степени это будет способствовать сбалансированному развитию субъектов Российской Федерации, без дополнительных разъяснений авторов программы невозможно.

Программа также интересна не только тем, что в ней есть (282 страницы), но и тем, чего в ней нет. Трудно представить, но в тексте даже не упоминаются такие понятия, как бизнес, частный капитал. Предпринимательская деятельность упомянута 12 раз, причем в 11 (!) случаях в словосочетании «при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной деятельности». Термин «инвестор» используется только дважды, причем сначала в контексте «уход инвестора» [5, с. 53] и много позже –

«привлечение инвестора» [5, с. 242]. Как будто и нет в России ни рыночных отношений, ни крупных, ни мелких частных предпринимателей, с которыми государственным органам приходится взаимодействовать. При этом тезис, что невозможно добиться не то что сбалансированного, а вообще какого-либо регионального развития, без самого активного участия в этом процессе предпринимательского сообщества едва ли нуждается в доказательстве.

Проведенный анализ показывает: принятая программа нуждается в доработке. Основное направление – более строгое следование методологии программного подхода.

Программный метод обладает бесспорным управленческим потенциалом. Однако этот потенциал работает, когда проектная деятельность выстроена в строгом соответствии с методологией метода [7]. Если же метод правится под ограничения «текущего момента», то ожидать выхода на целевые индикаторы программ в заданные сроки и в рамках выделенного бюджета не приходится. Тем не менее, проведенный анализ показывает, что даже сравнительно небольшая корректировка представленного документа будет способствовать тому, что сбалансированное региональное развитие будет достигнуто благодаря, а не параллельно рассмотренной государственной программе.

Список литературы

1. Алексеев, А. В. Российская и американская стратегии национального развития: близкие цели, разные методы / А. В. Алексеев // ЭКО. – 2011. – № 5. – С. 73–88.
2. Алексеев, А. В. Инновационная стратегия 2020: новые возможности или старые ограничения? / А. В. Алексеев // Россия и современный мир. – 2013. – № 1. – С. 145–157.
3. Программная структура расходов федерального бюджета в млрд руб. (план на 2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gosprogrammy.gov.ru/Main/Start> (дата обращения 29.02.2016).

4. *Федеральные* целевые программы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.programs-gov.ru/> (дата обращения 29.02.2016).
5. *Региональная* политика и федеративные отношения : гос. программа 33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/performance/budget/govprog/regfin/#ixzz4MNFCnSp>
6. Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации : гос. программа 36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/performance/budget/govprog/regfin/#ixzz4MNFCnSp>
7. Селиверстов, В. Е. Анализ состояния стратегического планирования в регионах Сибирского федерального округа / В. Е. Селиверстов, Л. В. Мельникова // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 3–21.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В РОССИИ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

В.Н. Болоцких*

В статье анализируется одна из теорий реформирования России на основе распространения и укрепления частной собственности, прежде всего на землю. Свою программу преобразования России предприниматель И.И. Макурин обозначил как «деколлективизация». Предложения автора основаны на неверном понимании роли правящего класса и государства в российской истории, недооценивается значение осознания своих классовых интересов предпринимателями и другими классами и борьбы за них.

Ключевые слова: частная собственность, государство, элита, природа

В 1980-х годах «советский», т.е. государственный, способ индустриализации исчерпал возможности окончательно, и социалистическая экономическая система рухнула. Вместе с ней распалась политическая система, в тяжелом кризисе оказались все сферы жизни общества – социальная, культурная, мировоззренческая.

В советский период официальная пропаганда утверждала, что в начале XX в. Россия выбирала между капитализмом и коммунизмом. На самом деле выбор был между рыночным и государственным способами индустриализации. В конце XX в. выбор встал между разными вариантами капитализма. Коммунистический вариант (на тот момент) был отвергнут абсолютным большинством жителей России.

О преимуществах рыночной экономики и способах перехода к ней было много споров в годы Перестройки и становления постсоветской российской государственности. Эти вопросы не решены и в настоящее время. В России числятся десятки поли-

* Канд. ист. наук, доцент НГАСУ (Сибстрин)

тических партий. Но нет буржуазной и пролетарской. Это отражает незавершенность российской рыночной экономики, незрелость классов и социальных групп. Сохраняется господство государства в экономике и политической жизни, вновь усиливаются патерналистские настроения в обществе.

В этом отношении особый интерес представляет книга предпринимателя, экономиста по образованию И.И. Макурина «Деколлективизация: как построить в России капитализм для всех вместо того, чтобы воплощать миф об "особом пути" ради сохранения Государства для Избранных» [1]. Далее страницы указываются по этому изданию.

Автор исходит из следующих посылок. Процесс модернизации, начавшийся на рубеже 1980-х – 1990-х годов, *«в принципе нельзя назвать состоявшимся»*: не преодолена сырьевая зависимость от внешних рынков, Россия утратила статус индустриальной державы, не создана современная пенсионная система, в экономике господствуют государственные и «частно-государственные» монополии, банковская система находится под контролем государства, отсутствует механизм сохранения внутренних накоплений, увеличился разрыв доходов между самыми богатыми и самыми бедными, малый и средний бизнес влечит жалкое существование и т.д. Одной из самых устойчивых тенденций последних десятилетий *«является все четче оформляющееся отчуждение государства от общества, страны»* (с. 10–11).

Такая ситуация в России порождена, прежде всего, государством, убежден предприниматель: государство и его лидеры – «главные модераторы перемен, главные инноваторы в области государственного строительства, благоустройства народной жизни. Почему так произошло, понятно: Россия веками жила в парадигме патерналистской концепции и, как видно, не собирается пока отклоняться от нее. Поэтому роль формального (по должности) лидера нации всегда обременена необходимостью не только исполнять работу по управлению государством, но и генерировать, провоцировать критику в свой адрес, пытаясь

«расшевелить» энергию масс, получить от них обратную связь, выловить из хора славословий крупицы конструктивных предложений. Надеюсь, в настоящем исследовании они есть» (с. 11).

Но насколько «конструктивные предложения» Макурина являются реализуемыми, а расчет на добрую волю государства, страх перед социальным бунтом и рациональное поведение правящего класса – основательными?

Макурин считает общество и государство современной России близкими к феодальным по состоянию производительных сил и производственных отношений в контексте понятия частной собственности. Ключевое значение он придает развитию институтов частного владения земельной собственностью. Именно *качество развития институтов частного владения земельной собственностью*, по мнению автора, разделяет невидимой чертой многие страны сегодняшнего многополярного мира. При этом автор ставит задачу «доказать определяющее влияние именно *отечественного правящего класса на условия и принципы функционирования частной собственности в России* и подчеркнуть: минимальное воздействие на эти условия и принципы оказывают исторические, географические, климатические, конфессиональные особенности страны и ее народа» (с. 14–15).

Сведение всего многообразия факторов, определяющих жизнь отдельного человека, общества и всего человечества, всего лишь к одному – частной форме собственности – уже нельзя признать правомерным. Большую часть человеческой истории собственность была коллективной – родоплеменной. Это зависело как раз от природно-климатических условий, которые на ранней стадии определяли характер и уровень производства. И только на достаточно высоком уровне производства зародилась семейная собственность, а потом и частная. На этой стадии появляются и необходимость в появлении государства, и возможность его существования. Так что не правящий класс определяет характер собственности, а он сам является функцией развития производства (как часть государства) и форм собственности. Из сказанного вытекает ошибочность утверждения об определяю-

щем влиянии правящего класса на условия и принципы функционирования частной собственности в России.

Различия между российскими собственниками в уровне гарантий владения собственностью, возможности ее легальной защиты феноменальна, считает автор. Любая собственность может быть в кратчайшие сроки от мелкого хозяина перейти к более крупному на «некоммерческих» условиях. И «это является нашей исторической особенностью, восходящей к временам формирования поместной системы и далее, вплоть до дней крестьянской коллективизации при советской власти» (с. 16–17).

Но в данном случае Макурин глубоко заблуждается – в западных странах неправомерный отъем собственности распространен был издавна, существует и в настоящее время.

Такое положение с собственностью и отчуждение государства от общества в России чреваты революцией, если правящая элита «не предложит обществу программу взаимного сближения». Макурин уверен, что ведет речь «о предельно рациональном – предоставлении гражданам возможности реально зарабатывать, накапливать и развивать частную собственность, о возможности *абстрагироваться от действий новой элиты через со средоточение на реализации своего частного интереса*».

Чтобы реализовать эту «предельно рациональную» идею, автор предлагает провести реформу собственности, понимаемую как «предоставление равных возможностей обладания собственностью, равного доступа к ее увеличению и ее защиты для подавляющего большинства граждан нашей страны, а не только правящей бюрократии и предпринимательского "сословия"». Эта реформа собственности и называется «деколлективизацией» (с. 17).

Макурин допускает большую роль государства в экономике и возможность дирижистского реформирования. Но он убежден, что «результативный дирижизм возможен и при сужении политических свобод, но он *не возможен* без массового института частной собственности и равного доступа к ее приумножению и защите для всех граждан страны», если «частная собственность

не станет массовой и не будет принята людьми как легальный институт, как естественное право каждого человека». Именно «отсутствие развитых институтов частной собственности для основной массы населения нашей страны, слишком позднее по историческим меркам обладание этими институтами самим правящим классом и, в связи с этим, неукоренелость традиций и массового социального опыта взаимодействия с этим древнейшим человеческим институтом и породило историческое своеобразие развития нашей страны, так отличающее нас от остальных стран белой христианской цивилизации. И не более!!!» (с. 76).

Создать «массовую частную собственность» может только правящий класс. Для этого необходимо воспитание «правящего класса, чтобы представители самой верховной власти подавали пример исполнения законов и личного владения инструментами частной собственности. Если представители правящего класса на общегражданских основаниях, по одним и тем же правилам и законам, действующим одинаково для всех социальных групп, приобретают акции, то это будет немалым моральным стимулом для развития отечественного рынка ценных бумаг. Если правящий класс держит свои деньги в российских банках на депозитных счетах, я вас уверяю, нет лучше рекламы для отечественной банковской системы. Если "вожди" правящего класса совершают легальные сделки по купле-продаже земельной собственности, то, в конце концов, такие операции перестают иметь характер "спекуляций" даже на уровне морализаторства части населения».

Макурин полагает, что «в социальной эволюции... в большинстве случаев происходит наследование опыта и традиций поведения правящего класса, и если они не имеют признаков общественного договора, то этот опыт наследуется в утрированном и искаженном виде худших социальных практик и общественного поведения с последующим разрушением межличностного доверия между народом и элитой» (с. 59).

Автор отрицает возможность «особого пути» для России. Он прямо пишет, что «единственная ее радикальная «особость»

выражена в исторической практике российского правящего класса, основанной на «особом» отношении к институту частной собственности, расходящемся с европейской традицией» (с. 22).

С характеристикой достоинств частной собственности, причин ее большей эффективности по сравнению с государственной с автором в основном можно согласиться.

«Чистой частной собственности» в России, по его утверждению, практически не существовало и не существует. Причины такого бедственного положения Макурин видит прежде всего в политических условиях и деятельности правящего класса, в его модели поведения, его сознании (с. 40).

Это положение о примате политики над экономикой, о ведущей роли государства в обеспечении функционирования частной собственности является одним из важнейших в концепции Макурина и, в разной форме, повторяется в книге неоднократно. Еще одним из важнейших оснований концепции является идея «общественного договора» государства и правящего класса со страной, с обществом как способ мирного установления институтов частной собственности и независимой судебной системы.

Макурин считает, что в начале российской истории положение с собственностью было вполне сопоставимо с положением в Западной Европе, что «мы имеем дело с досадным (а точнее – трагическим) отклонением от той линии развития, что проделали страны Европы» (с. 77, 91).

Отклонение от европейской линии развития, по мнению Макурина, вызвано монголами, которые «аннулировали все права собственности на землю и собственно сам институт собственности на Руси. Земля больше не принадлежала не только свободным людям, но даже и князьям. Ее абсолютным владельцем являлся хан...» Экономической базой существования русских князей стал «не общественный труд и накопления во всех смыслах этого слова, не извлечение дополнительного прибавочного продукта», но выполнение государственных функций по охране собственности и суду русские князья заменили междо-

усобной борьбой «за право собирать дань в интересах исключительно оккупационного режима, т.е. право грабить свой народ» (с. 100–101).

На самом деле владимирские князья уже в XI в. пользовались правами верховного собственника всей земли, что было связано с особенностями развития Владимирской Руси в это время.

Макурина утверждает, что именно в результате монгольского нашествия и господства Золотой Орды на Руси сформировался «азиатский правящий класс», который и отклонил Россию от магистрального пути развития, по которому пошел Запад (с. 102).

Ему известно, что состав правящего класса в течение веков менялся. Но при этом модели поведения правящего класса, по его мнению, принципиально не менялись. Они не изменились даже после прихода к власти большевиков, когда персональный состав правящего класса полностью поменялся, когда представители прежнего правящего класса были уничтожены или эмигрировали, а оставшиеся в России тщательно скрывали дворянское происхождение.

В таком случае следует ставить задачу выявления причин, приводивших к воспроизведству одних и тех же или очень похожих моделей поведения. Но для автора существует только одна причина – монголы, азиатский состав российского правящего класса. То, что правящий класс всех государств средневековой Европы представлял из себя даже не «восточный», а мировой базар, для Макурина не имеет значения.

Макурин убежден (и эту мысль он неоднократно повторяет): «Азиатским стал наш правящий класс, он синтезировал в себе кочевые традиции монголов и порядки великих восточных деспотий Китая и Персии и за несколько поколений потерял науки управления собственностью» (с. 103).

Но простой народ каким-то образом сохранил генетическую чистоту, несмотря на то, что славяне с самого своего появ-

ления в Восточной Европе жили среди балто-язычных, угрофинских, самодийских народов.

Макурина не придает большого значения природно-климатическому, географическому и другим факторам и неоднократно утверждает, что опроверг «климатическую теорию». Но при этом анализ концепций влияния климата на хозяйственное развитие России и через него – на социальное, политическое и культурное, на складывание повседневных практик и моделей поведения русского человека на протяжении веков – отсутствует. Никаких доказательств не приводится, кроме эмоционального рассказа об успешной адаптации миллионов русских эмигрантов. Но русские в эмиграции жили в других природно-климатических условиях.

Автор знает работу Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» [2], но его концепцию российской истории автор даже не упоминает.

Однако во взаимодействии русского народа с окружающей природой действуют те же самые закономерности, что и у любого другого. Это наглядно показал Л.В. Милов в своих работах.

Чрезвычайно низкая урожайность, ограниченность размеров крестьянской запашки, слабая кормовая база скотоводства на основной исторической территории России вели к тому, что российскому обществу был присущ относительно низкий объем продукции, произведенной сверх минимума, необходимого для физического выживания крестьянина-земледельца и его семьи, а также поддержания его хозяйства. Это имело громадное значение для формирования определенного типа государственности на территории исторического ядра России, вынуждая господствующий класс создавать жесткие рычаги государственного механизма, направленного на изъятие той доли произведенной непосредственным производителем продукции, которая шла на потребности развития самого государства, господствующего класса, общества в целом.

Именно это породило традицию деспотической власти российского самодержца и режим крепостного права. Связь между

природой и климатом России, с одной стороны, и особенностями ее политического и экономического развития, с другой, заключается в том, что сложные природно-климатические условия вели к невысокому общему объему производства, а чрезмерно высокая доля изъятия продукции у непосредственного производителя еще более замедляла темпы хозяйственного развития России. И все вместе это предопределяло сохранение в течение веков экстенсивных методов ведения хозяйства, натурального по своему характеру, сдерживало рост населения. Низкая плотность населения России, возможность расширения территории государства на юг и восток, на более благоприятные земли также способствовали сохранению экстенсивных форм хозяйствования при его натуральности. В течение веков были небольшие возможности и, главное, отсутствовала потребность, необходимость перехода к более интенсивным технологиям ведения хозяйства. Тенденции приспособления к наличным условиям преобладали над тенденциями преобразования этих условий, преодоления ограничений для роста производительности труда, которые порождались природными факторами.

Низкий уровень производительности труда в сельском хозяйстве сдерживал развитие городов с их ремеслом, промышленностью и торговлей. Поэтому, развиваясь как чисто земледельческое, российское общество было крайне заинтересовано в сохранении жизнедеятельности буквально каждого крестьянского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на общество. Такой тип крестьянского хозяйствования получил название «моральной экономики», или «экономики выживания», в которой основная цель производства – не товар на продажу, а получения минимума продукции для выживания всех.

Именно поэтому крестьянская община выработала целый комплекс мер для подъема хозяйств, по тем или иным причинам впавшим в разорение. Земельные переделы и поравнения, различного рода крестьянские «помочи» сохранились в России вплоть до XX в.

Громадное влияние и сила крестьянского общинного землепользования веками препятствовали зарождению частной собственности крестьян на землю. Даже феодальная частная собственность развивалась с большим трудом, огромное количество помещиков вплоть до реформы 1861 г. владели землей совместно.

Экстенсивный характер сельского хозяйства определял характер внутренней и внешней политики Российского государства. Политика русских государей по отношению к своим соседям не была вызвана какой-то изначально свойственной России особой агрессивностью, а диктовалась неумолимыми тенденциями внутреннего развития, стремлением увеличить площадь пашен и людские ресурсы. Этим, между прочим, объясняется отсутствие в российской политике явлений геноцида в отношении присоединяемых народов, а также длительность совместной жизни этих народов с русским без особых конфликтов.

Низкий общий объем производства и недостаток товарной продукции повлиял в России на характер и пути становления рыночной экономики. Необходимость участия в земледельческом производстве практически всех рабочих рук крестьянской семьи предопределила узость рынка рабочей силы, сезонный характер деятельности многих промышленных предприятий и существование крепостного труда в промышленности.

Такова краткая характеристика парадоксов российской истории. Вывод однозначен. Природно-климатический фактор имеет огромное значение для формирования типа общества. В силу различия природно-географических условий одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда удовлетворяет не одно и то же количество «естественных потребностей» индивида. В России на протяжении тысячелетий совокупность самых «естественных потребностей» индивида была значительно больше, чем на западе Европы, а условия для их удовлетворения хуже. Следовательно, меньше оказывается тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов,

по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя».

Основная слабость работы Макурина заключается не в недостаточном понимании закономерностей российской истории и значения различных факторов, включая природно-климатический, не в преувеличении значения частной земельной собственности, не в абсолютизации формального законодательства, а в чрезмерных надеждах на волю правящего класса и вообще государства. Эта слабость его концепции отражает слабость российского предпринимательского класса.

Вместо призыва к предпринимателям и вообще сторонникам частной собственности, рыночной экономики, экономических, политических и гражданских свобод к осознанию общих интересов, к объединению для борьбы с чрезмерно разросшимся российским государством, для распространения в обществе представлений о роли и значении частной собственности, их популяризации работа содержит призыв к государству и «азиатскому» правящему классу измениться и провести реформы. То есть призыв к волкам стеречь овчье стадо.

Список литературы

1. *Макурин, И. И. Деколлективизация: как построить в России капитализм для всех вместо того, чтобы воплощать миф об «особом пути» ради сохранения Государства для Избранных / И. И. Макурин. – Новосибирск : Сибпринт, 2010. – 444 с.*
2. *Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 576 с.*

ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Е.Н. Валиева*

В статье поднимается проблема соотношения ожиданий российского педагогического сообщества с направлениями образовательной политики государства в последней четверти XX в.

Ключевые слова: школьная реформа, реформирование образования, ожидания учительства, государство и общество

Интерес к социальным преобразованиям рубежа XX–XXI вв. набирает обороты в современных гуманитарных и социальных исследованиях. Особое место в череде социальных реформ рассматриваемого периода занимает реформирование системы отечественного образования, прежде всего, школы. Это объясняется важностью образования как социального института, который сегодня воспринимается мировым сообществом как локомотив современных инновационных процессов. Есть и еще одна причина – историческая: фактически точкой отсчета социальных преобразований конца XX в. стала школьная реформа 1984 года, реализация которой подтолкнула общество и, прежде всего, педагогическое сообщество к обсуждению назревших проблем школьного образования. Таким образом, начиная с середины 1980-х годов отечественная школа находится в состоянии перманентного реформирования и занимает важное место в государственной политике, а учительство становится одной из прогрессивных социальных групп. В связи с этим было бы интересно посмотреть, что ждало учительство от реформы, какова эволюция его ожиданий и насколько они оказались оправданы.

* Канд. ист. наук, доцент НГАСУ (Сибстрин)

Для решения этой задачи мы привлекли широкий спектр источников: начиная от СМИ, ставших своеобразной арендой для дискуссий, академических педагогических журналов и заканчивая архивными документами.

Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что по мере реализации реформ ожидания учительства становились все более радикальными, что, в свою очередь, углубляло реформирование. Первым этапом этого процесса стало общественное обсуждение реформы 1984 г. В нем принимали активное участие как педагогические, так и трудовые коллективы предприятий, старшеклассники, пенсионеры. Только в Алтайском крае в обсуждении участвовали 440 тыс. человек, было внесено 3900 предложений [1, с. 57]. В Кемеровской области были подключены средства массовой информации: местное телевидение и радио, региональная газета. По словам гл. редактора газеты «Кузбасс», только за два месяца с начала обсуждения 115 читателей поделились своим мнением о проекте реформы [2, с. 169]. Наиболее часто речь шла о борьбе с формализмом и процентоманией, укреплении материально-технической базы школы, повышении морального и материального стимулирования учителяства, изменении содержания школьного образования. По сути эти же предложения фигурируют и в период общественно-педагогического подъема 1987–1988 гг., что говорит об оторванности реформы от реальных нужд и проблем образования и общества. Политика гласности способствовала активизации и сплочению общественных сил, актуализации проблем образовательной политики. Именно в эти годы ожидания учителяства получают наиболее завершенную форму.

Главной площадкой выражения мнений стали СМИ: не только профессиональные учительские газеты и журналы: «Советская педагогика», «Народное образование», «Учительская газета», – но и центральные средства массовой информации: «Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Литературная

газета», «Огонек» и др.; на телевидении организовывались встречи с педагогами-новаторами, круглые столы по проблемам образования. Настоящим зеркалом инновационных процессов советской школы, отразившим радикальные настроения педагогической общественности, стала «Учительская газета», возглавляемая В. Матвеевым. С конца 1986 г. практически каждый ее номер публиковал письма читателей – учителей, работников вузов, педагогов-новаторов, академиков АПН СССР и просто родителей, обеспокоенных судьбой школы. Рубрики говорят сами за себя: «Школа – прорыв к новому», «Банк идей», «Прошу слова» и др. Лейтмотив один – необходимость перемен в системе образования. Реформирование образования, так же как и других сфер жизни общества, проходило под лозунгом возврата к ленинским истокам. Для школы, в частности, это был возврат к ленинским принципам единой трудовой политехнической школы.

Другой площадкой для дискуссий стали учительские конференции. 26–27 марта 1987 г. состоялась Новосибирская областная конференция учителей, на которой шло активное обсуждение осуществления реформы общеобразовательной и профессиональной школы. В частности, говорилось о том, что «перестройка не стала главным содержанием в работе всех педагогических коллективов», «недостаточными темпами идет выполнение мероприятий облисполкома по реализации реформы школы». Наиболее обсуждаемыми оказались следующие проблемы: расширение школьного самоуправления, прежде всего комсомола; улучшение социального положения учителя – дифференциация оплаты труда, обеспечение жильем и санаторно-курортными путевками; методическое оснащение школ [4, с. 88].

Более раскрепощенной можно назвать конференцию учителей Кузбасса. Здесь прозвучало больше конкретных, критических, порой даже радикальных (в духе разворачивающейся Перестройки) замечаний и предложений. Среди них можно выделить следующие: развитие демократических начал в управлении сис-

темой образования – от школьного самоуправления до выборов директоров и их заместителей, введение в практику периодической аттестации руководителей коллективов, их регулярной отчетности о работе перед коллективом педагогов, родителями, трудовыми коллективами; распространение опыта учителей-новаторов; перестройка системы и содержания подготовки педагогических кадров; поиск новых источников финансирования школы и др. [3, с. 35–45].

На основе материалов прошедших учительских съездов и конференций, обсуждений в прессе, предложений из писем трудающихся и учащихся Министерством просвещения СССР были сформулированы тезисы. Летом 1987 г. они были опубликованы на страницах «Учительской газеты» и получили название «июльских». Таким образом, можно говорить о поддержке инициативы «снизу», открытом диалоге между обществом и государством в сфере образования. Появилась возможность практической реализации ожиданий учителства и общества.

Многие аспекты реформирования образования, обсуждаемые обществом, нашли отражение в этих тезисах: «Время требует смелой и решительной перестройки школьного дела», «Речь фактически идет о выработке нового педагогического мышления», «Поставить вопрос о существенном материальном поощрении учителей», «Коренным образом перестроить руководство и контроль за деятельностью школы», «Необходим решительный поворот к гуманитаризации образования», – а также: изменение содержания и методов обучения, совершенствование подготовки педагогических кадров, укрепление материально-технической базы школы. Отмечались и некоторые причины неудач текущей реформы образования, в частности: неэффективное научное обеспечение реформы, консерватизм АПН, недостаточная отдача педагогов, отсутствие «хорошо выверенных организационных мер». В тезисах были выделены основные на-

правления работы Министерства просвещения СССР и первоочередные мероприятия по каждому из них:

- демократизация системы народного образования;
- совершенствование содержания и методов воспитания;
- совершенствование содержания и методов обучения;
- совершенствование подготовки педагогических кадров;
- укрепление материально-технической базы школы.

Среди основных мероприятий, указанных в тезисах, необходимо выделить следующие:

- завершение разработки проекта Устава (Положения об общеобразовательной школе), Положений о педагогическом совете, об инспекции, о выборности руководителей, об аттестации учителей и других работников, о дифференцированной оплате их труда и премировании, о расширении финансовой самостоятельности директоров школ, об ученическом самоуправлении, о структуре и сети школ, предполагающих более раннюю дифференциацию обучения в полном соответствии со способностями, возможностями и интересами учащихся;
- разработка нового варианта плана с введением курсов по выбору;
- объявление конкурсного отбора учебников и создание методического совета по распространению передового педагогического опыта.

На наш взгляд, «июльские тезисы» представляли собой не просто программу корректировки идущей в стране школьной реформы, а заявляли о необходимости кардинальной перестройки всей системы народного образования на основе принципов демократизации и гуманитаризации. Заявленные мероприятия и идеи указывали на готовность Минпроса следовать этим принципам, а сами принципы отражали ожидания педагогического сообщества. Излагался и новый взгляд на место образования в обществе и изменение в связи с этим всей образовательной политики: «Приоритетное и максимальное финансирование на-

родного образования – это самая выгодная инвестиция, т.к. постоянно возобновляющиеся человеческие ресурсы – наиболее гибкая, надежная и долговременная часть факторов общественного производства. Сфера образования не должна испытывать нужды ни в чем» [12].

Тезисы получили широкий общественный резонанс и были поддержаны и на августовских конференциях и педсоветах. Из перечисленного в тезисах впоследствии было сделано немало: началось создание советов школ, принято решение «О расширении прав руководителей учреждений просвещения в решении кадровых вопросов и финансово-хозяйственной деятельности», создано два альтернативных проекта концепции общего среднего образования, началась реорганизация АПН, обновлялись учебники, появилась первая частная школа в СССР. Однако юридически эти изменения не были закреплены.

С 1989 г. можно говорить о новом периоде – стагнации реформы, ее сдерживания «сверху». Это совпало со спадом общественно-педагогического подъема: ожидание серьезной реформы затянулось, что привело к разочарованию части общества и, прежде всего, учительства. Об этом явлении свидетельствуют не только публикации на страницах периодических изданий, но и результаты всесоюзных социологических исследований, проведенных в конце 1989 г. Для 56 % педагогов существовавшая ранее вера в успех перестройки сменилась разочарованием, 2 % изначально не верили в ее успех, 20 % учителей затруднились дать благоприятный прогноз исхода современных преобразований. Только пятая часть респондентов продолжала считать проводимые мероприятия залогом будущего успеха [9, с. 28].

Весной 1990 г. был вынесен на обсуждение проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. Он декларировал приоритетное развитие образования, однако по сравнению с ранее одобренными документами был явно недоработан и консервативен. Вновь появилась идея

обязательного всеобщего среднего образования, сохранен государственный монополизм в сфере образования, несмотря на провозглашенный государственно-общественный характер управления, так как исключена возможность создания частных, альтернативных и других учебных заведений, ничего не упоминалось относительно хозяйственной и финансовой самостоятельности школ и т.д. Но данному проекту так и не суждено было стать законодательным актом. Изменилась политическая ситуация в стране: на первый план вышла борьба союзного и российского правительства, началась борьба суверенитетов. Долгожданные для школы документы юридически не оформлялись.

Этой ситуацией воспользовалось российское правительство, издав знаменитый Указ № 1 от 11 июля 1990 г. «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», упрочивший авторитет российского президента Б.Н. Ельцина. Министерство народного образования РСФСР было переименовано в Министерство образования РФ. Министром образования России стал Э. Днепров – один из идеологов реформы.

Начавшийся переход к регулируемым рыночным отношениям серьезно осложнил экономическую ситуацию. Например, недофинансирование сферы образования Томской области составило в 1991 г. почти треть от запланированной суммы – 93 362 тыс. руб. из 329 012 тыс. руб. [5, с. 150]. В 1992 г. ассигнования, выделенные на систему образования, составили менее 50 % от потребностей [6, с. 94]. Эта сумма не покрывала даже самого необходимого. Если во втором квартале 1991 г. заработная плата работников образования составляла 79,4 % от заработной платы в промышленности России, то за тот же период 1992 г. – только 39,5 %. В таких условиях законодательные инициативы Министерства образования не могли быть обеспечены необходимыми экономическими ресурсами и были обречены на провал. Ни о каком приоритетном финансировании не могло быть и речи.

10 июля 1992 г. был принят закон «Об образовании», закрепивший намеченные ранее принципы реформы образования: демократизация образования, его многоукладность, национальный характер образования, открытость, регионализация образовательной системы, гуманизация и гуманитаризация образования, его дифференциация, развивающий характер образования, его непрерывность. В ст. 1 закона воспроизводилось и закреплялось положение Указа № 1 Президента РФ о приоритетности сферы образования. По ст. 5 государство гарантировало получение бесплатного общего и на конкурсной основе – бесплатного профессионального образования. Но п. 3 ст. 16 указывал, что получение среднего (полного) общего образования производится на конкурсной основе [7]. Следствием этого стал массовый отток подростков из школы: 130 тыс. из них были приняты дополнительно в учреждения начального и среднего профессионального образования, около 70 тыс. остались за порогом образовательных заведений [8].

Столь долгожданный закон «Об образовании» так и не смог стать гарантом закрепленной в нем приоритетности образования в государственной политике. Статьи 54 и 55 закона устанавливали минимальные ставки заработной платы и должностные оклады в размере, превышающем уровень средней заработной платы в РФ. Принятый неделю спустя закон «О бюджете» не учитывал это положение. Не решило ситуацию и введение Единой тарифной сетки (ЕТС) оплаты труда, хотя и позволило увеличить зарплату педагогов. В 1992 г. в промышленности зарплата составляла 7064 руб., а в образовании – 3680 руб. (в общеобразовательной школе – 3760 руб.); в 1993 г. соответственно – 63 447 руб. против 40 141 руб. (44 456 руб.) [11, с. 8]. Начиная с этого времени ожидания учительства будут сосредоточены, главным образом, на увеличении финансирования, т.к. школа окажется до конца 1990-х годов на грани выживания. Материалы архивов позволяют реконструировать сложную ситуацию

этого периода: огромные долги школ за коммунальные услуги, отсутствие не только учебных и методических пособий, но даже мела и ветоши, многомесячные задержки зарплаты педагогам. Ситуацию усугубляла передача фондов системы образования другим ведомствам, в том числе незаконная. Это заставило учи-тельство отстаивать свои интересы путем забастовок, голодовок и других форм социального протеста. Диалог между властью и педагогическим сообществом сменился противостоянием. К се-редине 1990-х годов протестное движение учительства стало самым мощным в стране.

Вместе с тем в рассматриваемый период проведена большая работа по изменению содержания школьного образования: обновлялись учебники и методические пособия, вводились курсы по выбору, создавались образовательные учреждения разных типов, были разработаны новые вариативные учебные планы. Успешно воплощался на практике принцип дифференциации образования. На начало 1993/94 учебного года функционирова-ло 743 гимназии и 447 лицеев. Численность учащихся в них со-ставляла соответственно 552 995 и 284 168 человек [11, с. 64]. В 368 негосударственных общеобразовательных школах (0,5 % общего числа школ) обучались 33 тыс. учащихся (0,2 %) [10, с. 553]. 1990-е годы – расцвет не только частных, но и нацио-нальных школ.

Таким образом, последняя четверть XX в. – сложный и ин-тересный период в развитии отечественного образования. Школьная реформа стала отправной точкой многих социальных преобразований, однако в водовороте реформ и политической борьбы образовательные задачи стали заложниками экономиче-ских. Если на первых этапах ожидания учительства, несмотря на их радикализацию, были поддержаны государством, то с рубежа 1990-х годов диалог прервался. Школа осталась один на один с нарастающими проблемами. Несмотря на то, что выработанные на первых этапах реформирования школы новые принципы по-

лучила законодательное оформление, их практическое воплощение имело чрезвычайно ограниченный характер. Наиболее заметные результаты можно отметить в направлении гуманизации и гуманитаризации образования, но достигнуты они были за счет внутренних резервов школы, учительского энтузиазма и чувства долга, в то время как государственная поддержка сводилась к минимуму.

Список литературы

1. *Государственный архив Алтайского края.* – Ф. Р-573. – Оп. 5. – Д. 2106.
2. *Государственный архив Кемеровской области.* – Ф. П-75. – Оп. 51. – Д. 91.
3. *Государственный архив Кемеровской области.* – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 1142.
4. *Государственный архив Кемеровской области.* – Ф. Р-323. – Оп. 9. – Д. 1142
5. *Государственный архив Новосибирской области.* – Ф. 1366. – Оп. 1. – Д. 4424.
6. *Государственный архив Томской области.* – Ф. Р-1158. – Оп. 9. – Д. 1609.
7. *Днепров, Э. Современная школьная реформа в России / Э. Днепров.* – Москва, 1998.
8. *Закон об образовании. 10 июля 1992 г. // Все об образовании.* – Калининград, 1996.
9. *Молодцова, В. Вице-премьера Юрия Ярова успокоили / В. Молодцова // Учительская газета.* – 1994. – 8 фев.
10. *Народное образование в условиях перестройки : социологические очерки.* – Москва, 1990.
11. *Новая Россия.* – Москва, 1994.
12. *Образование в Российской Федерации.* – Москва, 1995. – С. 8.
13. *Учительская газета.* – 1988. – 4 июля.

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ РИСКАМИ ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫХ РЕГИОНОВ

Т.В. Галанина^{*}, Т.Г. Королева^{**}, М.И. Баумгартэн^{***}

Рассмотрена эколого-экономическая система с позиции оценки эколого-экономических рисков. Предложен план проведения исследований с целью разработки модели снижения эколого-экономических рисков, обеспечивающей повышение инвестиционной привлекательности промышленно развитых регионов.

Ключевые слова: эколого-экономические риски, промышленно развитый регион, стратегия, матрица, интегральный показатель, экологическая безопасность

Академик М.Я. Лемешев (1976) дал понятие эколого-экономической системы (ЭЭС) как интеграции экономики и природы, представляющей собой взаимосвязанное и взаимообусловленное функционирование общественного производства и протекание естественных процессов в природе.

По масштабности эколого-экономические системы можно разделить на глобальную и регионально-территориальную, или локальную. Глобальные ЭЭС тесно связаны с целями устойчивого развития. Еще на Конференции ООН в Стокгольме в 1972 г. говорилось о необходимости перехода человечества от экономической к эколого-экономической системе.

В региональном аспекте или аспекте промышленного комплекса ЭЭС – это территориально ограниченная часть экосфера, в которой природные, производственные и социальные процессы и структуры связаны потоками вещества, энергии и информации.

^{*} Канд. с.-х. наук, доцент КузГТУ им. Т.Ф. Горбачёва (г. Кемерово)

^{**} Канд. экон. наук, доцент КузГТУ им. Т.Ф. Горбачёва (г. Кемерово)

^{***} Канд. физ.-мат. наук, доцент КузГТУ им. Т.Ф. Горбачёва (г. Кемерово)

Экологическая емкость территории и предельно допускаемая техногенная нагрузка – это фундаментальные экологические нормативы, необходимые для территориальной хозяйственной деятельности. Здесь и возникает необходимость учитывать эколого-экономические риски.

В тех случаях, когда хозяйственная активность человека на какой-то территории связана с разработкой и использованием природных ресурсов, возникают реальные эколого-экономические системы, которые требуют все более серьезных систем управления.

Проблемам управления эколого-экономическими рисками (ЭЭР) посвящено множество отечественных и зарубежных исследований. Нагрузка на техносферу промышленных регионов вышла далеко за пределы экологической емкости [1–3]. Промышленно развитые регионы имеют свои специфические особенности развития, что определяет формирование особой системы эколого-экономических рисков, являющихся важнейшим фактором привлечения инвестиций. В связи с этим актуальным представляется разработка механизмов управления эколого-экономическими системами в контуре потенциала промышленно развитых регионов.

Целью исследования является разработка модели снижения ЭЭР, обеспечивающей повышение инвестиционной привлекательности промышленно развитых регионов.

Задачи исследования

1. Инвентаризация ЭЭР, формирование критериев, значимости, величины и вероятности проявления ЭЭР и построение на их основе матрицы ЭЭР.

2. Обоснование структуры потенциала промышленно развитых регионов, оценка и ранжирование регионов по фактору эколого-экономических рисков.

3. Разработка методики факторного анализа инвестиционной привлекательности в системе ЭЭР.

4. Разработка методики моделирования стратегии управления ЭЭР и модели мониторинга реализации стратегии.

Предлагается разбить проведение исследований на три этапа:

1. Система управления ЭЭР, в которую включаются следующие исследования:

1.1. Понятие и характеристики ЭЭР, идентификация, классификация, показатели и критерии.

1.2. Система управления ЭЭР.

1.3. Промышленный потенциал региона как структурный фактор системы ЭЭР.

2. Методические основы оценки инвестиционной привлекательности промышленно развитых регионов с учетом ЭЭР, включая:

2.1. Формирование системы ЭЭР на основе матрицы вероятности и значимости их проявления.

2.2. Интегральную оценку инвестиционной привлекательности в системе ЭЭР.

2.3. Разработку методики факторного анализа инвестиционной привлекательности в системе ЭЭР.

3. Разработка модели стратегии снижения ЭЭР, включая:

3.1. Разработку методики моделирования стратегии управления ЭЭР.

3.2. Мероприятия и приемы снижения ЭЭР.

3.3. Моделирование мониторинга реализации стратегии.

Новизна проведения исследований состоит в следующем.

1. Будет уточнено и дополнено понятие эколого-экономических рисков как фактора инвестиционной привлекательности промышленно развитых регионов. Показано влияние потенциала промышленно развитых регионов на структуру ЭЭР.

2. Будет сформирована матрица ЭЭР в контуре потенциала промышленно развитых регионов.

3. Будет предложен интегральный показатель инвестиционной привлекательности региона в системе ЭЭР и методика его факторного анализа.

4. Будет разработана модель стратегии снижения ЭЭР, позволяющая сформировать программу мероприятий, направленных на согласование экономических и экологических интересов

в координатах: инвестиционная привлекательность – потенциал промышленно развитого региона – ЭЭР.

Методологическую, методическую и информационную основу исследования составляют: законодательные и нормативные акты в области обеспечения экологической безопасности; труды отечественных и зарубежных ученых по проблематике исследования; результаты анализа фактического состояния дел по существу исследуемой проблемы. Формы и методы сбора, обработки и анализа информации определяются конкретными целями исследования.

Эмпирической и аналитической базой для обоснования основных положений методики моделирования стратегии снижения ЭЭР с целью повышения инвестиционной привлекательности являются: экономико-статистические данные, отражающие эколого-экономические показатели развития регионов [4, 6], данные Госкомстата Российской Федерации и его региональных органов; аналитические отчеты о состоянии окружающей природной среды регионов; программы социально-экономического развития регионов.

Ожидаемые результаты

1. Формирование основ методологии стратегического управления ЭЭР и расширение области применения понятийно-категориального аппарата теоретических основ экономики природопользования с учетом инвестиционной привлекательности промышленно развитых регионов.

2. Обоснование необходимости оценки ЭЭР в контуре потенциала промышленно развитых регионов на основе матрицы «значимость – вероятность возникновения ЭЭР». Выделение четырех зон воздействия ЭЭР: несущественного, допустимого, вероятностного и критического.

3. Анализ и выделение ЭЭР, уровни которых соответствуют зоне критического воздействия, и формирование интегрального показателя инвестиционной привлекательности для проведения факторного анализа.

4. Формирование методических основ моделирования стратегии снижения ЭРР в контексте повышения инвестиционной привлекательности промышленно развитых регионов и системы мониторинга ее реализации.

Список литературы

1. Галанина, Т. В. Экологическая обстановка в угледобывающей отрасли Кузбасса: проблемы и пути решения / Т. В. Галанина, С. В. Овсянникова // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2012. – № 3. – С. 187–194.
2. Галанина, Т. В. Экологические последствия техногенного воздействия при проведении открытых горных работ / Т. В. Галанина, М. И. Баумгартэн // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2013. – № 7. – С. 288–292.
3. Галанина, Т. В. Экологические последствия при различных классах техногенных воздействий / Т. В. Галанина // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2009. – № 12. – С. 174–177.
4. Герасимова, Л. А. Анализ экономического развития Кемеровской области за 2000–2012 гг. Сравнение с Новосибирской областью / Л. А. Герасимова, А. Ю. Унегова, Т. В. Галанина // Материалы молодежного экологического форума. 8–10 октября 2013 г. / под ред. Т. В. Галаниной, М. И. Баумгартэна. – Кемерово : КузГТУ, 2013. – С. 258–264.
5. Михайлов, В. Г. Анализ эколого-экономических систем в условиях промышленно развитого региона / В. Г. Михайлов, М. И. Баумгартэн, Я. С. Михайлова // Научные аспекты экологических проблем России : труды II Всерос. конф. 29–31 мая 2006 г. – Москва, 2006. – С. 292–295.
6. Щербинина, У. В. Анализ экономического развития Кемеровской области за 1999–2011 гг. / У. В. Щербинина, Т. В. Галанина // Сборник материалов V Всерос. (58) науч.-практ. конф. молодых ученых «Россия молодая» (Кемерово, 16–19 апреля 2013 г.) : в 2 т. / отв. ред. В. Ю. Блюменштейн. – Кемерово : КузГТУ, 2013. – Т. 2. – С. 169–172.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ, ЗАПАДА И ВОСТОКА

Ф.Ф. Голиков*

Опираясь на положения и предупреждения видных отечественных и зарубежных мыслителей, в статье мы рассматриваем актуальные проблемы взаимодействия России, Запада и Востока. Основные выводы: специфика места и роли России во взаимоотношениях с западными и восточными странами; преодоление тенденции западоцентризма и востокоцентризма; необходимость обращения России к Востоку, образования геополитического треугольника России, Китая, Индии и арабских стран; Россия – не воинственная, не завоевательная страна; неоднократное стремление западных стран превратить Россию в «сырьевую колонию»; предназначение России – быть гигантским социокультурным мостом между народами мира, между Западом и Востоком; русская идея – идея спасения человечества.

Ключевые слова: Запад, Восток, geopolitika, западоцентризм, востокоцентризм, славянофильство, западничество, стратегия, культура, цивилизация, исламизм, гегемония, транснациональная корпорация, экспансия, менталитет, русская идея

Нынешняя тревожная и противоречивая ситуация в мире на рубеже тысячелетий обуславливает комплексное исследование кардинальных сдвигов в межцивилизационно-государственных, производственно-экономических, товарно-рыночных, социально-политических, национально-конфессиональных, духовно-культурных и межличностных отношениях. В особенности это касается нынешней России, ставшей на путь поиска новых моделей собственного развития. Соответственно, на этом витке исторической спирали особо актуализируется проблема осмысливания места и роли России во взаимоотношениях с западными и восточными странами. Именно Россия, занимая выгодное географическое положение, учитывая свое евразийство и опираясь

* Канд. филос. наук, доцент НГАСУ (Сибстрин)

на богатство своей культуры и социального опыта, способна содействовать диалогу Запада и Востока.

Проблема «Запад–Россия–Восток» непрерывно всплывала в российском обществе в переломные моменты, когда в очередной раз решалась судьба страны. Вот и теперь появилось немало историков, философов и политологов, активно, а иногда излишне упрощенно пропагандирующих западные ценности, образ жизни, культуру, язык. В конце XX века (кстати, как и раньше) они решили перенести плоды западной цивилизации на российскую почву, как можно быстрее подделаться под Европу и под Америку. В противоположность либерало-западникам, все чаще стали развиваться «неославянофильские» идеи и концепции «неевропейскости» России. Как одни, так и другие «призывы» представляются неисторичными, излишне односторонними, а зачастую, легкомысленными и даже опасными. XXI век – это совершенно иная мировая ситуация, когда признаются равноправными различные миры, культуры и цивилизации.

Несмотря на серьезные трудности и противоречия, России предстоит в этих условиях наладить интенсивные экономические, социополитические, научно-технические и культурные взаимоотношения с западными и восточными регионами. В этот переходный для страны период встали острые вопросы. С чем мы войдем в этот мир? Научимся ли понимать другие народы, их проблемы? Преодолеем ли слепое заимствование, сохраняя свою самобытность, религиозно-этические, культурные и эстетические традиции? Неужели нам уготовано идти по миру с протянутой рукой по указке «доброжелателей»? Чтобы ответить глубже и полнее на данные и другие вопросы, следует обратиться к размышлению и предупреждениям видных отечественных и зарубежных мыслителей. В поисках своего пути развития России так и хочется спросить словами Ф.М. Достоевского: «Неужели и тут не дадут, не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Европе? Для Европы Россия – недоведение... Россия имеет свой путь развития, и было бы глупо делать "прививку" в виде пусть и неплохого, но чуждого нам

западноевропейского строя. Это не означает, что Россия должна развиваться изолированно. Все лучшее, что может у нас прижиться, мы можем и должны использовать, и в этом смысле опыт Европы весьма и весьма полезен. А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянства, идея нарождающаяся, – может быть, грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы» [1].

Не будучи сторонником одностороннего славянофильства или западничества, В.С. Соловьев подтверждает диагноз, вынесенный цивилизации Запада: разъедающий душу человека техницизм, «атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве», атомизм в истории («голые схемы» и бездушные законы). Западноевропейская цивилизация оказалась в кризисе вследствие узости своей культуры: «Чрезмерное развитие индивидуализма на современном Западе ведет прямо к своему противоположному – к всеобщему обезличению и опошлению». В связи с этим он напоминает о тех страницах истории, которые нельзя забыть: о жесткости европейских крестоносцев, которые с мечом шли на Восток, об инквизиторах, сжигающих еретиков, колдунов и ведьм, об английских войсках в Индии и Африке, истребивших тысячи несчастных жителей, чтобы завладеть их богатствами. Россия никогда не была в прошлом и вряд ли когда-нибудь станет «чисто» европейской державой. Двойственность российской идентичности достаточно четко выразил русский историк В.О. Ключевский: «Россия – это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности влияния, которые всегда влекли ее к Азии, или в нее влекли Азию» [2].

К сожалению, недостаточно осуществляется исследование проводимых в России реформ с позиции Учения Живой Этики. Коротко отметим, что в Учении содержится проработанная космическая компонента программы устойчивого развития российской цивилизации: во-первых, осуждается внешняя политика, ориентируемая на Западную Европу и США; во-вторых, звучит

призыв обратиться к Востоку, т.е. к образованию эволюционного значимого геополитического треугольника Россия – Китай – Индия, а также арабских стран; в-третьих, космическая ответственность за переход человечества на предстоящую эволюционную ступень лежит на России. Е.И. Перих прямо пишет об этом в своем письме от 17 декабря 1936 г.: «Слишком много желающих так или иначе мешать или унизить нашу великую родину, именно великую во многих отношениях... ибо одна лишь наша родина держит равновесие мира. Если бы она сейчас распалась, то гибель всего мира неминуема – такое решение высшее, решение Светил». Она часто указывала на бесперспективность каких-либо ориентиров на Запад: «Не тратьте своих сил на Запад, за ним нет будущего» [3]. В условиях тотального кризиса возрастают закономерный интерес к ценностям традиционной восточной культуры. При этом необходимо отметить, что понятия «цивилизационный Запад», «отсталый Восток» и «бедный Юг» не соответствуют реальным изменениям. То, что считалось Востоком и Югом, – в настоящее время это в большинстве своем мощные развивающиеся страны. Кроме того, такие страны, как Южная Корея, Китай, Япония и др., так или иначе осуществили своеобразный синтез западной и восточной моделей развития при сохранении культурной и цивилизационной идентичности. Следует согласиться с утверждениями многих отечественных мыслителей о России: о ее «одинокости» и «непонятности»; Европа «нас не знает, не понимает и не любит»; соседние народы боятся Россию и потому всячески стремятся к ее ослаблению и даже расчленению. Так, Н.Я. Данилевский писал: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в Славянстве вообще нечто чуждое ей, а вместе с тем, такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать выгоды, как извлекала из Китая, Индии, Африки, большей части Америки... Европа видит поэтому в России и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало... Для беспристрастного наблюдателя это неопровергимый факт». По его мнению, эта враждебность сохраняется, несмотря на большие жертвы и услуги, которые Россия оказывала Европе.

Возникновение антагонизма мыслитель видит в том, что Европа уже вступила в период упадка, в то время как русско-славянская цивилизация входит в период расцвета своих творческих сил. Развивая эту мысль, отметим, что Россия, согласно Н.Я. Данилевскому, не нападала на Европу, которая неоднократно вторглась в Россию, вынуждая ее защищаться от агрессора. Вывод ученого ясен и краток: «Все показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава», и она не рождала воителей, стремящихся к завоеванию мира. Сошлемся на слова известного отечественного историка С.М. Соловьёва, ярко показавшего, что сама природа, география, обилие внутренних дел и забот обусловили «невоинствующий характер русского народа, отсутствие у него охоты нападать и завоевывать, но в то же время готовность к "великим воинственным движениям" только во имя самостоятельности, мира для себя и других народов».

Особо актуальны сегодня пророческие предупреждения русского мыслителя Н.Ф. Фёдорова, который более века назад писал, что «Запад, употребляя исламизм как орудие, сilitся нанести удар славянству, которое своей грудью защищало тот же Запад; и как только будет разбита эта грудь, исламизм, не опасаясь более России, сбросит оковы Запада... затем по трупу России исламизм шагнет к самому Западу». Ученый многократно пишет об историческом предназначении России, которая есть «сторожевое служилое государство для сбиивания народов и испытания вер» [4]. Созвучна с этим мысль русского философа И.А. Ильина: Россия постоянно вела войны, но они носили оборонительный характер, ибо все четыре стороны равнины, на которой находилась русская земля, были открыты врагам. И только враги России могут изображать дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа. Доказательны в этом отношении суждения достаточно объективного английского историка А. Тейлора, который в середине XX в. писал о пяти вторжениях западных стран в Россию: вторжение Наполеона в 1812 г.; Англии и Франции (совместно с Турцией) – в 1854 г.; Германии – в 1916–1918 гг.; держав Антанты – в 1919–1920 гг.; Гитлера – в 1941 г. (Тейлор А. Борьба за господство в Европе. М.,

1958. С. 120). Отечественные мыслители предупреждали: Россия с ее богатейшими ресурсами не дает покоя соседним странам, а потому они плели и будут плести постоянные интриги против нее. Исходя из этого, одной из важнейших задач современной России была и остается задача отстоять свою независимость и самодостаточность на путях противостояния Западу и Востоку, стремящихся установить «новый мировой порядок», а нашу страну превратить в свою «сырьевую колонию». Она становится все более актуальной в связи с тем, что заметно обостряется вопрос о мировой гегемонии США (производственно-экономической, военной, финансовой, информационной, идеологической). Правящие американские круги для своего успешного существования почему-то требуют и реализуют упразднение национальных культур и государственности, выхолащивание исторического опыта, создание общенационального капитала.

А вот что писал еще в прошлом веке в статье «Миф об американской свободе» известный английский философ, ученый и общественный деятель Б. Рассел: «Американские политики от имени национальной безопасности санкционируют любой акт подавления, а всякий призыв к свободе именуют симпатизированием русским». Ученый высказал опасение, что «наиболее вероятными предпосылками третьей мировой войны могут стать национализм и расизм, оплотом которых является Америка». Он приводит красноречивые факты и цифры, свидетельствующие об агрессивности «североамериканской империи». Безусловно, число таковых можно привести еще множество. К примеру: антииракская операция «Буря в пустыне» (1990), бомбардировки в Югославии (1999), вторжение США в Иран (2003), события в Египте, Ливии и др.

Вопреки здравому смыслу, американский политолог З. Бжезинский пытается привести «аргументы» в доказательство сугубо «прогрессивного» характера политики монополистического капитала, беспрецедентной американской глобальной гегемонии. Он «обосновывает» право США на «руководящую роль в мире», наделяя их такими эпитетами: «мировой лидер», «первое глобальное общество», «социальная лаборатория мира» и др. По

его мнению, путь в будущее открыт лишь для тех стран, которые окажутся способными «подражать Америке», повторять ее социальный и научно-технический опыт. Особо обращаем внимание на высокомерное высказывание З. Бжезинского по отношению к России: «Вы не партнеры-«клиенты», вы потерпели поражение и должны вести себя соответственно!» Как говорится, комментарии излишни. Объяснение красноречиво дает отечественный философ В.В. Серебрянников: господство хищнических групп капитала порождает антагонизмы и насилие, сегодня транснациональные корпорации владеют гигантской собственностью, которая находится почти по всему миру. Их собственность и количественно, и качественно сильно отличается от традиционной частной собственности. Историей доказано, что чем крупнее капитал, тем больше его экспансионистские аппетиты... Среди сильнейших транснациональных корпораций доминируют американские. Именно этот факт определяет политику США, направленную на установление своего диктата в мире [5].

Отечественный философ А.А. Зиновьев писал: «Каким бы внешним насильственным воздействиям ни подвергался менталитет российского социума, как бы ни сгибалось под воздействием деформирующих сил могучее древо ментальности, оно неизменно "распрямлялось", отбрасывая и отвергая тоталитаризм, репрессии и застойное безделье, волюнтаристское реформаторство» [6]. Выдающийся русский философ В.С. Соловьёв считал, что России предназначено «новое нравственное положение» – «послужить и Востоку, и Западу, примиряя в себе обоих». По его мнению, Россия обладает оригинальными чертами, не свойственными никакой другой европейской стране. Он всем сердцем был за Россию, которая несла на себе двойную нагрузку, требующую от нее не только собственного развития, но и способности прийти на помощь своим соседям. В.С. Соловьёв в работе «Вопрос о смысле существования России во всемирной истории» отмечал: Россия – инициатор и опора духовного объединения христианских стран. Он писал: «Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, то есть того, что для них важнее и что

нужно всему миру, чем они могут послужить ему, – они живут не для себя только, а для всех» [7]. Заслуга В.С. Соловьёва состоит еще и в том, что он ввел термин «русская идея» (лекция в Париже, 1888 г.): «Бесполезный в глазах некоторых, слишком смелый, по мнению других, этот вопрос действительно является самым важным из всех для русского, да и вне России он не может показаться лишенным интереса... Я имею ввиду вопрос о смысле существования России во всемирной истории». Основной смысл *русской идеи*: спасение человека, народа и рода человеческого. Главное: чтобы любить все человечество, надо научиться любить свой народ, полюбить человека. Современный мыслитель В. Шубарт о содержании русской идеи: «Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею, идею спасения человечества» [8]. Итак, начиная с Руси X–XIII вв., было создано величайшее в мировой истории государство как общая праматерь трех восточнославянских народов – русского, украинского и белорусского. Учитывая весь тысячелетний опыт отечественной истории, можно говорить об исторической миссии России, которая определяется тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов – больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Оценивая место России в кругу существующих цивилизаций, многие исследователи отмечают, что она не вписывается полностью ни в западный, ни в восточный тип развития. Россия служила гигантским социокультурным мостом между народами, между двумя мощными центрами цивилизационного влияния – Западом и Востоком. Заимствуя все лучшее в опыте культур и цивилизаций, современная Россия должна так или иначе перестраивать свое общество в соответствии с нашими конкретными национальными, духовно-культурными реалиями и традициями. В то же время мировую культуру нельзя представить без русской культуры, в которой отчетливо представлены интерес и уважение к зарубежным народам, умение признавать чужие достижения. Следовательно, современное реформирование российского общества во многом зависит от признания плодотворности плюралистического подхода и толе-

рантности, а также от комплексного преодоления двух крайностей: с одной стороны – тотального разрушения достигнутого потенциала и социальной памяти, а с другой – проявления тенденции бесконтрольности, хаотичности и беззакония. В нынешней сложившейся ситуации Россия способна опровергнуть как наиболее пессимистические, так и излишне оптимистические прогнозы. Безусловно, в России в настоящее «смутное» время обязательно найдутся реальные силы, чтобы преодолеть самые тяжелые испытания. А согласно Ф.М. Достоевскому, «будущие, грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно» стремление «внести примирение в европейские противоречия уже окончательно» [9]. Заключим знаменательными словами И.А. Ильина: быть русским – это значит воспринимать Россию сердцем, любить ее душой, видеть ее самобытность, «верить в Россию так, как велили в нее великие люди, все ее гении и ее строители».

Список литературы

1. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений / Ф. М. Достоевский. – Ленинград, 1993. – Т. 25. – С. 9.
2. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – Москва, 1987. – Т. 1. – С. 65.
3. Учение Живой Этики. – Самара, 1992.
4. *Фёдоров, Н. Ф.* Сочинения / Н. Ф. Фёдоров. – Москва, 1982.
5. *Серебрянников, В. В.* Эволюция представлений о войне / В. В. Серебрянников // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2004. – № 3. – С. 70–72.
6. *Зиновьев, А. А.* Постсоветизм / А. А. Зиновьев // Философия образования. – 2006. – № 2.
7. *Соловьёв, В. С.* Сочинения / В. С. Соловьёв. – Москва, 1988. – Т. 1. – С. 375–376.
8. *Шубарт, В.* Европа и душа Востока / В. Шубарт. – Москва, 1997. – С. 100.
9. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград, 1973–1990. – Т. 26. – С. 148.

ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.П. Дементьев^{*}

В статье представлен критический обзор последних реформ российской пенсионной системы. Особое внимание уделяется накопительным системам в обязательном и добровольном пенсионном страховании, а также проблемам низкой доходности активов негосударственных пенсионных фондов. Показывается, что частное пенсионное страхование стагнирует в последние годы. Обсуждаются Стратегия развития пенсионной системы РФ до 2030 г. и предложения правительства по созданию корпоративного пенсионного страхования.

Ключевые слова: обязательное пенсионное страхование, накопительные пенсионные системы, реформа, негосударственные пенсионные фонды, корпоративное пенсионное страхование, стареющее население

В нынешней России существует три вида пенсий: государственные трудовые пенсии в системе обязательного пенсионного страхования (ОПС), пенсии в системе государственного пенсионного обеспечения (ГПО¹) и частные накопительные пенсии в системе негосударственного пенсионного обеспечения (НПО). На конец 2014 г. размер средней трудовой пенсии составил 11151 руб., средней пенсии по ГПО – на 7983 руб., средней пенсии по НПО – около 2,5 тыс. руб.² Подавляющая часть пенсионных выплат населению приходилась на трудовые пенсии в системе ОПС. Распределение получателей пенсий выглядело следующим образом: в системе ОПС – 38,02 млн чел., в системе ГПО – 3,44 млн чел., в системе НПО – 1,58 млн чел.

^{*} Д-р физ.-мат. наук, гл. науч. сотрудник ИЭОПП СО РАН

¹ К сфере ГПО относятся пенсии по выслуге лет, пенсии военнослужащим и их семьям, социальные пенсии и пр.

² Основными источниками информации в статье послужили: статистика Банка России по субъектам рынка коллективных инвестиций, годовые отчеты Пенсионного фонда России, статистика Внешэкономбанка по пенсионным накоплениям. В тексте (за исключением таблиц) ссылки на указанные источники обычно не делаются.

Пенсионная реформа 2002 г.

История системы обязательного пенсионного страхования началась с пенсионной реформы, осуществленной в 2002 г.

С помощью реформы 2002 г. предполагалось, в частности:

- усилить дифференциацию в пенсиях в зависимости от трудовых заслуг и взносов застрахованных. С этой целью в трудовую пенсию была введена накопительная часть, размер которой прямо зависит от пенсионных взносов застрахованного. Считалось, что рост дифференциации в пенсиях сократит объемы теневой оплаты труда;
- предотвратить кризис пенсионной системы в связи со старением населения;
- частично вывести досрочные пенсии из системы ОПС в корпоративные пенсионные системы. В последние годы около трети работающих в России выходит на пенсию ранее достижения ими общего пенсионного возраста. Однако тарифы пенсионных взносов в Пенсионный фонд России (ПФР) у них были такими же, что и у остальных граждан. Таким образом, ранний выход льготников на пенсию оплачивался за счет остальных застрахованных, чего в рыночной экономике не должно быть.

Согласно положениям реформы, для граждан 1967 г. рожд. и моложе трудовая пенсия должна состоять из двух частей – страховой и накопительной. Поэтому их пенсионные взносы делятся на две части, которые поступают на страховой и накопительный счета. От сумм, накопленных на этих счетах, зависят соответственно страховая и накопительная части трудовой пенсии. Для граждан, родившихся ранее 1967 г., накопительная часть в трудовой пенсии не предусмотрена, и их взносы полностью поступают на страховые индивидуальные счета.

Страховые взносы, поступающие на финансирование страховой пенсии, идут на выплату текущих пенсий, а на страховых индивидуальных счетах работающих накапливаются не реальные деньги, а будущие пенсионные обязательства государства перед ними. В зависимости от инфляции и динамики заработ-

ных плат такие обязательства периодически индексируются Правительством РФ.

В отличие от страхового счета, средства на накопительном счете застрахованного лица представляют собой реальные деньги, инвестируемые в экономику. Накопленные деньги вместе с инвестиционным доходом могут быть потрачены только на выплату накопительной пенсии владельцу счета или на выплаты наследникам в случае его смерти до выхода на пенсию.

Вначале пенсионные накопления в системе ОПС полностью оставались в ПФР, а их инвестированием занимались государственная управляющая компания Внешэкономбанк (ВЭБ) и специально отобранные частные управляющие компании. Но с 2004 г. застрахованные лица получили право переводить свои пенсионные накопления из ПФР в негосударственные пенсионные фонды (НПФ).

На стадии подготовки реформа жестко критиковались оппозиционной тогда Государственной Думой [1]. Указывалось, что в России пока нет условий для введения накопительных элементов в систему ОПС (экономическая стабильность, высокий уровень благосостояния населения, эффективные финансовые институты и доверие населения к ним).

Пенсионной реформа в России начиналась тогда, когда стали видны результаты пенсионных накопительных реформ в Латинской Америке, предпринятых в 80-х годах прошлого века. Они оказались более чем скромными в сравнении с обещаниями устроителей реформ. Тогда же появились работы Н. Барра [2], П. Орсага и Дж. Стиглица [3], доказывающие, что большинство распространенных в обществе и литературе представлений о преимуществах накопительных пенсионных систем не доказано ни логически, ни практически. А вот их минус общеизвестен: в накопительных пенсионных системах очень высоки административные издержки, что снижает начисленную доходность для владельцев пенсионных накоплений.

К 2013 г. задачи, поставленные в пенсионной реформе 2002 г., были выполнены лишь частично. Ничего не предприни-

малось по реформированию досрочных пенсий, по созданию системы корпоративных пенсий. Но наибольшие нарекания вызывала низкая доходность пенсионных накоплений в Пенсионном фонде России и негосударственных пенсионных фондах.

Проблемы доходности пенсионных накоплений

В социальном блоке Правительства РФ, ПФР, профсоюзах и других общественных институтах критика накопительной составляющей системы ОПС связана большей частью с доходностью пенсионных накоплений, которая и в Пенсионном фонде России, и в негосударственных пенсионных фондах настолько мала, что зачастую не компенсирует инфляцию.

По данным БР, на конец 2014 г. пенсионные накопления под управлением Внешэкономбанка составили 1905 млрд руб., а под управлением НПФ – 1129 млрд руб. Пенсионные накопления под управлением ВЭБа почти полностью инвестировались в рамках Расширенного инвестиционного портфеля (ИП). Основную часть этого портфеля составляют надежные, но малодоходные финансовые инструменты: государственные ценные бумаги РФ, корпоративные облигации, депозиты и средства на расчетных счетах (табл. 1). По данным ВЭБа, за 2004–2014 гг. nominalная доходность инвестирования пенсионных накоплений в ИП «Расширенный» не покрывала их инфляционное обесценение. В реальном выражении пенсионные накопления под управлением Внешэкономбанка обесценивались на 2,7 % в среднем за год.

Не лучше обстоит дело с доходностью пенсионных накоплений и в негосударственных пенсионных фондах. В их инвестиционных портфелях мало государственных ценных бумаг, зато высока доля корпоративных ценных бумаг (облигаций и акций). Корпоративные акции обеспечивали высокую доходность во время экономического роста в предкризисные годы, но в начале нынешнего кризиса (2008 г.) их капитализация снизилась почти в 3 раза [4], и НПФ понесли потери от переоценки рыночной стоимости ценных бумаг.

Таблица 1

Структура ИП «Расширенный»
Внешэкономбанка на конец года

	2010		2011		2012	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Государственные ценные бумаги РФ	530,1	71,9	940,2	57,5	858,1	45,4
Облигации хозяйствен- ных обществ	90,6	12,3	259,8	15,9	602,3	31,8
Ипотечные ценные бумаги	15,9	2,2	35,9	2,2	80,2	4,2
Средства на счетах и депозитах в кредит- ных организациях	71,0	9,6	345,1	21,1	287,5	15,2
Прочие инвестиции	30,3	4,1	54,7	3,4	64,2	3,4

Источник: Сведения о деятельности Пенсионного фонда Российской Федерации, государственной управляющей компании и частных управляющих компаний по обязательному пенсионному страхованию [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/?Prtid=sv_coll_invest&ch=ITM_41181#CheckedItem (дата обращения: 06.02.2016).

В табл. 2 приведены данные по доходности пенсионных накоплений в НПФ, которая в данной статье приближенно рассчитывается как годовой доход от инвестирования пенсионных накоплений к их стоимости в середине года. В течение 2008–2014 гг. доходность составляла в среднем 5 % годовых, тогда как потребительские цены росли в среднем на 8,8 % за год. К тому же часть инвестиционного дохода «съедали» административные издержки. Таким образом, для застрахованных реальная (с учетом инфляции) доходность пенсионных накоплений была сильно отрицательной.

Таблица 2
Доходность пенсионных накоплений и резервов в НПФ

	2011	2012	2013	2014
Пенсионные накопления				
Доход от инвестирования пенсионных накоплений, млрд руб.	3,5	45,2	69,8	60,2
в том числе:				
– поступления на счета накопительной части трудовой пенсии	3,4	35,5	54,7	...
– административные издержки	0,7	9,2	13,8	...
Пенсионные накопления на 30 июня, млрд руб.	301,5	558,3	897,5	1109,5
Доходность от инвестирования пенсионных накоплений, %	1,2	8,1	7,8	5,4
Пенсионные резервы				
Доход от инвестирования пенсионных резервов, млрд руб.	51,8	53,2	69,8	43,6
в том числе:				
– поступления на счета пенсии в системе НПО	23,9	18,4	30,9	17,2
– административные издержки	5,6	5,9	7,2	4,6
Пенсионные резервы на 30 июня, млрд руб.	669,4	732,1	783,4	861,5
Доходность от инвестирования пенсионных резервов, %	7,7	7,3	8,9	5,1
Индексы потребительских цен, %	106,1	106,6	106,5	111,4

Источник: Субъекты рынка коллективных инвестиций [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/?Prfid=sv_coll_invest&ch=ITM_41181#CheckedItem (дата обращения 15.07.2015).

Ясно, что для молодых граждан делать пенсионные накопления с такой доходностью в ПФР и НПФ бессмысленно: от них к выходу на пенсию мало что останется.

Трансферты федерального бюджета Пенсионному фонду России

Ежегодно бюджет Пенсионного фонда России сводится со значительным дефицитом, покрываемым за счет федерального бюджета. В 2013 г., например, на выплату трудовых пенсий было направлено 4,83 трлн руб., тогда как пенсионные взносы на страховую часть трудовой пенсии составили 2,94 трлн руб. Как видно, дефицит бюджета ПФР в части трудовых пенсий составил 1,89 трлн руб.

В правительственные кругах трансферты из федерального бюджета в ПФР воспринимаются как чрезмерные, поэтому тарифы пенсионных взносов многократно менялись. Так, например, в 2011 г. ставка пенсионных взносов была повышена с 20 до 26 % от заработной платы, и дефицит бюджета ПФР действительно снизился. Однако повышение пенсионных взносов вызвало протесты предпринимателей, и в 2012 г. ставка была снижена до 22 %.

Стагнация в негосударственном пенсионном обеспечении

По данным Центрального банка РФ, на 1 января 2015 г. негосударственные пенсионные фонды охватывали 6,37 млн участников системы НПО, и пенсионные резервы³ в НПФ составляли 900 млрд руб. Львиная доля пенсионных резервов была сосредоточена в двух фондах – «Газфонде» и «Благосостоянии». Первый обслуживает в основном пенсионные программы работников «Газпрома», а второй – работников РЖД. На 1 января 2015 г. на «Газфонд» приходилось 36,2 % пенсионных резервов всех НПФ России, хотя в нем насчитывалось лишь 3,9 % всех участников НПО. В обоих фондах были сосредоточено 63,6 % всех пенсионных резервов.

³ Пенсионные сбережения в негосударственных пенсионных фондах делятся на две части – пенсионные накопления и пенсионные резервы. В первом случае это сбережения лиц, застрахованных в системе ОПС, во втором – сбережения участников в системе НПО.

Большинство российских предприятий и их работники не проявляют пока интереса к добровольному пенсионному страхованию. Но несколько корпораций монополистического типа являются исключением. Уровень зарплат в них намного превышает средний по стране, тем более он несопоставим с уровнем трудовых пенсий в системе ОПС. Без дополнительных пенсионных выплат увольнение работников таких корпораций по достижении пенсионного возраста порождало бы конфликты. Обеспечивая работников добавочной пенсией, корпорации имеют больше свободы при проведении кадровой политики.

После того как монополии обзавелись корпоративными пенсиями, система НПО практически перестала развиваться. За 2007–2014 гг. пенсионные резервы в реальном выражении (с учетом инфляции) выросли на 10 %, а число участников в НПО даже чуть сократилось – с 6,42 до 6,36 млн чел. На начало 2015 г. пенсионные резервы в среднем на одного участника НПО составляли: в НПФ «Газфонд» – 1327 тыс. руб., а в остальных НПФ (на которые приходилось 96 % всех участников НПО) – около 90 тыс. руб. Как видно, пенсионные резервы большинства участников НПО носят ныне символический характер.

Одна из причин негативного отношения населения к добровольному пенсионному страхованию – низкая доходность пенсионных резервов (см. табл. 2). Их средняя доходность за 2008–2014 гг. составляла менее 8,7 % годовых, тогда как средний темп прироста потребительских цен был равен 8,8 %. Так как часть инвестиционного дохода шла на покрытие административных издержек, то участники НПО имели в среднем отрицательную доходность по своим пенсионным сбережениям.

В России существуют налоговые льготы для поощрения добровольного пенсионного страхования. А именно, взносы работодателей по договорам пенсионного страхования работников вычитаются из налогооблагаемой базы налога на прибыль в размере, не превышающем 12 % от суммы расходов на оплату труда. Однако льготы не дали пока заметного эффекта.

Кризис системы негосударственного пенсионного обеспечения заставляет негосударственные пенсионные фонды активнее бороться за пенсионные накопления из системы ОПС. За 2008–2013 гг. число застрахованных в системе ОПС, переведших пенсионные накопления в НПФ, возросло с 1,9 до 22,1 млн чел. К 2013 г. пенсионные накопления перегнали по объему пенсионные резервы и стали главным фактором развития НПФ.

Стратегия развития пенсионной системы России и последующие реформы

В конце 2012 г. Правительством РФ была принята Стратегия развития пенсионной системы РФ до 2030 г. [5]. Ее положения частично были реализованы в федеральном законе № 243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования» от 3 декабря 2012 г. Закон устанавливает дополнительные тарифы страховых взносов для формирования досрочных пенсий. Например, для лиц, занятых на рабочих местах с особо вредными и тяжелыми условиями труда, дополнительный тариф определен следующим образом: в 2013 г. – 4 %, в 2014 г. – 6 %, в 2015 г. – 9 %. Со временем для таких работников предполагается ввести систему социальных гарантий (корпоративные пенсии, компенсационные надбавки к заработной плате, страхование от несчастных случаев и т.д.), после чего дополнительные тарифы пенсионных взносов будут отменены.

При разработке Стратегии Минтруда предлагало исключить накопительные элементы из системы ОПС, обосновывая это отрицательной реальной доходностью пенсионных накоплений. Против предложений Минтруда выступали Министерство финансов, Министерство экономического развития, Российский союз промышленников и предпринимателей, Национальная ассоциация НПФ. В результате в законе № 243-ФЗ был зафиксирован компромисс: накопительный тариф снижался с 6 до 2 %, но желающие могли сохранить тариф на прежнем 6 %-ном уровне. Через год правила вновь изменились. 28 декабря 2013 г. был принят федеральный закон № 400-ФЗ «О страховых пенси-

ях», в котором содержалась так называемая «новая пенсионная формула». По закону застрахованные должны либо платить накопительные взносы по 6 %-ному тарифу, либо отказаться от накопительной пенсии, перечисляя все взносы на формирование страховой пенсии. Выбор должен быть сделан до конца 2015 г. Тем самым допускается существенное свертывание накопительных элементов в системе ОПС. Впрочем, до сих пор пенсионные правила многократно менялись, и нет уверенности в том, что они не будут пересматриваться в дальнейшем.

В течение 2014–2016 гг. накопительная часть пенсий была заморожена, и пенсионные взносы целиком стали поступать на формирование страховой пенсии. Такой шаг Правительство РФ объясняло переходом на систему страхования пенсионных накоплений, для чего необходимо время. Но главный мотив правительства был, видимо, иным: власти хотели уменьшить дефицит бюджета ПФР и сократить трансферты ему из федерального бюджета. Все НПФ, работающие с пенсионными накоплениями, должны до 2016 г. пройти проверку на соответствие создаваемой системе страхования. Выдержавшие экзамен НПФ будут акционированы (ранее у них был статус некоммерческих организаций). Лица, доверившие пенсионные накопления фондам неудачникам, смогут перевести их в фонды, вошедшие в систему страхования пенсионных накоплений.

Банк России считает, что страхование пенсионных накоплений (наподобие страхования банковских вкладов) повысит их надежность, а акционирование сделает фонды более прозрачными и контролируемыми. Акционирование может иметь и отрицательные последствия для клиентов НПФ. Хозяевами НПФ станут акционеры, и им будет доставаться часть прибыли от инвестиций. Кроме того, прибыль будет облагаться налогом (до сих пор НПФ как некоммерческие организации такого налога не платили). По этим причинам и без того низкая доходность пенсионных накоплений в НПФ может еще более упасть, что подтолкнет часть застрахованных выйти из этих организаций.

«Новая пенсионная формула» значительно ужесточает требования для получения страховой пенсии. В течение 10 лет ми-

нимальный трудовой стаж будет поэтапно поднят с 5 до 15 лет. Были введены годовые пенсионные баллы, зависящие от пенсионных взносов застрахованного, и для получения страховой пенсии сумма годовых баллов должна быть не меньше определенного норматива. Периодически правительство будет определять общую сумму пенсионных выплат, которая будет делиться между пенсионерами пропорционально набранным баллам. Каковы правила исчисления этой суммы, пока ясности нет.

В Стратегии говорится и о совершенствовании добровольного пенсионного страхования, однако предложения в этом направлении не идут дальше общих фраз. Известно лишь, что негосударственные пенсионные фонды, не работающие с пенсионными накоплениями, также должны пройти отбор, акционироваться и получить новые лицензии к 2019 г.

В корпоративном пенсионном страховании тоже нет ясности. В марте 2015 г. Минтруда сообщило о том, что им подготовлены новые схемы формирования досрочных пенсий для работников, занятых в особо вредных и опасных условиях труда. Затем никаких сообщений не последовало, и, похоже, из-за нынешних финансовых трудностей предложения Минтруда отложены до лучших времен.

В конце 2015 г. был принят закон, допускающий неполную индексацию страховых пенсий (в соответствии с уровнем инфляции). Для работающих пенсионеров индексация вообще не предусматривается. Но при прекращении трудовой деятельности работающим пенсионерам размер пенсий будет рассчитываться с учетом всех прошедших за период работы индексаций.

Возникает ощущение, что Правительство РФ не имеет продуманной программы реформирования пенсионной системы. Например, до конца 2016 г. население должно определиться с накопительной частью пенсии, но возникает вопрос, как ему сделать выбор при нынешней неразберихе с накопительной составляющей в системе ОПС и негосударственными пенсионными фондами. Постоянные изменения «правил игры» подрывают доверие населения к пенсионным институтам. Они отражают не

только слабость пенсионной политики правительства, но и объективные трудности в стране с неустойчивой экономикой.

Список литературы

1. *AB 2001 г.* Вып. 16. Зарубежные пенсионные системы: опыт для России // Информационно-аналитические материалы ГД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4533/contents> (дата обращения: 06.02.2016).
2. *Barr, N.* The Truth About Pension Reform / N. Barr // Finance&Development. IMF [Электронный ресурс]. – 2001. – Vol. 38. – № 3. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2001/09/barr.htm> (дата обращения: 06.02.2016).
3. *Orszag, P. R.* Rethinking Pension Reform: Ten Myths About Social Security Systems [Электронный ресурс] / P. R. Orszag, J. E. Stiglitz. – Режим доступа: http://www.ssc.wisc.edu/~scholz/Teaching_742/Orszag-Stiglitz.pdf (дата обращения: 06.02.2016).
4. Банк России. Обзор финансового рынка. Первое полугодие 2013 г. № 75 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/archive/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9563 (дата обращения: 06.02.2016).
5. Стратегия развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/projects/20/Strategiya_pensii.doc (дата обращения: 05.02.2016).

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ БРЕНДОВ ИТ-КОМПАНИЙ

К.Ю. Казанцев*

В статье приводится факторный анализ и финансовая оценка бренда ИТ-компании на основе метода взвешенных графов. Анализируется многофакторный подход к определению силы бренда и дается оценка силы бренда одной из ведущих мировых ИТ-компаний.

Ключевые слова: бренд, факторный анализ, сила бренда, модель, взвешенные графы

В последние годы ИТ-отрасль играет все большую роль в современных реалиях российской экономики. В предыдущие 5 лет с помощью государственного участия было сформировано несколько крупных ИТ-кластеров регионального значения, таких как Сколковский ИТ-кластер, Казанский кластер, ИТ-кластер Новосибирского Академгородка. В данном разрезе сфера информационных технологий может быть рассмотрена как один из локомотивов развития инновационной экономики России. Соответственно, важным моментом для изучения становится конкурентоспособность отдельных ИТ-предприятий и их объединений. Особую роль в анализе конкурентоспособности предприятия играет анализ конкурентоспособности его бренда, или силы бренда.

Ранее нами были изучены основные подходы к анализу силы бренда и проанализированы их достоинства и недостатки [1]. На основе изученного материала для оценки стоимости бренда нами был применен метод взвешенных графов для наиболее полного факторного анализа силы бренда, что позволило добиться объективной картины расстановки сил, влияющих на бренд предприятия.

* Науч. сотрудник ИЭОПП СО РАН, ст. преподаватель НГУ

Современный подход к анализу силы бренда по шагам импульсного процесса формирует представление о бренде как о многофакторной величине, которая подвержена постоянному влиянию различных сил и процессов, как протекающих внутри компании, так и влияющих на ее бренд извне [2].

Однако классический подход к анализу с помощью взвешенных ориентированных графов отражает влияние различных факторов на процесс развития силы бренда в безразмерных измерителях, в то время как анализ бренда как финансовой величины однозначно требует от нас получения абсолютных показателей измерения силы бренда в денежных единицах.

Для того чтобы получить конкретные показатели измерения силы бренда в реальных единицах, а именно в денежном выражении, нами был проведен анализ финансовой отчетности одной из ведущих ИТ-компаний мира – HewlettPackard (HP).

За искомые показатели были взяты факторы, используемые в авторской модели [3], а именно: срок существования, динамика продаж, сила бренда, бюджет бренда, соответствие потребительским ожиданиям, инновационность, сегментирование, интернационализация (представленность на международном рынке). Такие факторы, как господдержка и харизма лидера, были нами опущены по причине того, что они трудноизмеримы без проведения специального исследования внутри компании.

За основу анализа были взяты ежегодные финансовые отчеты компаний HP за период с 2005 по 2014 гг. [4]. Каждому из вышеперечисленных факторов были поставлены в соответствие наиболее близкие финансовые измерители, характеризующие их в монетарном плане. Так, для показателя «Динамика продаж» был выбран показатель «Netrevenue» («Чистый доход»); «Бюджет бренда» – «Amortizationofintangibleassets» («Затраты на амортизацию нематериальных активов»); «Соответствие потребительским ожиданиям» – «Customercontracts, customerlistsand-distributionagreements» («Клиентские контракты и дистрибуторские соглашения»); «Инновационность» – «Researchand-development» («Затраты на научные исследования»); «Сегментирование» – «Producttrademarks» («Количество торговых марок»);

«Интернационализация» – количество официальных представительств в разных странах.

Анализ вышеперечисленных показателей за 10 лет позволил сформировать выборку данных для калибровки модели в единицах реальной размерности показателей, которую можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Следует отметить, что, так как бренд является фактором, который в первую очередь влияет на динамику продаж бренда, нам необходимо проанализировать ее цикличность. В противном случае, если анализировать силу бренда, опираясь на средневзвешенные показатели всего представленного периода без учета трендов роста или падения продаж, можно получить значения, описывающие силу бренда, которые не будут соответствовать действительности.

Проанализируем тренды динамики продажи за 10 лет (рис. 1.)

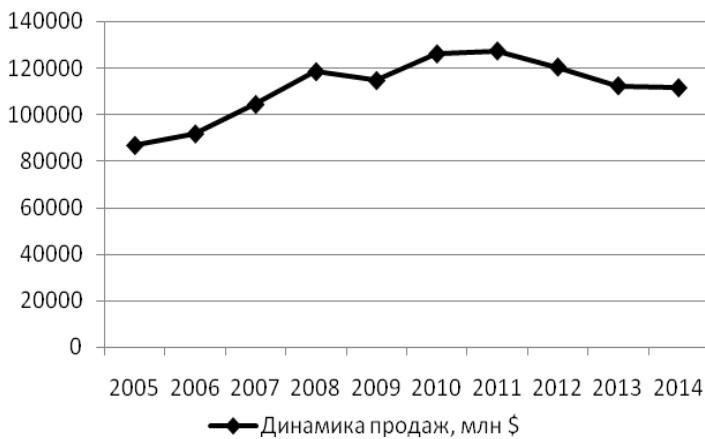

Рис. 1. Динамика продаж (выручки) компании HP за период 2005–2014 гг.

Таблица 1

Показатели для калибровки модели

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Срок существования, лет	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75
Динамика (объем) продаж (выручка), млрд \$	86,7	91,7	104,3	118,4	114,6	126	127	120,4	112	111
Сила бренда (стоимость деловой репутации), млрд \$	16,4	16,9	21,8	32,3	33,1	38,5	44,6	31,1	31,1	31,1
Бюджет (затраты на амортизацию), млрд \$	0,62	0,6	0,78	0,97	1,6	1,5	1,6	1,8	1,4	1
Соответствие потребительским ожиданиям (подписанных клиентских соглашений), млн \$	2401	2586	3239	6530	6763	7503	6346	5807	5321	5289
Инновационность (расходы на научные исследования), млн \$	3 490	3591	3611	3543	2819	2959	3254	3399	3135	3447
Сегментирование (количество торговых марок), шт.	94	103	115	253	247	346	336	310	1730	1693
Интернационализация (количество официальных представительств), шт.	70	70	71	71	71	71	72	72	72	72

Таким образом, мы можем видеть, что продажи бренда можно разделить на два цикла: 2005–2010 гг. (тренд роста) и 2011–2014 гг. (тренд падения).

Для дальнейшей калибровки модели были проанализированы средние и среднеквадратичные отклонения по каждому фактору в соответствующем периоде (табл. 2).

Таблица 2

Статистические характеристики
временных рядов показателей

Показатель	Min	Max	Mean 2005 – 2010	Std. Deviati- on 2005 – 2010	Mean 2011 – 2014	Std. Deviati- on 2011 – 2014
Срок существования, лет	66,0	75,0	68,5	3,03	73,5	1,29
Динамика продаж, млрд \$	86,7	127,3	107	13,6	117,8	7,4
Сила бренда, млрд \$	16,4	44,6	26,5	9	34,5	6,7
Бюджет, млрд \$	0,6	1,8	1	0,4	1,4	0,3
Соответствие потребительским ожиданиям, млрд \$	2,4	7,5	4,8	1,8	5,7	0,5
Инновационность, млрд \$	2,8	3,6	3,3	274,6	3,3	1,1
Сегментирование, шт.	94	1730	193	633,6	1,1	801,9
Интернационализация, шт.	70	72	70	0,81	72	0

Далее следует определить центрированное и нормированное значение каждого фактора, исходя из формулы

$$X_{\text{нор}} = \frac{X_{\phi} - \bar{X}}{\sigma}, \quad (1)$$

где $X_{\text{нор}}$ – нормированное значение фактора; X_{ϕ} – текущее значение фактора; \bar{X} – средний показатель фактора за анализируемый период; σ – среднеквадратическое отклонение показателя фактора за анализируемый период.

Таким образом, мы получили следующие нормированные значения каждого из факторов, влияющих на силу бренда, сложившиеся в период 2011–2014 г. (табл. 3).

Таблица 3
Нормированное значение факторов

Показатель	Вес
Срок существования	1,162
Динамика продаж	-0,858
Сила бренда	-0,496
Бюджет	-1,302
Соответствие потребительским ожиданиям	-0,808
Иновационность	0,974
Сегментирование	0,843
Интернационализация	0

Эти значения мы используем как исходные данные для импульсного процесса во взвешенном ориентированном графе, представленном матрицей смежности [5].

Анализ матрицы смежности предоставляет нам возможность проанализировать модель роста на предмет ее стабильности по шагам импульсного процесса, она представлена на рис. 2.

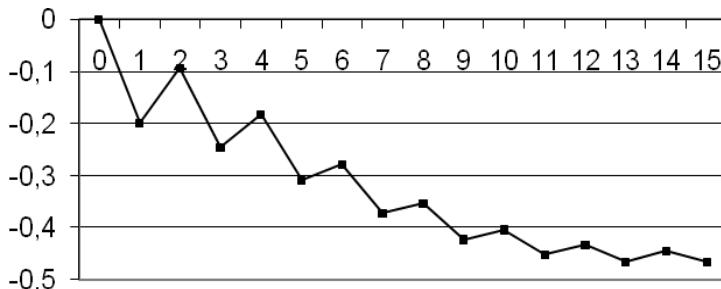

Рис. 2. Изменение силы бренда компании HP по шагам импульсного процесса 2011 – 2014 гг.

Нетрудно заметить, что к шагу 11 импульсного процесса в сложной системе взаимосвязанных факторов, влияющих на силу бренда, происходит стабилизация; на шаге 15 мы имеем падение на 0,47 единиц. Чтобы определить денежное значение силы бренда на шаге 15, нам достаточно обратиться к формуле (1) преобразования абсолютных значений показателей в относительные, из которой для фактических показателей получаем выражение

$$X_\phi = X_{\text{коп}} \cdot \sigma + \bar{X}. \quad (2)$$

В результате для компании HewlettPackard получаем прогнозное значение силы бренда

$$X_\phi = -0,47 \cdot 6720,3 + 34470,8 = 31342,08 \text{ млн \$}.$$

Однако объективность данной картины достаточно трудно измерима по причине сложности оценки веса некоторых факторов.

Для анализа объективности анализа нами было принято решение сравнить полученные данные прогнозного значения силы бренда с оценками, полученными при использовании другой модели. Нами была выбрана модель компании Interbrand по следующим причинам:

1. На данный момент оценки стоимости бренда компании Interbrand являются наиболее авторитетными и признаны ведущими научными и бизнес-изданиями.

2. Бренд компании НР уже 9 лет входит в ежегодный рейтинг компании Interbrand «Топ-100 самых дорогих брендов мира».

Для проведения анализа нами были выбраны данные за 2014 г. Напомним, что модель Interbrand также использует многофакторную систему влияния на бренд в рамках расчета мультипликатора. В модели используются следующие факторы: лидерство бренда, стабильность присутствия на рынке, привлекательность рынка, интернациональность, тенденции продаж, поддержка, юридическая защита.

Для большей части данных показателей можно подобрать показатели из модели, построенной автором (табл. 4).

Таблица 4

Таблица соответствия показателей
авторской модели и модели Interbrand

Фактор модели Interbrand	Фактор авторской модели
Лидерство бренда	–
Стабильность присутствия	Срок существования
Привлекательность рынка	–
Интернациональность	Интернациональность
Тенденции продаж	Динамика продаж
Поддержка	Бюджет бренда
Юридическая защита	–

Таким образом, применив соответствующие значения в качестве начальных в матрице импульсного процесса, мы можем получить значение силы бренда и сравнить его со стоимостью бренда, определенной на базе модели компании Interbrand.

Представив анализируемые данные в виде таблицы, можно получить следующую картину (табл. 5).

Таблица 5

Анализ соответствия силы бренда компании HP,
полученный на основе авторской и модели компании Interbrand

Фактор	Значение
Срок существования	1,162
Интернациональность	0
Динамика продаж	-0,858
Бюджет бренда	-1,302
Прогнозная стоимость бренда	13,1 млрд \$
Оценка бренда компанией Interbrand	23,76 млрд \$

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Авторская модель дает адекватный порядок оценок силы бренда в финансовом выражении.

2. Бренд компании HewlettPackard потенциально переоценен. Однако по той причине, что не все факторы в моделях со-поставимы и могут быть адекватно оценены, расхождение их оценок нельзя воспринимать как несостоительность одной из методик.

Список литературы

1. Казанцев, К. Ю. Методы оценки экономической эффективности бренда / К. Ю. Казанцев // Глобальные и региональные экономические процессы : материалы науч. конф. 23–24 дек. 2011 г. / отв. ред. А. Г. Коржубаев, М. Ю. Матвеев, Л. К. Казанцева ; ИЭОПП СО РАН, С.-Петербург. ун-т управления и экон. Новосиб. филиал. – Новосибирск, 2012. – С. 273–281.
2. Казанцев, К. Ю. Факторный анализ силы бренда высокотехнологичных предприятий / К. Ю. Казанцев // Интерэкско

ГЕО-Сибирь-2015 : XI Междунар. науч. конгр., 13–25 апр. 2015 г. ; Новосибирск : Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью» : сб. материалов : в 4 т. / отв. за вып. В. И. Суслов [и др.] ; Сиб. гос. ун-т геосистем и технологий. – Новосибирск : СГУГиТ, 2015. – Т. 1. – С. 95–100.

3. Казанцев, К. Ю. Использование знаковых ориентированных графов при анализе силы бренда (на примере ИТ-компаний) / К. Ю. Казанцев, М. А. Ягольницер // Идеи и идеалы. – 2015. – № 3 (25). – Т. 2. – С. 50–62.
4. HewlettPackard Annual Reports [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://h30261.www3.hp.com/financial/annual-reports-and-proxies.aspx>
5. Ягольницер, М. А. Сила бренда и ее измерение (на примере ИТ-компаний) / М. А. Ягольницер, К. Ю. Казанцев // Экономика и менеджмент систем управления. – 2014. – № 4.2 (14). – С. 322–331.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ю.И. Казанцев*

В работе анализируются социальные трансформации, протекавшие в Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI в., вскрываются диспропорции темпов развития экономики и социальной сферы региона.

Ключевые слова: районы опережающего развития, концепция социальных трансформаций периферийных районов

Введение

Завершение двадцатого столетия ознаменовалось началом масштабных социальных трансформаций, охвативших Восточную Европу и все постсоветское пространство. Нарастающие трансформации свидетельствуют о завершении эпохи уравнительных социальных экспериментов, вызывают потребность поиска новых концепций и социальных практик, отвечающих динамичному развитию общества.

Применительно к российской действительности разработаны новейшие концептуальные представления об управлении социальной сферой, которые предполагают несколько дифференцированных уровней политики в отношении разных регионов страны. Самой простой для реализации является концепция базовых нужд, ориентированная на удовлетворение минимальных потребностей человека в еде, одежде, жилье, образовании, здравоохранении, транспорте и связи. Концепция базовых нужд призвана дать минимум того, без чего современный человек не может элементарно выживать.

* Д-р ист. наук, профессор НГАСУ (Сибстрин)

Другой подход, который принято именовать концепцией качества жизни, представляет собой расширенный набор компонентов, которые призваны обеспечивать не только элементарные жизненные условия человеку, но и обеспечить процесс социализации семьи, развитие социальных связей, рост социальной активности населения в гражданском обществе, гарантирующем его права и свободы.

Высшим уровнем теоретического представления о социальном развитии общества является концепция человеческого капитала. Человеческий капитал трактуется как способность человека приносить максимальный доход себе, государству и обществу за счет использования совокупности накопленных знаний, умений, навыков. Человеческий капитал характеризуется состоянием здоровья населения, его образовательным, профессиональным и культурным уровнем. Именно эти основополагающие факторы являются сегодня важнейшим локомотивом экономического и социального прогресса во всем мире.

Социальные трансформации ученые нередко рассматривают как один из аспектов развития общества, включающей в себя воспроизводство населения, социальное конструирование общества, формирование социальных норм и контекст социальных ожиданий. В общественных науках термин «трансформация» стал использоваться с середины прошлого века, и долгое время отождествлялся с понятием «модернизация». Социальные трансформации действительно обусловлены модернизацией общества, необходимостью улучшения условий жизни людей, поэтому предполагают гармонизацию отношений между властью и обществом, рост образовательного уровня и культуры населения, развитие системы здравоохранения, социального обеспечения, социальные трансформации задают вектор развития общества в целом.

В данной работе предполагается исследовать концептуальные представления и практические результаты социального развития Западной Сибири во второй половине XX в., проанализировать особенности социальных трансформаций в условиях опережающего индустриального развития региона.

Опыт формирования территорий опережающего развития

Считается, что в современных условиях о создании территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) впервые заявил президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Глава государства предложил создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для создания несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» определил правовой режим территорий опережающего социально-экономического развития, меры государственной поддержки и порядок осуществления деятельности на таких территориях. Особое внимание в законе уделяется развитию Дальневосточного федерального округа. В течение трех лет планируется апробировать действие закона на территориях Дальнего Востока. В целом же предполагается, что на территориях опережающего социально-экономического развития будут создаваться объекты, образующие индустриальные или промышленные парки.

Постановлениями Правительства РФ были созданы ТОСЭР «Хабаровск», «Комсомольск», индустриальный парк «Кангала-сы» на территории г. Якутска, «Камчатка» в Камчатском крае и др. К концу августа 2015 г. в ДВФО было образовано 9 территорий опережающего социально-экономического развития. Территории создавались для ускоренного экономического развития и создания комфортных условий жизни населения.

На территориях европейской части России в это время интенсивно развивались индустриальные парки как способ опережающего развития регионов. К середине 2015 г. в России насчитывалось 366 индустриальных парков на разных стадиях формирования и готовности. Большинство индустриальных парков было сосредоточено на территории европейской части страны, при этом только на Центральный федеральный округ приходилось 37 % от общего числа объектов. 117 технопарков вели дея-

тельность в области высоких технологий, причем 26 % развивали информационные и коммуникационные технологии, 25 % работали в сфере приборостроения и электроники [1].

Однако древним в мудрости не откажешь, а они утверждали: «Ничто не ново под луной». На практике идеи ускоренного или опережающего развития территорий рассматривались еще во второй половине прошлого столетия [2], живо они обсуждаются и сегодня. В этом убеждают многочисленные публикации ученых [3–6]. Проблемы трансформации сибирского общества обсуждались на тематических научных конференциях [7].

В современном контексте России создание территорий опережающего социально-экономического развития преследуют цель привлечения в основном частных инвестиций в развитие периферийных районов. Однако новые подходы вовсе не лишают исследователей возможности глубокого изучения опыта прошлых лет, который позволяет предостеречь от тиражирования системных ошибок, совершенных в прошлом.

Сибирский край на протяжении второй половины XX столетия, несомненно, являлся территорией опережающего индустриального развития. Масштабные проекты, обеспечившие ускоренное индустриальное развитие края, – веское тому подтверждение. Советское правительство в годы первых пятилеток сделало много для развития угольной и металлургической базы в регионе. К 1937 г. почти $\frac{3}{4}$ основных производственных фондов крупной промышленности приходилось на Западную Сибирь. Была реализована Урало-Кузбасская программа, а Кузнецкий металлургический комбинат стал флагманом отечественной металлургии. Крупная промышленность Западной Сибири за годы первых пятилеток выросла более чем в 22,4 раза.

Следующим крупным этапом продвижения промышленности на восток и индустриальной модернизации Западной Сибири стал период Великой Отечественной войны и массовой эвакуации промышленности из европейской части страны за Урал. В Омскую область было эвакуировано около 100 предприятий, почти 100 предприятий принял Алтайский край, 77 приняла Кемеровская область, 32 разместилось на территории Томской об-

ласти. Всего в Западную Сибирь было переброшено 322 промышленных предприятия. Наращивая производственный потенциал и людские ресурсы за Уралом в предвоенный период и в годы войны, государство еще не предполагало, какие запасы углеводородного сырья хранит Западная Сибирь. В сентябре 1953 г. на буровой недалеко от деревни Березово произошел мощный выброс природного газа. 1965 г. считается эпохальным, когда было открыто одно из крупнейших месторождений нефти – Самотлорское. В 1960-е – 1970-е годы были построены первые магистральные нефтепроводы, по которым нефть подавалась в страны Восточной Европы. На территориях Тюменской и Томской областей постепенно сформировался Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, где основными отраслями стали геология, нефтяная и газовая.

В последнюю четверть XX в. Западная Сибирь превратилась в основную топливно-энергетическую базу России, поставляющую нефть, газ, уголь, лес, электроэнергию. В начале XXI в. здесь добывалось 90 % российского газа, более 70 % нефти, 30 % каменного угля, 20 % древесины, производилось 13 % совокупного валового продукта страны. Нелишне упомянуть, что во многом благодаря сибирским ресурсам Россия вышла на первое место в мире по запасам питьевой воды, производству необработанной древесины, добыче и экспорту природного газа (35 % мировой добычи), на второе место по добыче нефти [8, с. 40–41].

Правда, в годы рыночных преобразований нефтегазоносные районы Западной Сибири оказались включенными в состав Уральского федерального округа, несмотря на то, что расположены на территории Западно-Сибирской низменности. В распоряжении Правительства РФ от 6 октября 2011 г. констатировано, что Уральский федеральный округ условно именуется Уральским и Западно-Сибирским, последний ориентирован на нефтегазодобычу и нефтехимию. Всего в округе было выделено пять зон опережающего развития, среди которых Западно-Сибирская зона определялась как приоритетная. Правительство РФ отметило, что обширная Западно-Сибирская нефтегазоносная провин-

ция представляется достаточно изученным регионом, где пробурено 15 816 разведочных скважин с суммарной проходкой 39 920 тыс. м и выполнен значительный объем сейсморазведочных работ – 63 067 профилей общей протяженностью 1 252 290 км [9]. Во второй половине XX в. здесь была реализована самая крупная за историю СССР инвестиционная программа. В 1965–1985 гг. в Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс было вложено 80 млрд руб. Производственный сектор Западной Сибири развивался не просто опережающими темпами – опережение носило «взрывной характер». Эти данные подтверждают уверения в том, что Западная Сибирь являла собой территорию опережающего индустриального развития еще с давленных пятилеток. Однако темпы развития социальной среды в новых районах опережающего индустриального развития изначально сильно отставали от средних показателей по стране. Так, в социальную инфраструктуру нефтегазового комплекса за 1965–1985 гг. было вложено всего 6 млрд руб., что в среднем составляло 12–13 % от общей суммы капиталовложений и было почти вдвое ниже, чем по РСФСР. Недофинансирование социальной сферы привело к существенным проблемам на северных территориях. Так, обеспеченность жильем на начало 1986 г. здесь составляла в среднем 82 %, магазинами – 86,6 %, предприятиями общественного питания – 44 %. Услугами службы быта население было обеспечено только на 30–40 % от нормы. Дефицит по водоснабжению новых городских поселений достигал 50 %. В целом обеспеченность объектами социально-бытового назначения новых городов в середине 1980-х годов была в 1,5–2 раза ниже, чем в европейских районах страны [10].

Процессы промышленного районирования в 60-е годы прошлого века предполагали создание единого социального пространства на территории всей страны. Развивая Западную Сибирь опережающими темпами, правительство объявляло о намерении создать благоприятные условия для жизни населения в этих районах. Но по ряду причин регион сегодня ощущает результаты диспропорции ускоренных темпов индустриального развития и хронического отставания социальной сферы. Это во-

все не означает, что со второй половины прошлого века по сей день ничего не сделано для повышения уровня жизни и создания комфортной среды для жизни сибиряков.

Тем не менее, в современных условиях признается, что социальное развитие региона, формирование комфортной среды обитания человека сопряжено с существенными трудностями. Правительство РФ признает, что получение быстрых позитивных результатов в социальном развитии Сибири затрудняет наличие ряда социальных проблем, которые не были решены в предыдущие годы: низкий уровень оплаты труда и доходов населения, не обеспечивающий достойного уровня жизни значительной части населения. Инвестиции, вкладываемые в развитие социальной инфраструктуры регионов Сибири, существенно ниже, чем в среднем по стране. При этом наибольшее отставание в выделении средств долгие годы приходилось на культуру, спорт, физкультурно-оздоровительную деятельность, организацию отдыха и развлечений. Уровень таких инвестиций в расчете на душу населения в Сибири составлял последние годы меньше половины от среднего показателя по Российской Федерации [11]. Другими словами, в 2000-е годы, как и во второй половине прошлого века, Западная Сибирь продолжала испытывать большой дефицит финансовых вливаний в социальную сферу. Продолжали нарастать диспропорции индустриального роста и развития социальной инфраструктуры края. Наивно полагать, что частные инвесторы откликнутся на призывы Правительства по опережающему социально-экономическому развитию территорий и начнут вкладывать деньги в создание современной социальной инфраструктуры в азиатской части России. Современный бизнес в основном интересуют в Сибири газ, нефть, лес, уголь, пресная вода.

Зигзаги социальных трансформаций сибирского общества

Если социальную сферу правительство как-то могло регулировать, то социальные трансформации оказались слабоуправляемыми и долгое время носили, как всякий многофакторный

процесс, стихийный характер. Здесь можно выделить ряд проблем, правда, каждая из них может стать отдельным крупным научным исследованием. Тем не менее, попытаемся обозначить наиболее важные из них.

Во-первых, резкое социальное расслоение сибирского общества. Социальные трансформации во второй половине двадцатого столетия строились на идеях всеобщего равенства. В реальной жизни децильный коэффициент в сибирском обществе в середине 80-х годов равнялся пяти. Но даже те, кто жил лучше самых бедных в пять раз, имел сравнительно скромные денежные доходы, а заработка плата являлась почти единственным источником денежных поступлений в семью.

В 1990-е годы начался переход от уравнительной бедности к социальному расслоению на богатых, средних и бедных. В итоге численность бедного населения, имеющего доход ниже прожиточного минимума, в большинстве регионов Западной Сибири значительно превышала общероссийские показатели. Катастрофической можно считать ситуацию в Республике Алтай, где к исходу XX в. более половины населения имели доходы ниже официальной черты бедности (в 2000 г. – 59,8 % населения). Сокращение производства в отраслях обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства неизбежно повлекло за собой рост числа бедного населения в Алтайском крае, Новосибирской области, где к 2000 г. доходы половины населения не дотягивали до прожиточного минимума. Относительно благополучным можно считать лишь положение с доходами в сырьевых, добывающих областях Западной Сибири: Тюменской, Кемеровской и Томской. В этих областях процент населения, имеющего доход ниже прожиточного минимума, оставался на уровне, близком к общероссийским показателям, или был значительно ниже (Тюменская обл., в 2000 г. – 21,3 %, по сравнению с 29 % по России) [8, с. 111–115].

Уникальность трансформации сибирского общества заключается в том, что природные богатства и денежные активы Западной Сибири оказались не у сибиряков, а у «новых русских», или бывших сибиряков, перебравшихся в Москву или за рубеж.

Для них Сибирь осталась провинцией, интересной лишь с точки зрения получения небывалых по размерам прибылей. По этим причинам социальная сфера сибирской провинции оказалась малоинтересной не только для олигархов, но и малопривлекательной для части местной молодежи. Если во второй половине XX в. молодежь по комсомольским путевкам прибывала в Сибирь, «на стройки пятилеток», то в условиях рыночной экономики молодые люди проявляли все больший интерес к европейской части страны, покидали провинцию и обосновывались в Москве, Санкт-Петербурге и других европейских городах России, где заработка плата и условия жизни были лучше, чем в Сибири.

Во-вторых, формирование и развитие социальной инфраструктуры края как во вновь осваиваемых, так и в традиционных районах индустриального развития шло неравномерно. Социальное пространство Сибири оказалось пестрым и неравномерным, сравнимым с лоскутным одеялом. Еще в прошлом веке были достигнуты несомненные успехи в развитии сети медицинских учреждений и здравоохранения. К 1960 г., по сравнению с 1946 г., рост лечебно-профилактической сети в Западной Сибири составил 242 % и превысил средние показатели по стране почти вдвое. Поэтому в городах региона на каждую тысячу жителей приходилось не 10–12, а 14,6 стационарных мест [12]. В 1960-х–1980-х годах здравоохранение региона получило дальнейшее развитие. В 1980 г. на 10 тыс. человек в Западной Сибири имелось 136 больничных коек, тогда как в среднем по РСФСР – 130. Численность медицинских кадров выросла за эти годы более чем в два раза. Развивались преимущественно крупные, хорошо оснащенные больничные комплексы. Важным шагом на пути улучшения здравоохранения в 1960-е–1980-е годы стала организация крупных специализированных медицинских учреждений. Был открыт Институт патологии кровообращения под руководством Е.Н. Мешалкина, НИИТО и другие авторитетные в стране медицинские учреждения [13].

Приходится констатировать, что за 1990-е годы эта инфраструктура сильно изменилась, в первую очередь произошла

смена формы собственности. Появилась сеть негосударственных лечебных заведений, оснащенных современной медицинской техникой и оборудованием. Во всем мире здоровье стоит дорого, не является исключением и Западная Сибирь, где более трети населения из-за отсутствия денежных средств не имеет возможности посещать платные медучреждения.

В послевоенные десятилетия советское государство уделяло большое внимание развитию культуры и массовых видов спорта. В 1960-е – 1970-е годы в Западной Сибири были возведены замечательные спортивные сооружения. В 1964 г. был открыт ледовый дворец спорта «Сибирь» в Новосибирске. Это была одна из самых современных и технологичных ледовых арен страны. В 1966 г. было завершено строительство Дворца зрелиц и спорта в Барнауле. В 1970 г. был построен Дворец зрелиц и спорта в Томске. В крупных и малых городах сибирского региона открывались детские спортивные школы, в большинстве средних школ появились спортивные залы, оборудовались спортивные площадки в парках и дворах жилых домов. В 1990-е пришли в запустение спортивные площадки, началась смена собственников зданий спортивных школ и спортивных арен, на месте дворовых спортивных и детских площадок начали возводить новые жилые дома по принципу точечной застройки. В условиях развития рыночной экономики в регионе постепенно формировались два направления развития спорта: профессиональный спорт как мощная индустрия с огромными финансовыми вливаниями и прибылью и любительский, или массовый спорт. Федеральный закон РФ от 4 декабря 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определил массовый спорт как часть спорта, направленную на физическое воспитание и физическое развитие граждан посредством проведения организованных и самостоятельных занятий, а также участия в физкультурных мероприятиях и массовых спортивных мероприятиях. С возрождением российской экономики пришло осознание того, что в каждой цивилизованной стране главной ценностью является здоровье нации, а физическая культура и

массовые виды спорта избавляют человека от многих болезней современности.

Заключение

Анализ социальных трансформаций в регионе, который можно отнести к территориям опережающего индустриального развития, дает основание утверждать, что в Западной Сибири со второй половины XX в. по настоящее время реализовывалась «концепция базовых нужд населения», ориентированная на удовлетворение минимальных потребностей человека в еде, одежде, жилье, образовании, здравоохранении, транспорте и связи, призванная дать минимум того, без чего современный человек не может элементарно выживать. В перспективе предстоит выйти на уровень «концепции качества жизни» и в дальнейшем приступить к реализации «концепции человеческого капитала». Таким образом, появится историческая возможность преодолеть «социальный провинциализм» азиатской части страны, придать динамику ускоренного развития всей России.

Список литературы

1. *Индустриальные парки как вектор опережающего развития регионов* // Российская газета. – 2015. – 8 июля.
2. *Данько, Т. П. Основные зарубежные подходы и концепции ускоренного развития маркетинга территорий / Т. П. Данько, М. П. Лазарев // Экономика фирмы.* – 1970. – Т. 2, № 3–4. – С. 45–53.
3. *Серга, С. В. К вопросу о формировании в Южном федеральном округе «зон (территорий) опережающего развития» / С. В. Серга // Инженерный вестник Дона.* – 2011. – № 4 (18). – С. 463–467.
4. *Морозова, М. В. Эффективное использование производственного потенциала сельских территорий северных регионов – основа становления на путь ускоренного развития (в связи с вступлением России в ВТО) / М. В. Морозова // Аграрный вестник Урала.* – 2013. – № 5 (111). – С. 68–72.

5. *Попов, А. А.* Критерии ускоренного развития экономики и социальной сферы Республики Саха (Якутия) / А. А. Попов, А. Н. Мыреев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. – 2014. – № 4 (11). – С. 118–128.
6. *Каратаева, К. Е.* Порты Дальнего Востока – основа ускоренного развития восточных территорий страны / К. Е. Каратаева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/analitycs/5267/>
7. *Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всерос. науч. конф.* (Томск, 19–21 октября 2015 г.) – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 303 с.
8. *Казанцев, Ю. И.* Бедность в Западной Сибири в 1990-е годы : монография / Ю. И. Казанцев, Ю. А. Марков ; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2015. – 316 с.
9. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1757-р // Российская газета. – 2011. – 17 окт.
10. *Гаврилова, Н. Ю.* Социальное развитие районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. Ю. Гаврилова. – Екатеринбург, 2003. – 36 с.
11. *Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php>
12. *Дудкина, М. П.* Развитие здравоохранения в городах Западной Сибири (1946–1960 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. П. Дудкина. – Новосибирск, 2008. – С. 18.
13. *Букин, С. С.* Медицина и здравоохранение / С. С. Букин, В. И. Исаев // Историческая энциклопедия Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/medicina_i_zdravooohranenie_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009

ВКЛАД ТАТАРСКОГО ЭТНОСА СИБИРИ В ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В 1920-е ГОДЫ

М.Н. Колоткин*

В настоящей публикации анализируются первые шаги по адаптации национальных меньшинств Сибири к новой экономической и политической модели советского государства. В статье рассматривается участие татар Сибири в осуществлении новой экономической политики (НЭП). Особое внимание автор уделяет роли сибирских татар в ликвидации хозяйственной разрухи, вызванной Гражданской войной и политикой «военного коммунизма», в борьбе с голодом, а также участие татар в кооперативном движении.

Ключевые слова: татары, Сибирь, голод, Помгол, новая экономическая политика, кооперация

Введение

Сибирь после окончания Гражданской войны находилась в состоянии разрухи. Экономический кризис, голод, разгул преступности, эпидемии захлестнули регион. Зима 1919–1920 гг. выдалась крайне суровой. Транссибирская магистраль оказалась парализована. Полностью или частично было повреждено, взорвано и сожжено 167 мостов, в том числе через Тобол, Ишим, Обь, Иртыш, Бирюсу, Уду. В 1920 г. вся промышленность произвела лишь 25,2 % дореволюционного объема продукции, а валовой объем местной промышленности был в пять раз меньше довоенного [1]. Острый кризис переживало и сельское хозяйство. Количество скота за 1917–1920 гг. сократилось на 2 млн голов. В ходе Гражданской войны оказались разоренными 56 тыс. крестьянских хозяйств. В 1919–1920 гг. на Сибирь обрушилось еще одно бедствие – эпидемия тифа, вызванная голодом, холодом, абсолютной антисанитарией и почти полной завшивленностью населения. Всего в регионе в 1920 г. было зарегистрирова-

* Д-р ист. наук, профессор СГУГиТ

но 600 тыс. случаев заболевания тифом, кроме того, свирепствовали туберкулез, дизентерия, оспа. Летом разразилась эпидемия холеры. Например, в Новониколаевске смертность была столь высокой, что пришлось срочно построить два крематория, а за городом вырыть специальные траншеи для погребения умерших [2].

Цель исследования

Автор пытается проанализировать роль татарского этноса в преодолении экономического коллапса Сибири.

Многонациональное население региона работало в шахтах, заготавливало топливо, ремонтировало и восстанавливало промышленные и жилые здания. Широкое распространение получили субботники и воскресники. Татарское население в Сибири, как, впрочем, и всюду, участвовало в этом проявлении «энтузиазма» масс, чаще всего организованного сверху. Безусловно, проявлялся и действительный энтузиазм, искренний порыв людей труда поскорее преодолеть разруху. Так, шахтеры Судженских рудников Кузбасса в критическое время падения добычи угля отправили в адрес Сиббюро ЦК РКП(б) в январе 1921 г. телеграмму, в которой заверяли о своей готовности обеспечить выполнение плана добычи угля, для чего добровольно обязывались трудиться и в праздничные дни. От имени шеститысячного отряда татарских горняков Кузбасса телеграмму подписала мусульманская секция Анжеро-Судженского райкома РКП(б) [3].

Летом 1921 г. на страну обрушилось стихийное бедствие – сильная засуха, поразившая огромные пространства юга Украины, Поволжья и Северного Кавказа. Ею оказались охвачены более 30 губерний страны с общей численностью населения до 35 млн человек. Жертвой неурожая стал каждый пятый гражданин республики [4].

18 июля 1921 г. ВЦИК создал структуру, призванную решать задачу борьбы с голодом на государственном уровне, – Центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина. Она просуществовала до сентября 1922 г. Комиссия сосредоточила в своих

руках все властные государственные механизмы по борьбе с голодом в стране [5]. В состав ее входили представители различных ведомств и учреждений. Ответственным руководителем по оказанию помощи голодающим от Наркомнаца был назначен член коллегии Ибрагимов, а на время его отсутствия – М. Султан-Галиев [6].

С осени 1921 по 22 января 1922 г. в десяти кантонах Татарстана от голода умерли 40 тысяч человек. Писатель М.А. Осоргин в своих воспоминаниях отмечал это так: «Еще видел детей черемисов и татарчат, подобранных по дорогам и доставленных на розвальнях в город распорядительностью Американского комитета (APA). Привезенных сортировали на "мягких" и "твердых". "Мягких" уводили или уносили в барак, "твердых" укладывали ряд на ряд, как дрова в поленнице, чтобы предать земле» [7]. Свыше 15 тыс. татарских детей, потерявших своих родителей, были вывезены за пределы республики и размещены в детдомах в других регионах страны [8].

В этой связи важное место в борьбе с голодом в европейской России отводилось Сибири, где, по мнению В.И. Ленина, «было излишков гораздо больше» [9]. Для регионов страны, не охваченных засухой, были установлены более высокие ставки продналога. Так, если по РСФСР в целом ставка налога в среднем не превышала 12 % валового сбора, то по Сибири она составляла 20 %, а для Алтайской губернии – 37 %. Все партийные силы были брошены для сбора продналога, национальные секции выделили для этого 90 % своих сотрудников [10].

16 сентября 1921 г. Центральная комиссия Помгол прислала в адрес Сибревкому телеграмму, согласно которой по ее разнрядке за Сибирью были закреплены Уфимская, Самарская, Челябинская губернии и Татарская республика [11].

16 июля 1921 г. Сибревком принял решение о создании Сибирского комитета помощи голодающим (Сибпомгол) и его отделений во всех губерниях. В их состав вошли партийные, советские, хозяйствственные работники, представители общественных организаций, в том числе и национальных секций. Специальные комиссии были образованы среди национальных мень-

шинств. Уже 8 сентября 1921 г. по решению коллегии Сиббюро ЦК возник татаро-киргизский комитет помощи голодающим [12]. В ряде губерний образовывались также уездные и волостные комиссии для работы в местностях, компактно населенных национальными меньшинствами. Эти органы приняли на себя основную тяжесть работы по приему переселенцев и беженцев из европейской части страны. Причем Сибирь в этом смысле показывала пример другим регионам. В телеграмме Сибревко-ма, посланной 25 ноября 1921 г. в адрес Совета труда и обороны (СТО) страны, говорилось о том, что «Сибирь выразила желание принять сверх намеченного планового расселения беженцев Поволжья, которые скопились на станциях Петухово, Лебяжье, Петропавловск и которые должны быть направлены в Семипалатинскую губернию». Заместитель председателя Сибревкома Чуцкаев одновременно сообщал о приеме 10 тыс. детей из голодающих мест [13]. Власти Алтайской губернии явились в этом смысле застрелщиком многих «инициатив». В частности, отправили в пострадавшие районы весь свой фонд семенных ссуд в размере 1 млн пудов, обратились с призывом к крестьянам губернии отчислить один фунт с каждого пуда урожая и организовали для детей Поволжья 75 детских домов. Об этом они телеграммой известили М.И. Калинина [13]. Значительная часть мигрантов переселялась в Сибирь стихийно,бросив все имущество. В информационном докладе татаро-киргизской секции Алтайского губкома РКП(б), подготовленном к Сибирскому совещанию по работе среди мусульманского населения (ноябрь 1921 г.), отмечалось: «Нет точных сведений о прибывающих с Поволжья татарах, так как учреждения, распределяя их, не ведут разделение на национальности, прибывающие неорганизованно не регистрируются в губэваке» [14]. По данным Сибпомгола, в Сибирь в плановом порядке прибыли из голодающих губерний к концу 1921 г. 102 470 человек, которые были размещены в следующих местах: в Новониколаевской губернии – 4221, Омской – 5799, Алтайской – 33 626, Томской – 19 736, Енисейской – 26 598, Иркутской – 12 490 [15]. Волна переселенцев и беженцев постепенно нарастала. Общее количество голодающих, при-

бывших в Сибирь в 1921–1922 гг., составило более 500 тыс. человек [16].

Весной 1922 г. на заседании Новониколаевского губкома РКП(б) рассматривался вопрос о «комиссии помощи голодающим», созданной в губернии из представителей исламского духовенства, которые, по мнению властей, вели активную пропаганду религиозных взглядов среди татарского и казахского населения. Не зная, как на это реагировать, губком решил не брать ответственность на себя и передать материалы для окончательного рассмотрения вышестоящей организации – Сиббюро ЦК РКП(б), – а до принятия им окончательного решения «вести борьбу против духовенства, используя для этого всякую возможность» [17]. В Новониколаевске татарская комиссия Помгола состояла из представителей соответствующих секций РКП(б), РКСМ, отделов народного образования, женотдела, однако ведущую роль играл национальный отдел исполкома. Работники этого отдела несли на себе основную тяжесть работы по устройству прибывающих детей из голодающих губерний, содействуя Чекадету (Чрезвычайной комиссии помощи детям – М.К.), изыскивали возможности для оборудования детских домов, распределяли детей по отдельным семьям, устраивали престарелых, собирали пожертвования и т.п. [18].

Развернулась широкая кампания по сбору пожертвований среди населения, которому предлагалось добровольно отчислять не менее 1 % с урожая в фонд голодающим, полностью выплатив при этом продналог и семенную ссуду. Кампания наглядно продемонстрировала подлинное проявление братской взаимопомощи и солидарности. Татарская секция Иркутского губкома партии в феврале 1922 г. собрала 8 млн 500 тыс. руб. и значительное количество продовольствия.

Распространенной формой помощи голодающим стали платные концерты и спектакли. Татаро-казахская секция Каинского укома партии Новониколаевской губернии провела в сентябре–октябре 1921 г. ряд спектаклей, интернациональный концерт-митинг, чистый сбор от которых составил 195 тыс. руб. и был перечислен на закупку продовольствия [19]. Особенно ус-

пешно работали в этом направлении в Енисейской губернии, где спектаклями и концертами было охвачено большинство национальных деревень и аулов. Широко использовалась наглядная агитация. Во всех уездах Новониколаевской губернии к апрелю 1922 г. были организованы передвижные выставки и витрины с материалами о голоде в стране, которые посмотрели тысячи людей [20].

Движение в помощь голодающим стало по существу общегородным делом. На всем пути следования эвакуированных и беженских масс, в основном в крупных городах и на железнодорожных узлах, создавались пункты питания и медико-санитарного обслуживания, изыскивались необходимые дополнительные помещения для постоя. Татарская комиссия Помгола в Томске открыла специальный дом для приема голодающих, который ежедневно обслуживал до 70 человек [21]. В Омской губернии было открыто два дома, которые приняли 70 детей. В Новониколаевске провели 8 спектаклей, сбор от которых составил 5,5 млн руб. в денежных знаках 1922 г. В Иркутской губернии успешно работал татарский детдом на 50 детей [22].

В конечном счете, голод был побежден. За период с июня 1921 по 1 февраля 1922 г. было собрано средств на сумму до 4 млрд руб. в денежных знаках 1922 г., отправлено 225 вагонов продовольственных грузов. Уже к марта 1921 г. из Сибири в губернии, подвергшиеся страшному бедствию, было отгружено 4 млн 136 тыс. пудов семенного зерна [23]. Только в Татарскую АССР, судя по отчету Сибревкома за 1922 г., было отправлено 17 тыс. пудов хлеба, 5 тыс. пудов овощей, перечислено 116 млн 500 тыс. руб. [24]. В общей сложности с начала кампании по борьбе с голодом по 3 ноября 1922 г. из Сибири было отправлено в Татарскую Республику 22 вагона продовольственных грузов [25]. Татарская АССР получила на льготных условиях 140 тыс. руб. ссуды на закупку лошадей из Сибири. Удалось завезти 31 тыс. лошадей. Постепенно стало восстанавливаться поголовье мелкого и крупного рогатого скота [26]. К 15 марта 1922 г. Сибирь обеспечила досрочный сбор продовольственного налога. ВЦИК страны выразил за это благодарность сибирякам.

Экономическое положение татарского населения Сибири в течение 1920–1925 гг. было достаточно тяжелым. Практически полное прекращение производства сельскохозяйственных орудий и инвентаря, продразверстка и неурожай 1921–1922 гг. усугубляли разруху. По-прежнему преобладающей формой сельскохозяйственного производства среди татар являлись единичные хозяйства.

Сибревком еще в конце 1919 г. обратился к крестьянству Сибири с призывом «объединяться в товарищества, артели, трудовые коммуны для ведения хозяйства сообща» и обещал оказывать повсеместную помощь в этом почине [27]. Идеи кооперации заняли значительное место в повестке дня многочисленных собраний и беспартийных конференций. В свою очередь, актив, работающий среди мусульманских народов, стремился полнее разобраться в сложной проблематике кооперативного вопроса, прежде чем выносить его на обсуждение населения. В отличие от «западных» национальностей, здесь дело обстояло значительно сложнее. Однако были сделаны первые шаги. В татарские деревни и казахские аулы Омской губернии уже к лету 1920 г. были посланы передвижные лавки местного кооператива «Бирлик», распределявшего среди населения необходимые товары [28]. В 1922 г. в Мариинском уезде Томской губернии инструкторами татарской секции губкома РКП(б) было создано 14 кустарных сбытовых артелей среди мусульман [29].

Переустройство сельского хозяйства по социалистическому образцу настоятельно требовало приступить к созданию коллективных хозяйств – «высшей формы» производственного кооперирования крестьянства. Резолюция 8-го съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству», написанная В.И. Лениным, определяла формы объединения крестьян: различного рода товарищества, сельхозартели, коммуны с вовлечением в них средних крестьян [30].

Организация коллективных хозяйств среди мусульманского населения Сибири в первой половине 1920-х годов не получила широкого распространения, что во многом объяснялось их ментальностью. Однако и здесь появлялись первые ростки нового.

Татаро-казахская секция Енисейского губкома РКП(б) в течение 1921 г. создала три сельхозартели в селах Грязная Кирза и Отрадное и в Каменно-Горновском участке Красноярского уезда, а также артель по разработке леса в Балайской волости [31].

Жупел «кулацкой опасности», так и не исчезнувший со времен проразверстки, не был развеян и в годы новой экономической политики. С одной стороны, принимались меры к подъему индивидуального крестьянского хозяйства, а с другой – стоило только хозяйству старательного мусульманина добиться подъема, более или менее прочно стать на экономическую почву, как оно тут же зачислялось в разряд кулацких. Далее следовали запреты на продажу сельскохозяйственных машин, ограничения в получении кредита, высокие ставки налогов, организация общественного презрения.

В этих условиях многие, не выдержав налогового и административно-судебного пресса, стали свертывать хозяйства, мотивируя это тем, что они перейдут в разряд бедняков и им будет легче. Часть коммун и сельхозартелей пострадали во время крестьянских выступлений 1920–1921 гг., охвативших значительные районы Сибири. Многие коммунары погибли, сельскохозяйственный инвентарь и скот оказались разграблены.

Постепенно татарское население Сибири на собственном опыте убеждалось в преимуществах кооперации и коллективного ведения хозяйства.

Экономико-статистический анализ, проведенный Томским окружкомом ВКП(б) в ноябре 1925 г., так оценивал экономическое состояние национальных деревень: «Среди национальных меньшинств... укореняется машинизация и рационализация сельского хозяйства, вводится сеяние культурных трав, корнеплодов, улучшение пород скота. Экономическая мощь колоний поднимается» [32].

Заключение

Вместе с тем вполне понятно, что мусульманские народы Сибири сделали только первые шаги на почве социалистического переустройства сельского хозяйства. В целом неудачным был

опыт создания коммун в национальной деревне. Кооперативное и колхозное движение сделали только первые робкие шаги. Доля сельскохозяйственных артелей была незначительна. По сути это были небольшие островки в безбрежном море индивидуальных хозяйств мусульманского населения Сибири.

Список литературы

1. *Баркан, Н. М. Восстановление промышленности Сибири. 1920–1925 гг. / Н. М. Баркан // Науч. труды НГПИ. Вып. 24 : Из истории партийных организаций Сибири. – Новосибирск : НГПИ, 1968. – С. 77.*
2. *Исупов, В. А. История Сибири / В. А. Исупов, И. С. Кузнецov. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1999. – Ч. 3. – С. 94–96.*
3. *Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 4.*
4. *Поляков, Ю. А. 1921-й: победа над голодом / Ю. А. Поляков. – Москва : Политиздат, 1975. – С. 19.*
5. *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. – Москва, 1921. – № 55, ст. 342. – С. 445.*
6. *Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1064. – Оп. 4. – Д. 22. – Л. 2.*
7. *Осоргин, М. А. Времена / М. А. Осоргин. – Москва : Современник, 1989. – С. 131.*
8. *Рашитов, Ф. А. История татарского народа: с древнейших времен до наших дней / Ф. А. Раширов. – Саратов : Приолжское кн. изд-во, 2001. – С. 229.*
9. *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 43. – С. 13–14.*
10. *Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 / В. А. Демидов. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 249–250.*
11. *Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1064. – Оп. 1. – Д. 961. – Л. 33.*
12. *Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 3. – Д. 19. – Л. 86.*
13. *Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1064. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 59, 65.*

14. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 1523. – Л. 32.
15. Известия Сиббюро ЦК РКП(б). – 1922. – № 46–47. – С. 51.
16. Жизнь Сибири. – 1922. – № 3. – С. 66.
17. Хенкин, Е. М. Трудящиеся Сибири в борьбе с голодом 1921–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Е. М. Хенкин. – Томск, 1965. – С. 184.
18. Колоткин, М. Н. Национальные секции партийных комитетов Сибири в борьбе с голодом (1921–1922 гг.) / М. Н. Колоткин // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общ. наук. – Вып. 3. – 1982. – № 11. – С. 26.
19. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 1297. – Л. 80.
20. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-13. – Оп. 1. – Д. 953. – Л. 30–32.
21. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-10. – Оп. 1. – Д. 955. – Л. 2.
22. Известия Томского губкома РКП(б). – 1922. – № 15. – С. 24.
23. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 1311. – Л. 6.
24. Сибирский революционный комитет. Авг. 1919 – дек. 1925 гг. : сб. документов. – Новосибирск, 1959. – С. 338.
25. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1064. – Оп. 2. – Д. 195. – Л. 3–6.
26. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1064. – Оп. 2. – Д. 195. – Л. 10.
27. Советская Сибирь. – 1919. – 28 нояб.
28. Советская Сибирь. – 1920. – 14 мая.
29. Известия Томского губкома РКП(б). – 1922. – № 15. – С. 24.
30. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : сб. документов. – 7-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1953. – Ч. II. – С. 78.
31. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 1347. – Л. 40.
32. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 1025. – Л. 1–2.

МАРКСИСТСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО СООБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ СКЛАДЫВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ¹

В.И. Красиков*

Статья посвящена анализу истории складывания современных марксистских исследований в постсоветскую эпоху. Выявлены особенности положения марксизма в 90-х годах прошлого века и сегодняшнее его состояние, описаны основные марксистские группы и вкратце охарактеризованы их взгляды.

Ключевые слова: постсоветская философия, критический марксизм, догматизм, ревизионизм

Для большинства преподавателей общественных дисциплин, прошедших профессиональную социализацию в 60-е – 80-е годы XX в., марксизм представлялся наиболее передовым методологическим инструментарием постижения сущего. Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс были только людьми, но, как искренне полагали, теми гениальными счастливцами, которым суждено было приоткрыть, наконец-то, занавес над тайнами общества и человеческой природы. Разумеется, они были сыновьями своего века с его уровнем развития естествознания, как и их последователи, особенно в стране победившей диктатуры пролетариата, которые также преуспели в поспешных обобщениях и упрощениях. Однако мало кто сомневался в том, что критический и рефлексивный марксизм, обогащенный опытом прогрессирующей науки и необходимыми заимствованиями из немарксистских философских концепций, является открытой,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РГНФ, проект № 15-03-00087.

* Д-р филос. наук, профессор Центра исследований Всероссийского государственного университета юстиции (г. Москва)

творческой и потенциально многовековой парадигмой обществознания и социального преобразования.

Сейчас, по прошествии поколения после перестройки и распада СССР, стало понятно: то, что у нас называли «марксизмом (марксизмом-ленинизмом)», – был идеологемой, теоретико-идеологическим каркасом, связывающим и поддерживающим большую успешную историческую общность людей имперского извода. Он мало чем отличался от подобных прежних «каркасов»: этно-религиозных (поддерживающих китайскую, греко-римскую, христианскую или же исламскую идентичность) или же более поздних аналогичных теоретико-идеологических форм (либерализм и марксизм).

Конечно, настоящих знатоков Маркса было немного – тех, кто читал не только канонические труды, но и опубликованные позже произведения молодого Маркса фейербахианского периода, равно как и всю немецкую классику, в контексте которой и появился философ из Трира. Именно в этой среде появился тренд творческого развития марксизма, наиболее ярким выразителем которого стал Э.В. Ильенков, вокруг которого сложилась обширная конstellация его последователей. В направлении, инициированном им, сложился привлекательный, обновленный образ марксизма, который считался по умолчанию теоретико-методологической основой грядущей модернизации существующего государственного социализма в «социализм с человеческим лицом».

История, как известно, все же не знает сослагательного наклонения – случилось то, что случилось. У большинства нашего философского сообщества оказался на удивление слабый идеологический иммунитет – как только перестали делать ежедневные прививания и появилось много новых штаммов других идеологий: либеральных, религиозных, консервативно-славяно-фильских, – так произошло чуть ли эпидемическое инфицирование ими. Вошли в моду постмодернизм и отечественная дооктябрьская философия: первый для молодежи, с ее склонностью к

радикализму и критике, вторая – для консервативно настроенных лиц среднего возраста. Наиболее устойчивый иммунитет оказался у самых возрастных преподавателей, этих уже ничем нельзя было пронять.

Начало трансформационных процессов в идеологической сфере задержалось на полтора года со времени прихода к власти нового генсека и пришлось на октябрь 1986 г., когда М. Горбачёв и Е. Лигачёв на совещании представителей кафедр общественных наук призвали стереть «белые пятна» в истории, «назвать все имена». Так стартовала «гласность». Первым ответом на эти призывы стали публикации В. Логинова, М. Шатрова и Ю. Афанасьева в «Московских новостях» в ноябре–декабре того же года [1].

Вслед за публицистами начались дискуссии в академико-философской среде. Так 14–16 апреля 1987 г. в журнале «Вопросы философии» состоялось обсуждение темы «Философия и жизнь», в которой подразумевалось определение степени релевантности марксизма общественно-политическим реалиям. Здесь была дана критика «забвения человека» в диалектическом и историческом материализме, превращения философии в служанку политики, ее обюрокрачивания [1].

Затем прославился консультант ЦК КПСС, д-р филос. наук Александр Ципко – серией статей в журнале «Наука и жизнь» (№№ 11–12, 1988 г.; №№ 1–2, 1989 г.), в которых он доказывал изначальную ошибочность марксизма, положив тем самым начало его легальной критике в СССР.

Итак, в перестроечные годы и вплоть до начала 90-х годов шла ревизия наследия советской философии, страницы журналов пестрели риторическими вопрошаниями, типа: «Просто ли быть марксистом в философии?», «Умер ли марксизм?» [2]. Дискуссии по марксизму были первыми из последовавшей серии идентификационных: «Кто мы – еще марксисты или уже не марксисты?»

Первая половина 90-х годов прошла под знаком тотальной критики советского марксизма, которая стала затем почти обя-

зательной, особенно после событий 1993 г., и утверждением нового государственного устройства.

Завершение периода забвения и бесславия, начало возрождения академического интереса к марксизму в широком плане связывают с апрелем 1998 г., когда в Институте философии РАН состоялся специальный симпозиум, посвященный 180-летней годовщине со дня рождения К. Маркса [3]. Материалы этого симпозиума были опубликованы годом позднее в книге под названием «Карл Маркс и современная философия».

А советский марксизм – как характерный взгляд на историю и судьбы человечества, мировоззренческо-ценностная позиция – был забыт, по крайней мере в массовом сознании, перейдя в статус ментальной архаики. Прежние советские идеалы (бесклассовое общество, гармоничное развитие человека, общественное самоуправление и др.) оказались безнадежно скомпрометированы, однако сами ностальгические чувства, связанные с памятью о юности старшего поколения и новыми мифами о советской жизни, которые появляются у молодых под влиянием рассказов стариков, стали основой политической живучести левой идеи в нашей стране. К тому же никуда не исчез колlettivistско-эгалитарный контекст нашего строя сознания. Потому советский марксизм продолжает свое существование в особом политическом, ментальном секторе нашего общества – в виде дискурса КПРФ, на котором происходит общение между партией и ее избирателями, равно как и внутри партии, где пытаются модернизировать коммунистическую идеологию в соответствии с современными трендами.

Эти попытки модернизации порождают причудливые теоретические комбинации «эклектического марксизма» [3]. Последний пытается объединить ряд марксистских идей с теориями, слабо встраивающимися в логику марксизма или даже противоречащими ей. Это геополитика и теория цивилизаций. Как они сочетаются с марксистской теорией общественно-экономических формаций, – непонятно. Также в ходу и евразийские

идеи о соперничестве «океанской империи» (США) с «континентальной державой» (Россия), о соборности и органичном этатизме последней, особенностях русского цивилизационного пути. Собранные вместе как результат «комплексного» подхода, эти идеи образуют почти постмодернистскую конструкцию.

Вернемся, однако, к так сказать «академическому» марксизму – одной из теоретических позиций в поле интеллектуального внимания нашего философского сообщества. Конечно, это поле серьезно фрагментировано – в ущерб его общности. Вместе с тем, большинство его участников все же удерживают в своем внимании состав поля в целом.

Помня об обязательной марксистской теоретической инициации в советское время для всех обществоведов, не следует удивляться тому, что многие видные философы, хотя и не позиционируют себя в качестве «марксистов», однако по сути работали и работают в модернизируемой марксистской парадигме: И. Фролов, Т. Ойзерман, В. Степин, В. Лекторский, В. Межуев, К. Любутин, И. Гобозов, Л. Гринин и др.

Мы все же имеем в виду не только тех, кто явным образом идентифицирует свои взгляды с марксистскими, но и активно участвует в коммуникации с себе подобными, входя в те или иные неформальные объединения (семинары, кружки, средства массовой информации, интернет-сообщества и т.п.).

Марксистский фрагмент отечественного философского сообщества можно представить в виде двух секторов, каждый из которых, в свою очередь, неоднороден, образуем из разных группировок. Деление на сектора, разумеется, условное – с целью понятного и наглядного представления состояния дел. И хотя марксистских групп много и взгляды их сильно варьируются, существует один критерий, который все же делит их именно на две категории. Это критерий модернизации – признается или нет необходимость серьезной ревизии классического и советского марксизма, их трансформации в соответствии с меняющимися реалиями и новыми конкурирующими теориями.

Используя этот критерий, мы увидим среди марксистских групп, которые имеют выходы в современное информационное пространство (журналы, интернет-страницы, постоянно действующие семинары и конференции), условно говоря, «ортодоксальный» и «ревизионистский» сектора.

В «ортодоксальный» сектор входят группы, полагающие, что либо классический и советский марксизм в целом адекватны прошлому, настоящему и будущему – причины поражения временны и субъективны; либо все дело в практических и теоретических извращениях послесталинского руководства, необходимо вернуться к незамутненной чистоте первоистоков, правильно читать с драгоценных скрижалей. Первые – крайние догматики и абсолютно не адаптированные люди [1], вторые допускают и даже настаивают на «творческом прочтении и развитии» аутентичного марксизма.

В «ортодоксальном» секторе марксистски ориентированных российских гуманитариев медийно заметны следующие группы, объединяющиеся вокруг таких неформальных институций, как:

- открытый академический теоретический семинар «Марксовские чтения» при Институте философии РАН, функционирующий с 1997 г. (руководитель – д-р филос. наук, профессор Д. Джохадзе);
- серия конференций, также называвшихся «Марксовскими чтениями», в Нижневартовске с 1998 г. (лидер – безвременно ушедший из жизни д-р филос. наук, профессор В. Жукоцкий);
- «Экономическая и философская газета», издающаяся под разными названиями также с 1997 г., имеет свой сайт <http://www.eifgaz.ru/> (лидер – А. Проскурин);
- теоретическая деятельность обществоведов, принадлежащих к добровольной общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» (работы Р. Косолапова 2007–2008 гг., опубликованные в «Экономической и философской газете»);

– «Марксистские семинары» (открытый семинар по актуальным проблемам левой теории и левого движения) в МГУ с 2003 г., сайт в Интернете – <https://marxmsu.wordpress.com/> (лидер – Г. Багатурия).

Отношение «ортодоксального» – в позитивном смысле этого слова, т.е. признающего обновление и творчество, но в рамках сохранения общей «аутентичности» исходных основ – сектора к «ревизионистскому» настороженное и дистанцирующееся. «Ревизионисты», т.е. те, кто допускает довольно серьезные ревизии марксистских положений, считаются «оппортунистами», в лучшем случае «центристами». Однако маргинальное положение академического марксистского сообщества в целом – вне зон активного общественного интереса и интеллектуального внимания – все же сплачивает рациональное большинство.

Внутренние – в советском марксизме – истоки современных ревизионистских групп – идеи Э. Ильенкова. Еще при его жизни сложилось довольно многочисленное сообщество «ильенковцев» – людей, для которых сама ориентация на манифестируемое творческое развитие марксизма по пути антропологизации, диалектизации и гуманизации была вдохновляющей и мобилизирующей.

Э. Ильенков стал известен широким массам советских обществоведов не столько своим «гносеологическим» бунтарством пятидесятых годов в МГУ – им он стал одним из популярных нонконформистских философов в Москве, – а своими работами в контексте дискуссии по проблеме идеального с Д. Дубровским и М. Лифшицем. Это может подтвердить любой преподаватель философии, чья профессиональная социализация падает на 70-е – 80-е годы прошлого столетия. Собственно, тогда, в 80-е годы, имя Ильенкова стало эмблемой проблематизируемого и саморазвивающегося марксизма, сложилось сообщество его последователей, сохраняющееся и по сей день. Оно поддерживает свое существование вот уже более 30 лет благодаря регулярно проводимым «Ильенковским чтениям», первые из которых со-

стоялись в 1984 г. в Институте философии на Волхонке благодаря В. Лекторскому.

Можно утверждать, что эти сохранившиеся в течение нескольких десятков лет послесоветского лихолетья «ильенковцы», институциализированные благодаря «Чтениям» и ностальгической поддержке академических философских иерархов, и представляют собой, так сказать, «чисто философскую» составляющую современного марксистского ревизионизма. И что мы можем здесь видеть? Зрелище, надо признать, грустное. Без своего лидера сообщество его сторонников находится скорее в состоянии стагнации, самолюбования и, как это ни прозвучит странно, – догматизма. Они лишь вновь и вновь реанимируют традиционные для «ильенковского дискурса» темы, революционно звучавшие разве что тридцать лет назад, но не сейчас. Оживляют эту архаику еще и внутренние архиважные распри – между верными, аутентичными ильенковцами и «лифшизиантами и примкнувшими к ним правоильенковцами» [1].

По-настоящему ревизионистскими, т.е. критично сверяющими марксистскую классику, достижения советского ревизионизма (Э. Ильенкова) и современные реалии, оказались взгляды современных марксистов-экономистов, не чурающихся, однако, и философских выводов (благодаря, опять-таки, советской фундаментальной профессиональной социализации).

«Постсоветский критический марксизм» разрабатывается небольшой группой обществоведов – экономистов, философов, социологов, юристов и политологов, объединенных журналом «Альтернативы», издаваемым в Москве на русском и английском языках с 1991 г. Идейными вдохновителями группы являются экономисты А. Бузгинин и А. Колганов. Их проблематика, однако, оказывается в большей степени философско-культурологической и политологической, нежели чисто экономической: оценка «реального социализма» и его кризиса, понимание современного состояния мира и России и возможностей социа-

лизма, перспективы коммунистической формации как «царства свободы» [1].

Они прямо делают заявку на «школообразование», «возвращение к истокам», критическое переописание в соответствии с новыми реалиями, с тем чтобы сделать новый марксизм современной теорией эмансиpации от неоимпериализма.

Их противник – «позитивизм и неолиберализм в странной смеси с постмодернизмом», опирающийся на «методологию безразличия в неисторический подход к общественной жизни, методологический дилетантизм». Свою генеалогию они возводят к «критическому марксизму» советского прошлого, к которому причисляются Г. Батищев, В. Вазюлин, Э. Ильенков, В. Лекторский, М. Лифшиц, В. Фролов, В. Межуев и др.; постулируются возрождение, обновление, очищение.

Судя по «тезисам», концепция «марксизма постиндустриальной эпохи» состоит из трех компонентов, из которых лишь первый можно отнести к собственно марксизму:

- эмансиpационная риторика в духе Маркса фейербахианского периода (фундаментальное противоречие исторического процесса – между отчуждением и творчеством, – которое достигает невиданного обострения в современности благодаря развитию автоматизации и интеллектуальным технологиям);

- новый анархо-синдикализм (политический идеал будущего реального социализма: радикализация самоуправления, приоритет законодательной власти, отмирание политических партий – так называемая «базисная демократия»);

- эволюционизм, который чудесным образом уживается с некой диалектикой, объясняющей неудачу «мутантного социализма» (в СССР) тем, что тот «не мог развить потенциал прогресса».

Подобная «постсоветская школа критического марксизма», к которой себя, так или иначе, относят более 20 известных учёных, представляющих Институт философии РАН, МГУ и многие другие научные центры (А. Бузгалин, А. Колганов, Г. Водо-

лазов, В. Межуев, В. Миронов, с. Дзарасов, Л. Булавка, Б. Славин, М. Воейков и др.), обладает, пожалуй, наиболее четкой самоидентификацией из всех постсоветских философских образований, характеризуется интенсивной теоретической деятельностью, в том числе – в поле сложившегося общего интеллектуального внимания [2].

Вряд ли пока можно говорить о какой-либо серьезной ее влиятельности в отечественном философском дискурсе – за пределами данной сложившейся группы или же столичных левых кругов. Вместе с тем, нельзя не отметить гуманистическую привлекательность, ясность, известную новизну и простоту теоретических взглядов А. Бузгалина, харизматичность и дар убеждения, которые он способен, как показал его опыт ведения еженедельных радиопередач, с блеском использовать.

Список литературы

1. *Альтюссер, Л.* Просто ли быть марксистом в философии? / Л. Альтюссер // Философские науки. – 1990. – № 7.
2. Умер ли марксизм?: материалы дискуссии // Вопросы философии. – 1990. – № 10.
3. *Бузгалин, А. В.* Социальная философия пост советского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 3–26.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ: К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ РОССИИ

Л.П. Кукса*

Настоящая статья посвящена поиску путей одного из судьбоносных вопросов будущего России – ее национальной идеи. Эта тема сегодня исключительно актуальна. Национальную идею ищут многие, и у многих она своя – у кого предпринимательство, у кого родовые поселения, у кого патриотизм. Все это многообразие пора привести к единству, а для этого необходима синтетическая картина социальной системы, обоснование ее, что и является предметом настоящей статьи.

Ключевые слова: социальная философия и социология, концептуальная модель социума, роль и место России в мировом сообществе

Специфика постижения российской модели трансформации во многом связана с единством социально-философского и социологического подходов в части их соотношения как методологии и теории в рамках интегральной социологии.

Традиционно сложившееся понимание социологического анализа связывается с эмпирическими социологическими исследованиями, которые различными манипуляторами сознания, особенно в сфере политики, могут использоваться в соответствии со своими интересами. Эта традиция немало навредила социологии, которая предполагает, прежде всего, разработку серьезного научного знания о механизме, способе функционирования и развития социального как целостного организма. По сути, социология должна исследовать социум – человечество, движущееся в пространстве и времени с момента его возникновения и достижения зрелой стадии и далее, – как сложноорганизованную систему, возведя в объект системные, интегративные качества, а в предмет исследования – способ их реализации, т.е. социальный механизм.

* Д-р филос. наук, профессор НГАСУ (Сибстрин)

Для решения поставленной задачи вполне возможно выйти на синтез накопленного в области социологии знания или на так называемую интегральную социологию. Такая социология может возникнуть на основе рационального отбора всего того ценного, что было накоплено в западной социологии, которая всегда (и в прошлом, и в настоящем) в качестве предмета своего исследования имела настоящие условия жизни людей и была приспособлена к решению сиюминутных задач, связанных с управлением людьми. За сотни лет здесь немало накоплено полезного в области знания о механизмах взаимодействия людей, что поставило западную социологию перед необходимостью осмыслиения ее результатов через призму социальной философии. Реализация этой необходимости связана с обобщающим трудом советских ученых, разрабатывавших исторический материализм. Она состоит как раз в том, чего не достает западной социологии, – взгляде на общество через призму естественно-исторического процесса, – а потому, при всех своих недостатках, обусловленных ситуацией, при которой вместо системной теории мы получили материалистическое учение об обществе вообще, оторванное от практики, исторический материализм представляет собой значительное дополнение к социологической традиции Запада.

Однако при этом нельзя забывать и тот факт, что, пожалуй, самым существенным моментом в рамках интеграции социальной философии и социологического знания являлось возникновение российской традиции в социологии, которая уже в 70-е годы XIX в. пыталась соединить эволюционизм Г. Спенсера и экономизм К. Маркса в единое целостное видение движения социального процесса [1]. Память об этой традиции российской социологии дает основание для разработки концепции интегральной социологии, какой должна стать русская философия всеединства, русский космизм. Это дает возможность более продуктивно работать в направлении соединения накопленного и когда-то «враждующего между собой» знания об обществе – философского, социологического, естественнонаучного.

Тем не менее, решение этой сложной задачи, естественно, связано с проблемами методологии и той реальностью, в рамках которой идет стремительный процесс превращения марксизма из методологии советского познания в одну из социологических школ (на Западе марксизм в качестве таковой школы признан в конце XIX в.). И тому есть объективные причины: социальные процессы XX в. поставили под сомнение самый существенный вывод социологической школы К. Маркса. Он связан с трактовкой взаимодействия природного и социального, в рамках которой природа якобы уходит в основание социального как более высокую форму движения материи. Оно опирается на свои специфические закономерности и обладает известной автономией. Однако практика человечества в XX столетии, охарактеризовавшаяся жесточайшим экологическим кризисом, социальными конфликтами, не подтвердила эти выводы. Оказалось, что известная автономия социального существует в рамках природы, Космоса, в связи с чем общественные законы, очевидно, представляют собой всего лишь специфику законов природы, Космоса.

И это утверждение требует дополнительного обоснования в части мировоззрения, методологии и метода социологической теории, определения места ее в классификации научного знания, осознания способа включения ее в практику. Вся совокупность этих направлений, наполненная конкретным содержанием, меняет смысл традиционно сложившейся социологии как науки об обществе и превращает ее в инструмент интеграции природного и социального факторов с целью снятия все нарастающего и проявляющегося в экологическом кризисе природно-социального противоречия. Сам процесс преобразования социологии в интегральную носит вполне конкретный характер, а исследовательские процедуры последовательны и обусловливают друг друга.

Так, назревшая проблема критического состояния современного мировоззрения требует согласования всех его многообразных форм (прошлого – мифологического, натурфилософского, геоцентристского, гелеоцентристского – и настоящего – механистического, релятивистского и диатропного) на основе

принципа дополнительности, снятия философского дуализма и соответствующего преобразования в теории познания. Речь идет о включении в научную картину мира человека, причем не только в индивидуально-личностном начале, но и человечества в целом как родового субъекта, и расширении гносеологического отношения до объективно-субъектного взаимодействия.

Подвижки в мировоззрении оказывают свое влияние на методологию и метод в познавательном процессе, в том числе и в социальном познании.

Что касается методологии, т.е. системы принципов организации и построения нового уровня социологического знания, то определяющим здесь становится диалектика целого и части, целостности и системности. Она раскрывает единство гуманизированного пространства, представленного как совокупность всех природных миров, и глобального мирового сообщества как части этого пространства [2]. Такое видение меняет взгляд на объект социологии. Им становится действительное целое – мировое сообщество в аспекте образа жизни человечества как родового субъекта, находящегося во взаимодействии с природой и ее различными условиями. Этот объект обусловлен своей внутренней структурой, т.е. всей совокупностью образов жизни этносов, народов, наций, детерминированных средой обитания, конкретно-историческими факторами и функцией. Эта последняя состоит в создании единства многообразия условий общественной жизни как средства развития и совершенствования не совпадающих по своему уровню развития людей.

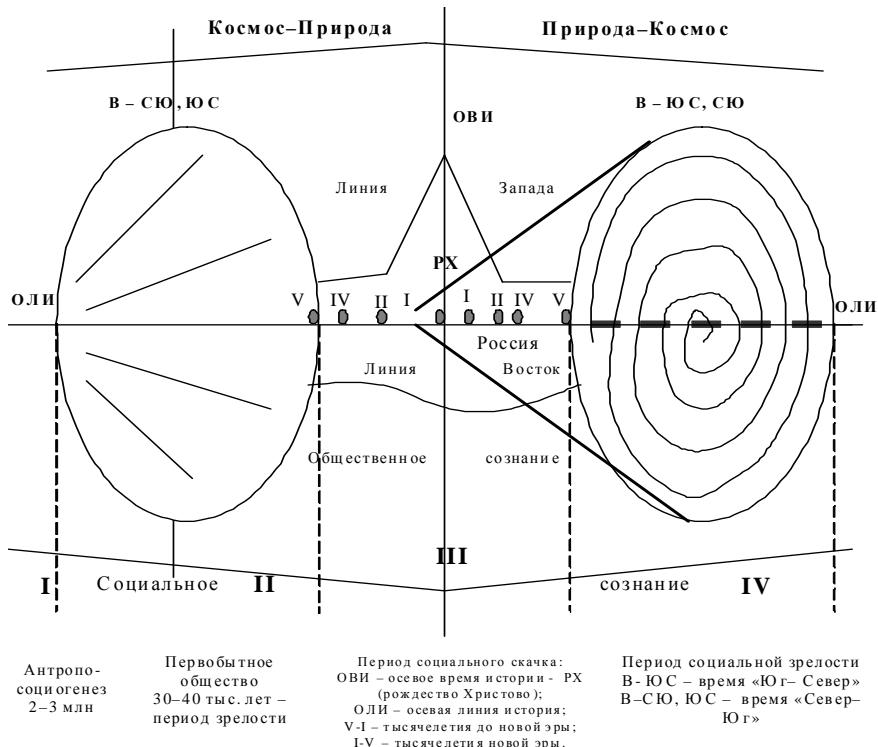
Методом разработки такой теории является включенность ее в классификацию наук в качестве ее центрального, систематизирующего начала. Это не только дает критерии полезности, эффективности и гуманизации естествознания, математических и технических наук, но и самой социологии предлагает инструментарий для уточнения естественного порядка общественной жизни, поддержание которого составляет содержание организаторской деятельности в статусе социального управления. Так, с позиции кибернетики в качестве объекта управления выступает поддержание определенного устройства любого живого орга-

низма. Из этого следует, что и социальное управление есть содержание организаторской деятельности, направленной на поддержание определенного, а именно естественного, порядка в обществе. И как таковое оно ничего общего не имеет с властвованием. В отличие от субъективизма эмпирических теорий управления в социологии, не усматривающих разницу властвования и управления, кибернетический подход к обществу сосредотачивает внимание сначала на том, как природная (кибернетическая) форма движения проявляется в обществе, а затем определяет пути синтеза общего, кибернетического как фактора природного, со специфическим, т.е. сугубо субъективным, определяя тем самым пути устойчивого развития на основе собственно социального управления. Преодоление властвования и переход к собственно социальному управлению является собой способ включения социологии в ее интегративном качестве в практику, а именно – во все уровни организаторской деятельности, связанной прежде всего с интеграционными процессами.

Основные характеристики интегральной социологии как общей теории социального управления, а вместе с тем и как метода социального познания во всех его ипостасях связаны с воспроизведением социальной системы целиком, т.е. во всем многообразии ее реальных форм и взаимодействий с другими объектами совокупной метасистемной действительности, со всеми ее разнопорядковыми и многомерными отношениями, которые нашли отражение, хотя и в разрозненном виде, во всем прежнем знании об обществе, в том числе и всемирной истории. А использование в качестве методологии диалектики, общей теории систем, синергетики, кибернетики дополняется переходом отmono- к полицентризму, изучением разносистемных единств в современности с реальностью, концентрацией внимания на разнотипных связях, отношениях, взаимодействиях явлений, переходом к процессуальному, конкретно-историческому рассмотрению социальных явлений.

Изложение этого знания требует поиска адекватных ему форм, дать которое в определенной мере способно эвристическое моделирование. Возможности эвристического моделирова-

ния могут быть использованы с учетом принципа изо- и полиморфизма и представлены в так называемой концептуальной модели (образе) социума. Она помогает представить социум как целое, сложноорганизованную систему, включенную в систему более высокого порядка: «Космос – природа – Космос». В рамках этой модели-образа (рисунок) нами выделяются четыре периода всемирной истории в необходимой последовательности:

Концептуальная модель социума

- 1) антропосоциогенез;
- 2) первобытное общество как результат антропосоциогенеза и сложившаяся в своем качественном определении природно-социальная система;

3) период социального скачка, т.е. накопления качеств разработанной социальной системы, который приблизительно может быть представлен между тремя тысячелетиями до н.э. и двумя тысячелетиями н.э. Его становление просматривается как логическое продолжение линии развития – от многообразия этносов и достаточно однообразного способа производства первобытного общества к многообразию народностей, а затем наций, способов производства, образов жизни и культур, цивилизаций периода социального скачка и через него – к интегральному единству многообразия всех факторов человеческой жизни в условиях качественно определившейся природно-социальной системы четвертого периода.

В рамках этой модели просматривается так называемая осевая линия истории (ОЛИ). Она складывается из точек пересечения двух взаимодействующих линий периода социального скачка – линии Запада, характеризующейся становлением индивидуальности, самодостаточности личности посредством различных модификаций государственно-частной собственности, и линии Востока, сохраняющей на протяжении истории в рамках азиатского способа производства коллективные основания человеческого бытия. Осевая линия истории дополняется видением «осевого времени истории» (ОВИ), которое проходит по высшей точке «распадения» линии Восток–Запад и совпадает с Рождеством Христовым. Оно делит время на то, что было до н. э., и новую эпоху. Осевое время истории дополняется, с одной стороны, временем «Юг–Север», которое связано с движением возникающих этических, культурных и цивилизационных образований древнего мира с юга на север. Присутствует здесь и время «Север–Юг» как результат взаимодействия евразийства с тысячелетними традициями и природно-социальными факторами социума. Время, в которое человечество вступило на пороге XXI в.

Будучи отражением кибернетической формы движения, концептуальная модель социума включает, естественно, и органы управления. В качестве таковых нами выделяются две структуры – Космос с его законами, диктующими социальной системе направленность и логику движения, и общественное сознание, которое движется вместе с социальным в направлении накопления качеств разумного и целостного в рамках единства многообразия.

«Скелет» социальной системы, представленный нами в концептуальной модели, наполняется «живым» содержанием на основе использования требований принципа полиморфизма. Тогда в общей структуре этой системы хорошо просматривается множество социальных общностей, состояние каждой из которых, например, России, резко отличается от состояния всех других. Все вместе они создают единство многообразия, находящееся на конкретно-историческом этапе своего движения в направлении накопления качеств целостного и разумного, т.е. включающееся в космопланетарную зависимость на принципахialectического взаимодействия. Это единство многообразия, очевидно, и есть условие нормального и более или менее равновесного развития каждой из них и социума в целом. Эта сторона всемирной истории подчеркивается Н. Бердяевым в идее неповторимости вклада каждого народа в общую сокровищницу человеческих достижений [3].

Завершая рассмотрение концептуальной модели социума, необходимо особо подчеркнуть вопрос о так называемых фокусах социальной системы, образующихся в период социального скачка. Это особые «узлы» истории, соединяющие в определенные исторические периоды в единое целое опыт и культуру множества отдельных цивилизаций и способствующие образованию на базе этого единства нового качества, не сводимого к качеству каждого, включающегося в это единство. Таких «фокусов» в истории социума было много в прошлом и в будущем

будет, очевидно, немало. Можно с уверенностью выделить, например, фокус древних цивилизаций, объединивший достижения цивилизаций в треугольнике Древняя Греция – Эллада – Древний Рим. Или фокус так называемого Старого Света: Древний Рим – Священная Римская империя – Третий рейх, в рамках которого формировался современный Запад, по крайней мере, до Второй мировой войны. Очевидно, фокусом нового времени начинает выступать Россия, занимающая одну шестую часть света и объединяющая все стороны – Юг и Север, Восток и Запад. В этом, возможно, заключается судьба России. Здесь заложен ответ на многие вопросы, связанные с пониманием сущности ее реформ – как прошлых, так и настоящих.

Возникнув на рубеже старой и новой эры по осевой линии истории, славянский этнос, который изначально составлял основу населения России, организованно и содержательно начинает формироваться (этот процесс продолжается и по сей день, но уже на базе суперэтнического образования, каким является российский народ) как интегратор мирового опыта, мировых культур и цивилизации новейшего времени. Исторически эта ситуация складывалась и в результате использования опыта организации общественной жизни северных племен (исторический факт приглашения Рюрика на правление), влияния культуры Византии и татаро-монголов, трехсотлетнего влияния Запада, особенно Германии, в период царствования рода Романовых и т.д. Отстав от мирового сообщества в своем развитии на целые тысячелетия, Россия стремилась занять свое место в мировой социальной системе, чтобы выполнить роль и функции нового фокуса.

Может быть, именно поэтому реформы в России в своей основе носили ускоренный и догоняющий характер, всегда обходились дорогой ценой для народа и страны, приводили зачастую к отчуждению народа от власти. Подсистема социума под названием «Россия» не могла позволить себе осуществление

реформ на правовой основе, ибо это дело длительное, требующее вызревания соответствующей культуры народа. Тех 500 лет, которые мог себе позволить Запад затратить для этой цели, у России не было и не может быть в силу ее срединного положения между Европой и Азией, которое обязывает ее к соответствующему социальному поведению, особенно в современный период.

Этим объясняется, на наш взгляд, и тот факт, что реформы в России всегда проходили в жесточайшей идеологической борьбе. В ходе формирования нового «фокуса» мира в общественном сознании России концентрировались и занимали свое место многообразные идеи, возникавшие в социальном движении всех прежних цивилизаций. В процессе этой концентрации и борьбы время от времени возникали духовные и идейные образования, не похожие на те, что внедрялись в духовный мир России. Это и православие, и философия всеединства, и идея непротивления злу насилием, и специфические черты коммунистической идеологии. При всей их разнице при внимательном рассмотрении можно обнаружить единую линию – стремление сознания России к интеграции и развитию идей на вселенской, космопланетарной основе (вспомним Циолковского, Вернадского и др.). Вполне возможен вывод о том, что сознание России исподволь готовилось к объединительной роли, которую ей, очевидно, еще предстоит выполнить.

А потому пристраивание одного из фокусов начала новейшей эры в хвост ушедшего времени посредством реформ 1990-х годов есть не что иное, как противодействие природно-социальной эволюции. Ее дальнейшее развитие связано с идеократическим государством и его совершенствованием, а не подражанием главному западническому принципу реформ, основанному на поиске «центра» в результате взаимодействия политических сил. Другое дело, что сама концепция такого государства и опыт СССР должны быть тщательно проработаны в рам-

ках социологии России, исследующей системные качества такой социальной общности, коей Россия является. В рамках такого знания могут быть выявлены и учтены синергетические принципы преобразования скрытых в ней возможностей на основе использования механизмов социального управления и особенно единства ее главной национальной идеи и соответствующей ей организации, которую и обосновывает интегральная социология [4].

Список литературы

1. Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А. А. Богданов. – Москва : Экономика, 1989. – Кн. 2. – С. 218.
2. Карсавин, Л. П. Основы политики / Л. П. Карсавин // Европейский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – С. 220.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Наука, 1990. – С. 9.
4. Кукса, Л. П. Интегральная социология : монография : в 6 кн. / Л. П. Кукса. – Новосибирск : Мысль, 2013. – Кн. 3, 4. – С. 423–470.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК «СОБЫТИЕ»

С.П. Кушнаренко*

В статье предлагается новая концепция эminentных (в терминологии Г. Гадамера) произведений культуры: последние рассматриваются не как «сами по себе существующие объекты» (картина, текст, храм), а как симбиотические единства «культурного предмета» с «живым состоянием личности». Их и можно назвать истинными «произведениями» (в отличие от, например, «текстов»). Событие, рассматриваемое в качестве явления, имеющего онтологическую значимость, есть тогда лишь момент в жизни такого «произведения».

Ключевые слова: произведение, событие, онтология, смысл, интерпретация

Концепт «события» разрабатывается многими современными философами. Одна из наиболее интересных концепций в этом плане создана А. Бадью и представлена в его книге «Бытие и событие» (1988) [1]. С точки зрения А. Бадью, среди фактично-исторических явлений имеются особые, названные им Событиями, которые имеют пред-онтологическое значение – поскольку выступают истоком самих онтологий. Именно Событие, по А. Бадью, выступает истоком преобразования бытия. С этой концепцией сходны представления позднего Э. Гуссерля и развивающего эти идеи Л. Ландгребе о том, что именно первонаучальный кинестетический опыт ознакомления с миром определяет все последующие формы человеческой активности, в том числе и высшие формы духовной деятельности. Если у Гуссерля исходно полагаемые смыслы, осаждаясь и уходя в «тень», неявно и подспудно определяют собой последующие смыслы (а потому свободный акт мысли осуществляется только тогда, когда осуществлено обратное движение реактивации, «пробуждения» этих «спящих» смыслов), то и у Бадью личность конституирует-

* Канд. филос. наук, доцент НГАСУ (Сибстрин)

ся только в том случае, если эксплицирует уже произошедшее Событие, определяющее ситуацию, в которой личность находится в настоящем (а потому необходимо опять-таки противонаправленное движение по отношению к тем силам и зависимостям, которые уже действуют в настоящем).

Событие – это не сущее и не бытие, это то, что вынуждает изменить бытие. Событие связано со становлением бытия, это исток изменения бытия. Бадью приводит следующие примеры событий: французская революция 1792 г., встреча Элоизы и Абеляра, создание Галилеем физики, личная любовная страсть и т.д. То есть это такое реально произошедшее явление, действие которого продолжается и сейчас и которое выступает силой, определяющей порядок всех явлений в некоторой наличной области бытия (в том числе и философскую онтологию как систему представлений о том, что полагается «действительно существующим»). Главное требование, которое Бадью выводит из этих представлений, есть верность событию, – что означает строить свои отношения с ситуацией с точки зрения события. Он принимает позицию Ницше «Бог умер», связывая идею Единого с Богом. Не зная События, мы не сможем осуществить новое событие. Истина – это реальный процесс осуществления верности событию.

Однако выводить онтологию как продукт движения мысли из События – значит принимать детерминизм в самом крайнем его выражении. Ошибку этой позиции можно понять, следя идеям А. Пятигорского: если, например, физиком С. Хокингом утверждается, что Вселенная произошла именно в результате Большого взрыва и в первые моменты ее рождения произошло то, что предопределило все последующие события, то тогда и событие рождения самого Хокинга, и даже событие открытия им данной теории уже было заложено в этом начале. Не говоря уже о тотальном детерминизме, в данном выводе предполагается и тотальная дереализация мышления, – так как, если акт мыс-

ли – событие, то в исходном начале он не содержится, а если – не событие (поскольку при этом ничего не добавляется к миру, уже в самом начале в нем произошло все, что могло произойти), то тогда мысль есть лишь иллюзия, она ирреальна. Данную позицию можно также усмотреть у Г. Гегеля: «Здесь – прямая аналогия с буквально... понимаемым Гегелем, который говорил, что Абсолютная Идея нашла свою самореализацию в порядке исторического процесса в его, Гегеля, "Йенских семинарах" (1806 г.)» [2, с. 81]. Эмпирические события выступают все же лишь *поводом* к некоторому движению мышления, – но никоим образом не выступают в качестве определяющих его (хотя бы потому, что с искомым движением мысли мы можем иметь дело только тогда, когда трансцендируемся от той наличной ситуации, в которой осуществляется мышление).

Эминентным произведением (относящимся к «высокой культуре» в терминологии Г. Гадамера) является на деле не отдельно взятый текст, а некоторый синтез текста как конструкции, создающей условия возможности мыслительного акта и живого состояния мысли читателя. Например, текст Парменида как существующий «сам по себе» есть фикция, – последнее представление есть продукт позиции как раз современного научного мировоззрения, отягощенного предрассудком идеи относительно «самых по себе», независимо от нас существующих вещей, – так что и культурные предметы начинают восприниматься с таких же позиций. Но произведения культуры – не замкнутые образования, их смысл – становящийся (текст в процессе культурной истории обрастает снежным комом интерпретаций, выступающих в определенном смысле аспектом данного текста как произведения культуры: В. Беньямин говорил в этом плане об «ауре», обволакивающей текст), они уже имеют интенцию, обращенную к читателю. Поэтому ложна герменевтическая дилемма – либо текст, имеющий какое-то абсолютно аутентичное прочтение (смысл), либо живое состояние мысли читате-

ля, для которого текст – лишь необязательное средство для порождения собственной мысли. В обоих случаях мы имеем абстракцию от их изначальной целостности в составе произведения, – несводимого в этом смысле к просто тексту.

Тогда становится понятным, в каком смысле Э. Гуссерль выдвигает требование воспроизведения того состояния, в котором находился первооткрыватель геометрического утверждения и в котором истинность этого утверждения была дана ему с очевидностью. Речь идет в данном случае о необходимости собственоличного акта мысли, – по отношению к которому исходная математическая конструкция выступает лишь полой формой, только возможным существованием. При этом акт воспроизведения смысла какой-то геометрической идеи в сознании индивида наделяет соответствующую математическую конструкцию («форму») предметной структурой («содержанием»), которая отлична от исходно данной структуры на бесконечно малую величину. Но, хотя эти различия и не наблюдаемы внешним образом, они существуют и проявляются, например, в том, понял ли данный индивид соответствующую математическую идею или нет, а также в том, как именно он ее понял. Отличия гениальной картины от ее даже самой совершенной подделки хотя и могут быть в этом смысле ненаблюдаемы, все же усматриваются нашим «внутренним чувством», выступающим в этом отношении более совершенным инструментом, чем самые точнейшие приборы. Понимание этого обстоятельства представлено, например, в советском фильме «Маэстро вор». А именно, когда по сюжету фильма из музея были украдены две картины гениальных художников – Кандинского и Шагала, – а на их место поставлены копии, то пропажу обнаружила девушка-экскурсовод, которая выразила это так: «Раньше картины со мной говорили, а теперь – молчат». А вот академик-эксперт, проведя точнейшие анализы, не смог обнаружить их поддельность. Другими словами, когда мы ставим вопрос относительно интерпретации неко-

торой идеи, представленной в форме математического текста, то произведением будет здесь не «сам по себе, независимо от нас существующий математический объект», а топологически определенное структурное единство данной конструкции с нашей собственной личностью.

Такая неотделимость созданного культурного предмета от воспринимающей этот предмет личности получает явное выражение, например, в современном искусстве. В рассказе Акутагавы Рюноске «В чащे» можно увидеть описания одних и тех же событий разными лицами, – но совершенно противоречивые. Что же произошло в действительности? Решение загадки дается на откуп читателю – т.е. соответствующая версия будет считаться «правильной» в зависимости от того, чью сторону он изберет, чья позиция ему будет ближе. Предельным выражением вышеуказанной тенденции выступает такой появившийся в XX в. новый литературный жанр, как «гипертекст», связанный с возможностями, предоставляемыми современной компьютерной техникой. В таком романе, записанном на дискету, можно остановиться на любом заинтересовавшем тебя направлении развития сюжета и, нажав клавишу, узнать, например, подробности из жизни детства героя или увидеть, как события развернутся, если то событие, которое произошло в основной линии развития сюжета, не произойдет, и т.п. По утверждению историка Б. Могильницкого, не использованные в истории возможности не исчезают, они оказывают на реально происходящую историю подспудное влияние, окружая ее как «фон», и иногда выходят на «поверхность» в виде реальных событий [3, с. 56]. И эти линии возможного развития событий имплицированы в соответствующем произведении.

Итак, событием является не просто чисто эмпирическое (предметно-содержательное) изменение наличного положения дел, – т.е. представляет собой изменение не на онтическом уровне, а на онтологическом. Но сама онтология есть продукт

события как момента жизни соответствующего «произведения». Это событие, открывая одну онтологию, в то же время исключает все другие в принципе допускаемые этим произведением возможные онтологии. Произведение оказывается первичным по отношению к своему событийному аспекту, поскольку жизнь произведения есть цепь (связная последовательность) событий, в которых актуализируется его целостность. Кроме того, возможное бытие произведения оказывается первичным по отношению к его актуализированному в данном событии бытию. Произведение в этом смысле есть единство статически-структурного (текст) и динамически-процессуального (живое состояние личности) аспектов, актуального и потенциального бытия.

Произведение, таким образом, относительно независимо от своего контекста и само, в свою очередь, оказывает на среду, в которой оно возникло, обратное влияние. Поэтому оно и выступает истоком того, что является радикально новым, – т.е. истоком новой, преобразованной реальности (а не только представлений о реальности). Это событие и привносимая с ним онтологическая новизна не отменима никакими событиями, произошедшими в пределах уже наличной реальности, т.е. событиями на онтическом уровне. И когда кто-то критикует какое-то социальное явление, то это происходит зачастую с позиций той идеологии, которая является продуктом самой критикуемой социальной системы, – и этим только укрепляет данную систему (выступая в роли своего рода шута при дворе монарха, которому дозволялось подсмеиваться иногда и над самим монархом). А потому настоящая новость – не та, которую сообщают нам самые последние газеты, а та, которую говорит, к примеру Парменид: что мы должны принять то, что есть, а то, чего нет и что должно быть, – без нашего собственнолично участия не будет. Эта новость – не та, о которой раньше не слышали, – она остается неслыханной, неуслышанной и тогда, когда о ней (а не ее)

узнали. Настоящее Событие не нами создается – мы только участвуем в нем в меру своих сил. И в отношении к полноте события мы всегда в роли опоздавших, – просто в силу своей конечности. И это та онтологическая необратимость, над которой не властно даже само время – поскольку само время есть лишь мера упускания нами полноты соответствующего события: «Мы пришли поздно, когда бытие или небытие, или бытие и небытие уже произошли. Мы к событию опоздали. Поздние, спохватившиеся, мы поэтому всегда уже во времени: во всех смыслах, так сказать, "попали в историю"» [4, с. 228]. Мы можем лишь «принять то, что на нас склоняется в этот час» (Р.М. Рильке). Только в этом случае к настоящим событиям мы будем действительно причастны.

Список литературы

1. *Badiou, A. L'être et l'événement / A. Badiou.* – Paris : Seuli, 1988. – 580 р.
2. *Пятигорский, А. М. Непрекращаемый разговор / А. М. Пятигорский.* – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. – 432 с.
3. *Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории / Б. Г. Могильницкий.* – Москва : Высшая школа, 1989. – 175 с.
4. *Бибихин, В. В. Пора (время-бытие) / В. В. Бибихин.* – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2015. – 367 с.

УДК 316.75

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК: ПОДВИЖНОСТЬ КРИТЕРИЕВ И ПОПЫТКИ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЯЮЩИМСЯ УСЛОВИЯМ

М.Ю. Маркевич^{*}, И.Г. Митченков^{}**

Процессы взаимодействия социума и природы инвариантны для любого общества – перераспределение сырья и энергии из природы в общество; но формы их регулирования – экологическая политика – вариативны. С целью выяснения наиболее оптимальных форм экополитического регулирования (в условиях различных социальных систем) в статье предпринята попытка прояснить критерий его сопоставления.

Ключевые слова: экономическая эффективность, экологическая политика, социально-экономические теории

Существует обширная библиография работ по исследованию соответствия социально-экономических систем экологическому оптимуму. Среди авторов, принявших активное участие в разработке данной проблемы, М. Голдман, Д. Келли, С. Инло, А. Райт, а также Дж. Креймер, Д. Пауэл, К. Буш, Ф. Прайд и некоторые другие. В качестве метода подобного анализа, как правило, используется принцип сравнения определенных черт социально-экономической действительности. Вывод, которому следует большинство исследователей, заключается в том, что различия в социальных системах между государствами, страдающими от разрушения природы и пытающимися сохранить окружающую среду, имеют несущественное значение. Паллиатив экономических систем рассматривался как всеобщее «тождество» в отношении к кризису природной среды. Более того, в начале века приобрел популярность тезис о «сближении» эконо-

^{*} Канд. филос. наук, руководитель Центра социальных исследований (г. Красноярск)

^{**} Д-р филос. наук, профессор НГАСУ (Сибстрин)

мических систем в процессе общего движения к экологическому упадку – экоконвергенция.

Мы полагаем необходимым критический анализ идей экоконвергенции в силу того факта, что до настоящего времени они остаются основой трактовок существа проблем кризиса окружающей среды в бывшем СССР, современной России и в мире в целом. Для этого следует провести аналитическое сопоставление экономических подходов к решению проблем использования природы и ее охраны и предложить метод данного сопоставления. Это имеет существенное значение для выбора направлений развития экополитики с точки зрения ее рационализации и оптимизации. В качестве объекта анализа, мы используем экологическую эффективность социально-экономических систем.

Под экологической эффективностью социальной системы мы понимаем способность этой системы развиваться таким образом, чтобы минимизировать негативные воздействия на окружающую среду, а в перспективе – обеспечить ее восстановление и улучшение. Эффективность взаимодействия социально-экономической системы с окружающей средой в конечном счете предопределяется экологической эффективностью индустриального сектора. Последняя же, в свою очередь, определяется способностью производить данный объем национального дохода с минимальным загрязнением и разрушением окружающей среды. То есть, чем ниже экологические ущербы (экономике и населению) в расчете на единицу произведенного национального дохода, тем она (эффективность) выше. Чтобы уровень ущербов от загрязнения с ростом производства не повышался, темп роста экологической эффективности не должен отставать от темпа роста национального дохода (при условии, что исходный уровень загрязнения не превышает ассимиляционных возможностей окружающей среды: в противном случае загрязнение будет накапливаться, и чтобы избежать этого, экологическая эффективность должна определенное время возрастать со скоростью, опережающей темпы роста производства).

Экологическая эффективность социальных систем непосредственно зависит от многих факторов, в том числе от регене-

рационной способности природной среды и качества используемых естественных ресурсов, отраслевой структуры производства, высоты уровня экономического и скорости научно-технического развития, тенденций экономического роста, эффективности механизма управления, от культурных, политических и прочих уровней.

Как и в любом другом вопросе обществознания, к комплексу названных факторов необходимо подходить с конкретно-исторических позиций. Экологическая конвергенция имеет отличающееся содержание от экономической конвергенции, выделенной голландским экономистом Я. Тирбергеном значительно раньше. Он и его последователи говорили о том, что сближение экономических систем вызывается стремлением руководства любой страны мира к достижению социального оптимума. В Советском Союзе представителем данной гипотезы был А.Д. Сахаров [4, с. 76]. Гипотеза конвергенции предполагала, что развитие общественных форм существования человечества, и прежде всего производственных отношений, будет иметь тенденцию к унификации и в конечном итоге социализм и капитализм конвергируют в некую единую систему. Такой взгляд на эволюцию общества в философском плане был близок к идеям П. Тейяр де Шардена и его представлению о «точке Омега», конце мирового эволюционного процесса, когда человечество объединится в некое единое целое и окажутся сломленными все его внутренние барьеры – национальные, религиозные, социальные, тем более идеологические, когда одновременно единое человечество сольется с Природой и Богом [6]. Эти идеи были весьма привлекательны, и с этой философской позиции теория конвергенции кажется вполне приемлемой. Но с естественнонаучных позиций она слишком противоречива и вызывает слишком много возражений.

Экологическая конвергенция, в отличие от экономической, вовсе не результат осознанных или целесообразных действий. Она скорее объективный процесс, происходящий вопреки декларируемым намерениям государственных руководителей и влиятельных социальных групп. Каждая из мировых социаль-

ных систем (Китай, США, РФ) либо бессильна перед развертывающимся экокризисом, либо сама выступает как фактор его углубления. В этом состоит сущность любых вариантов концепции экологической конвергенции. Данная концепция имеет, на наш взгляд, три противоречащие друг другу версии. Согласно одной из них, чем быстрее идет индустриальное развитие, тем сильнее загрязнение и истощение независимо от особенностей общественной системы.

По мнению Э. Тоффлера, автора известных работ «Столкновение с будущим», «Экоспазм», «Третья волна», глобальные кризисы, в том числе и в сфере планетарного природопользования, – это не социально-политические кризисы, а проявление общего кризиса индустриализма [13, с. 3]. С точки зрения американского экономиста и социолога Р. Хейлбронера, обострение экологического кризиса в исторической перспективе приведет к тому, что экономические структуры общества во всех странах «независимо от их происхождения будут поглощены борьбой за приспособление к жестким возрастающим требованиям окружающей среды». Наступит «закат индустриальной цивилизации», возникнет «жестко контролируемое общество», резко отличающееся как от современного капитализма, так и от социализма советского образца (писалось в 1976 г.) [10, с. 117–118].

Согласно другому варианту, наоборот, более развитые страны являются более богатыми и могут тратить на защиту окружающей среды большую долю национального дохода; менее развитые и богатые сильнее страдают от загрязнения. Таким образом, загрязнение находится в обратной зависимости от уровня индустриального развития и богатства, опять-таки, независимо от общественного строя той или иной страны.

Этой версии придерживается известный американский экономист П. Самуэльсон. Имея в виду заявления некоторых шведских авторов относительно того, что именно социалистические страны были более виновны в загрязнении Балтийского моря в конце XX в., Самуэльсон пишет: «Было бы наивно думать, что социализм избавляет от угрозы загрязнения; в то же время не менее абсурдно думать, что именно он содействует загрязне-

нию. Как раз потому, что Россия имеет более низкий доход на душу населения, чем Швеция, она не считает для себя позволительными такие же программы (по борьбе с загрязнением), как Швеция. Чтобы доказать, что система социалистического управления не является важным обстоятельством, достаточно указать на аналогичность причины для жалоб шведов на Финляндию, т.к. она тоже более бедная страна» [5, с. 210].

Третья версия экоконвергенции кладет в основу «сближения» не показатель индустриализации, а господствующее в обществе предпочтительное отношение к природе как в первую очередь к объекту эксплуатации со стороны производства.

Указанной версии достаточно соответствуют представления профессора П. Холландера, сотрудника центра «русских» исследований Гарвардского университета. В монографии «Советское и американское общество. Сравнение» он пишет: «Загрязнение и разрушение окружающей среды играло исключительно важную роль и в США, и в СССР. Источники этих проблем следует искать в общих для обеих стран взглядах. И в особенности в той фетишизации существующего общества, его величия и развития, которая присуща и капиталистическому, и советскому мышлению. Эти взгляды, по-видимому, глубоко укоренились в западной культуре и мышлении и действуют независимо от различий в современной политической структуре и идеологии» [8, с. 369].

Сопоставление указанных версий экологической конвергенции приводит нас к следующему выводу: каждая из них описывает реальные, но не позволяет понять ключевые факторы обострения экологической ситуации, т.к. не затрагиваются ее наиболее глубокие корни – институциональные. Анализировать экологическую эффективность различных социальных систем без учета институциональных социальных, политических, экономических форм и структур методологически неверно и непоследовательно с точки зрения существенных черт действительности.

Прежде чем перейти к анализу экологической эффективности систем, необходимо принять к сведению следующие харак-

терные черты, непосредственно влияющие на формы и методы социо-природного взаимодействия. Согласно нашей позиции, не существует полной симметрии ни в формах, ни в методах социальной и экологической политики, в результате осуществления которой возникли (и сохраняются поныне) схожие эконегативные ситуации на Западе и Востоке. Картины последних, рассмотренные в целом, не могут не содержать различия. И формы политики их преодоления также не могут не отличаться, в особенности учитывая разницу в характере и тяжести положения. Асимметрия экологических проблем Востока и Запада проявляется и при сравнении бывшего СССР и США. При сопоставлении эконегативных ситуаций в различных политических системах необходимо иметь в виду такой важный момент, имплицитно связанный с уровнем экологической опасности, как природные условия и факторы [12, с. 386]. В особенности необходимо учитывать различия в величинах ассимиляционной способности среды при сравнении локальных экологических ситуаций. Без учета указанных аспектов анализ любых экологических проблем будет неполным.

В самом деле, СССР имел на 140 % больше территории, чем США, но только на 20 % больше населения [3, с. 126, 179]. Соответственно, Советский Союз мог бы вдвое больше загрязнять и разрушать окружающую среду по сравнению с США, чтобы сделать экологические проблемы адекватными американским. Потенциал советской промышленности находился где-то между 2/3 и 3/4 американского уровня, но для рассеивания отходов советская индустрия имела в 2,5 раза больше атмосферного воздуха над нею [11, с. 386]. С учетом этих факторов нижеприведенные цифры воспринимаются по-иному. Для СССР в 1971 г. были характерны следующие значения показателей социальной нагрузки на окружающую среду: концентрация загрязнения на единицу площади территории страны (по сравнению с мировым показателем, равным 100) – 60; величина загрязнения в расчете на душу населения – 150. В США значение этих показателей составляли: по территориальной концентрации – 450, на душу населения – 550 [1, с. 13–14; 11, с. 187].

Учитывая ассимиляционные способности среды, правильнее было бы раскрывать содержание экопроблем в указанных странах не столько через версии о конвергенции, сколько через рассмотрение параллельности указанных проблем в разных социополитических системах.

Приведенный пример подтверждает тот факт, что анализ экологической эффективности социальных систем требует учета определенной дилюции: с одной стороны, необходимо выделить и учесть те обстоятельства, которые связаны с характером экономической системы, ее внутренней социальной ориентацией; с другой – определить внешние факторы, не зависящие от институциональных форм социальной системы.

К внутренним (системным) факторам мы относим: институциональные политические формы и структуры (исторически сложившейся тип власти, способ регулирования динамики социальных и политических процессов, социальные приоритеты и предпочтения в области использования природной среды: природа как цель либо природа как средство, как объект эксплуатации).

Внешними (несистемными) детерминантами являются: ассимиляционная способность среды (величина территории, климатические и географические условия, характер погодных изменений), исторически сложившаяся схема расселения и размещения промышленных предприятий, отраслевая структура ВНП, уклад жизни. Любые, даже приблизительные количественные данные должны быть соотнесены с расчетом воздействия несистемных экологических факторов. Только затем они могут быть использованы в качестве базиса для заключений о величине системной экологической эффективности.

Таким образом, для более объективного подхода к анализу вопросов рационального использования природной среды различными социальными системами необходимо учитывать как системную, так и несистемную экологическую эффективность.

Видимо, главным несистемным фактором при оценке состояния естественной природной среды является ее ассимиляционная способность, т.е. способность биосфера адсорбировать

до определенного предела загрязняющие выбросы без того, чтобы понижалась экологическая и экономическая полезность для человека его природного окружения. В частности, показатель ассимилирующей способности среды в связи с более благоприятными физико-географическими и природно-климатическими условиями в США явно выше, чем в бывшем СССР. Согласно данным, приводимым в журнале «SovietStudies» [11, с. 186; а также 7] и мнению как российских, так и западных специалистов, можно косвенным образом оценить природно-климатические условия хозяйственных районов Северо-Американского континента как в 2–2,5 раза лучшие. Например, к югу от Полярного круга в России в период с сентября по апрель атмосферные температурные инверсии наблюдаются 60–80 дней. В тот же период в Москве это явление наблюдается в течение 82–98 дней. В США же они бывают только 20–40 дней. Известно, что это атмосферное явление, серьезно затрудняя рассеивание загрязнения, значительно увеличивает причиняемый им ущерб. Кроме того, 95 % сельскохозяйственных угодий в нашей стране лежит севернее 45-й параллели против 10 % в США. Замерзание в зимний период большинства рек в России и снижение в этот период количества растворенного в воде кислорода препятствует ассимиляции водного загрязнения и т.д. [10, с. 190]. По этим причинам можно принять, что удельная (на единицу территории) естественная ассимилирующая способность природной среды в США несколько выше, чем в бывшем СССР и в нынешней России. С другой стороны, ассимиляция загрязнения происходит тем полнее и быстрее, чем большее пространство, в котором оно рассеивается. При этом чем меньше плотность населения, тем меньше негативное влияние, которое на него оказывают загрязняющие выбросы. Плотность же населения в СССР в 1980 г. была в 4 раза меньше среднемировой [3, с. 183, 198]. В США этот показатель был выше по сравнению с СССР в 3 раза [3, с. 183, 198], поскольку территориальная концентрация в США в 7–8 раз выше, территория меньше в 2,5 раза [3], плотность населения в 3 раза больше, чем было в СССР [3, с. 198, 283], поскольку лучший показатель ассимиляционной способно-

сти среды в Северной Америке не способен был оказывать существенное компенсирующее влияние на разницу в величинах причиняемого экологического ущерба. В целом же и по средним значениям экологическая обстановка в указанный период (до 1985 г.) была несколько лучше американской [11, с. 190].

В то же время трудность сопоставимости экоэффективности социально-экономических систем заключается, ко всему прочему, в необходимости учета тех предпочтений, которыми руководствуется общество при решении вопроса о масштабах вторжения в окружающую среду. Эти предпочтения проявляются во многих аспектах, в том числе и в определенных нормативных актах (режимах ПДК, ПДВ и т.д.). Например, среднегодовое значение ПДК ($\text{мкг}/\text{м}^3$) по двуокиси серы и окиси азота в ССРР на 1985 г. было 50 и 40, в США на тот же период – соответственно 80 и 100 [2, с. 42]. Отсутствие же возможностей отличить эффект предпочтений от эффективности экономических институтов препятствует прямым эмпирическим измерениям собственно экологической эффективности системы.

Таким образом, в оценочном описании состояния окружающей среды в условиях различных национальных экономик необходимо различать, с одной стороны, суммарную величину экоразрушений в рамках данной экономики, а с другой – концептуально иное: эффективность какой-либо экономической системы. Американские экономисты Р. Макинтайр и Д. Торnton, анализируя данную проблему, пришли к выводу о невозможности установления величины общей экополитической эффективности экономики [9, с. 273]. Следовательно, аналитические данные сторонников экоконвергенции относительно сравнения социальных систем не обладают эмпирической достоверностью, поскольку опираются на факты, не имеющие достаточно точных критериев оценки (экоэффективность экономики), и главное, не учитывают последствия для сравнений в области природной среды действия несистемных факторов. В связи с этим относительно проблемы конвергенции мы приходим к следующему выводу: различия политической и экономической структур общественных систем обусловливают разные формы

разрушения среды, и в этом смысле конвергенции между системами нет. Сходным является необходимость политического реагирования на загрязнение окружающей среды.

Исходя из этого, мы считаем, что сравнение социальных систем относительно их экоэффективности следует ограничивать оценкой соответствия институциональных политических форм и структурных стимулов целям борьбы за сохранение качества природной среды. В качестве аппарата для проведения подобных сопоставлений мы предлагаем использовать теорию оптимального управления [13, с. 173–174], позволяющую судить о величине экологической эффективности по скорости возникновения ситуации, в условиях которой оптимальная стоимость программ борьбы с загрязнением достигается за предельно возможный срок.

Скорость возникновения описанной ситуации зависит в большей степени именно от политических аспектов, а не от экономических или административных. Стало быть, для анализа экологической эффективности экономических систем необходимо в центр исследования поставить вопрос о соотношении между экологией, экономикой и политикой в данных системах и влияние указанного соотношения на формы и методы экологической политики.

Список литературы

1. *Актуальные проблемы изменения природной среды за рубежом*. – Москва : Прогресс, 1981. – 300 с.
2. *Экономика и качество окружающей среды* / О. Ф. Балацкий [и др.]. – Ленинград : Лениздат, 1976. – 211 с.
3. *Малый атлас мира*. – Москва : ГУГК, 1979. – 180 с.
4. *Моисеев, Н. Н. Пути к созиданию* / Н. Н. Моисеев. – Москва : Республика, 1992. – 255 с.
5. *Самуэльсон, П. Экономика* / П. Самуэльсон. – Москва : Алгон. – Т. 1. – 410 с. ; Т. 2. – 413 с.
6. *Тейяр де Шарден, П. Феномен Человека* / П. Тейяр де Шарден. – Москва : Политиздат, 1965.

7. Яблоков, А. Пробуждение от экологической спячки / А. Яблоков // Родина. – 1990. – № 4. – С. 65–70.
8. George, V. Wealth, Poverty and Starvation : UN International Perspective / V. George. – New York, 1988.
9. Goldman, M. The Spoils of Progress: Environmental Pollution in the Soviet Union / M. Goldman. – London, 1982. – 220 p.
10. Heillbronner, L. Business Civilization in Decline / L. Heillbronner. – London, 1976. – 260 p.
11. Hollander, P. Soviet and American Society: A Comparison / P. Hollander. – New York, 1973. – 610 p.
12. Ophals, W. Ecology and the politics of Sacristy / W. Ophals. – San Francisco : Freeman, 1977. – XI, 410 p.
13. Toffler, A. Previews and Premises / A. Toffler. – New York, 1983. – 309 p.

УДК 316.75

ТРАНСФОРМАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК: ОТ ИДЕОЛОГИЙ К НARRATIVAM

И.Г. Митченков*

В статье анализируются стратегии трансформации идеологических дискурсов, особенности восприятия социальной коммуникации и ценностно-нормативных форматов в постмодернистских проектах социальных онтологий.

Ключевые слова: идеология, нарратив, модерн, постмодерн, аномия

При исследовании феномена идеологии одной из главных проблем является трудность ее аутентичного описания. На протяжении более чем трехсотлетней истории попытки идентификации, конечно же, предпринимались. При этом относительное единодушие царило в обозначении антипода – обыденного мировоззрения, с его аморфными, неточными, спекулятивными, интуитивистскими рассуждениями. Но что касается идентификации идеологии, здесь наблюдалось гораздо меньше единодушия. Его становилось еще меньше по мере перехода от одного исторического воплощения идеологии к другому, сопровождавшегося трансформациями и даже распадом содержательного стержня. Подобный разнобой в содержании сердцевинного значения у многих вызывает сомнения в возможности идентификации идеологии как целостного феномена, спаянного едиными принципами. Мы же придерживаемся убеждения, что данная проблема разрешима не при акцентировании внимания на содержательных аспектах идеологий и выявлении их универсальных компонентов, а при исследовании архетипа идеологий. Речь идет о принципе идеологий, понимаемом одновременно как

* Д-р филос. наук, профессор НГАСУ (Сибстрин)

«начало» и как «парадигма». Разумеется, это начало не может быть определено аподиктически и однозначно.

Второе основание, заставляющее нас обратиться к идеологическому контексту социальных отношений, – это живейшее обсуждение в философских и научных сообществах судьбы трансцендентальных оснований социального бытия, их состоятельности или полного краха, инициированное постмодернистским проектом. Считается, что, поскольку сегодня трансценденタルный аспект рассеян, децентрирован и отнюдь не представляет собой единство смыслов, значений, то и идеологии выступают как некий фантом, который актуален лишь для потенциального универсума сознания. Постмодернизм как лик современной культуры вызывает заслуженную критику многих серьезных мыслителей за релятивизацию мышления, отказ от ценностей, деконструкцию смыслов. Тем не менее, возникает вопрос: если идеологии – это системы ценностных координат, то можно ли говорить об идеологиях как факторе влияния в культуре постмодерна, отвергающей ценности? Едва ли возможно охарактеризовать всю постмодернистскую традицию понимания социальной коммуникации, но обозначить основной итог этих изысканий можно и нужно, во всяком случае, как опыт, без которого невозможна современная социальная онтология.

Третий аспект, который требует детального осмысления, связан с оценкой либерализма. Либеральный проект, как известно, не удовлетворен тем стандартом социальности, который предлагается современными словарями морального, культурного и политического дискурса: либерализм обеспокоен прежде всего тем, как обеспечить для людей равные возможности, чтобы затем сами люди решали, какими из них воспользоваться, а какими пренебречь. Это не может не вызывать одобрения, но с другой стороны, современный либерализм прославляет такой стандарт социальной жизни, который приводит к тому, что у людей появляются симптомы «разбалансированности самости», выражаяющиеся в ощущении бессмыслицы существования и пустоты, в отсутствии отчетливых жизненных предпочтений и

приоритетов. Иначе: прокламируется состояние ценностного полиморфизма. Аксиологический полиморфизм вообще-то и есть специфика современности, которая диагностируется как аномичная. Термин «аномия» (от греч. *a* – «без» и *nomos* – «закон») был введен Э. Дюркгеймом в работе «Самоубийство» (1912); у Дюркгейма термин означал отсутствие, недостаточность или противоречивость норм, когда индивид не знает, как себя вести. В современной социологии аномия трактуется более широко, как такое состояние социальной структуры, когда роль общезначимых, интеграционных ценностей и ценностных ориентиров деятельности относительно слаба, а эффективность обще значимых норм морали, регулирующих персональную и трансперсональную жизнь, утрачена [1, с. 15]. И то, и другое порождает необходимость замены ценностного дискурса политическими технологиями, регулирующими социальные конкуренции по поводу достижения определенных целей. С этой точки зрения аномия позитивна, она есть профилактика социальных трений и конфликтов, которые неизбежно возникают, когда ценности определенных социальных групп позиционируются как приоритетные. Общества дрейфуют в сторону высококомплексности – совместного бытия бесчисленного количества автономных комплексных самореферентных групп, между которыми нет общности на уровне элементов. Однако не отрицается важность и необходимость различных форм консенсуса на локальных уровнях и в повседневных ситуациях. Политика в этом случае превращается всего лишь в технологию регулирования социальных конкуренций. И в этом не было бы проблемы, если бы данные тенденции не генерировали тотальный нигилизм.

Выделенные три, как нам кажется, фундаментальных момента для современной социальности: отсутствие трансцендентальных оснований социальных практик, аномия, либеральный нигилизм – являются звеньями одной цепи.

Наш центральный тезис состоит в том, что до некоторой степени терапевтически реагировать на данную ситуацию свойственно идеологиям.

В нашем понимании факт генерирования аномичного начала в общественных отношениях является косвенным свидетельством «спроса на идеологию». Дело в том, что аномия и ценностная дезинтеграция общества порождают проблему поиска эффективных оснований социальной коммуникации. Мы упоминали о том, что современные общества заполняют эту лакуну политическими технологиями, которые приносят краткосрочную выгоду и совершенно не эффективны в плане стратегического социального планирования. Поэтому вопрос об основаниях социальной коммуникации – интеграции/дезинтеграции – предельно важен. При этом, в отличие от ее объяснения на основе принуждения (вульгарный марксизм) или выгодных отношений взаимозависимости (ортодоксальные экономисты и социологи, приверженные теории утилитаристских подходов), мы придерживаемся функционалистских подходов [2, с. 36–43; 3, с. 48], которые первостепенное внимание уделяют ценностно-нормативной интеграции. Речь идет о механизме социальной интеграции не посредством общих ценностей, а посредством ценностной генерализации (идеология) и символически-интегрирующей функции ценностных норм. Подобный подход оправдан, поскольку влияние общих ценностных установок («генеральных идей») в современном обществе нивелировано, они слишком «размыты» и, вместе с тем, чрезмерно конкретны для сложного взаимозависимого и высокодифференцированного общества.

Именно идеологии призваны (и успешно справлялись с этим) реинтегрировать ценностный плюрализм в систему аксиологической иерархии. Если исходить из концепции А. Шиллса [4, с. 4–16], а с нашей точки зрения, она достаточно убедительна, то идеологии изначально конституировались как контрверзы аномии. Опираясь на политическую археологию, Шиллс доказывает, что идеологии есть способ трансцендирования ценностных стандартов с целью преодоления аномичности общества.

Он воспринимает идеологию как «аксиологические костили», которые потребовались политическому классу эпохи мон-

дерна (Новое время), когда, вследствие исторически сложившихся обстоятельств – снятию средневекового дуализма религии и политики, духовного и светского принуждения, – политика репаганизируется. Она превращается в экзистенционально незначащее управление распределением благ земной жизни. Признать в этом «политику» не могли бы ни античность, ни средневековье. Поскольку в обществе модерна политика уже не несет в себе ничего сакрального, ей требуется иное обоснование значимости своего порядка и притязаний на господство. Возникает вопрос о легитимации политики, вопрос о том, что именно в таких обстоятельствах является интегралом, порождающим общность убеждений, которая объединяет социум в нечто единое.

В политической теории и практике на этот вопрос был дан либеральный ответ: убеждение в безусловной ценности жизни, свободы и собственности. Общность политических убеждений основывается на мнении, что простое выживание и пользование земными благами важнее высших ценностей человеческой экзистенции.

Здесь возникают проблемы социальной значимости либеральных ценностей. Не вдаваясь в подробности обсуждения, отметим лишь, что консенсус относительно *Liberté* может быть исключительно формальным, так как свобода сама есть формальная ценность. Свобода не обеспечивает никакой ориентации – наоборот, она освобождает от всех предзаданных ориентиров. Она лишь суживает круг всего того, что является общественно обязующим. Превращая свободу в свою базовую ценность, общество должно обеспечить ей абсолютную значимость, хотя речь идет всего лишь об инструментальной ценности, обеспечивающей возможность автономного стремления к другим, более высоким ценностям. Это, впрочем, и делает свободу фундаментальной ценностью общества модерна, так как последнее стремится избежать вооруженного противоборства различных притязаний на абсолютную значимость.

Последствиями конституирования свободы в качестве базовой ценности существующего деидеологизированного полити-

ческого порядка становится мировоззренческий плюрализм, который есть структурное выражение политической аномии в масштабе всего общества. Она означает, что по ту сторону консенсуса относительно значимости принципа свободы общественно обязующие нормы и политические ценности-цели мыслимы уже только как результат решения, принимаемого на основе свободного согласия. Как результат – аксиологическая открытость/плюральность общества. Представляется весьма сомнительным, идет ли вообще речь о значимости чего-либо в собственном смысле.

То, что свобода и аномия есть фундамент политического порядка, – это ясно просматривается в политической теории со времен Макиавелли и Гоббса (теории естественного состояния). Становится мыслимой аномичная политика – политика просто как социальная техника достижения всеобщего консенсуса. В результате обществу приходится мириться с тем, что притязание на абсолютную значимость в плюралистической системе, идущей по пути толерантности, должно на практике становиться относительным; *то есть теоретическую общебязательность нужно приводить в согласие с отказом от практического ее утверждения*. Абсолютные ценности не могут больше рассматриваться как руководство для функционирования социума, поскольку не расставляют ориентиров (акцентов) – что в данный момент важнее для общества. Вне зависимости от условий *нельзя утверждать*, что собственность есть большая ценность, чем гигиена, а свобода – большая, чем согласие. Обществу приходится мириться с относительной незначимостью политики (как всего-навсего управления потоками материальных благ, как повседневной рутины), а также искренне разделять базовый консенсус относительно свободы.

Возникает питательная среда для идеологии – это сообщество, в которых политический порядок в принципе имеет свою опору не в трансцендентальной сфере абсолютных значимостей, а единственно в согласии всех индивидов по поводу распределения

ления власти и, посредством нее, материальных благ. Это не Holy Commonwealth, как саркастически замечает Шиллс.

Идеологии возникают как терапия подобного состояния социального бытия. Они задают ценностные стандарты, обеспечивающие легитимность политическому классу: право на власть постольку оправдано, поскольку политический класс использует власть для достижения прокламируемых идеологией ценностей. Таким образом, идеологиями посредством механизма редукции (более подробно о идеологической редукции см. [5, с. 65–99]) предпринимается реинтеграция плюрализма в новую разновидность аксиологически ранжированного общества, и они могут браться за это в силу своей претензии на тотальную значимость. Их догматика теснит аномию, в результате преодолевается незначимость политики. Идеологии способны на это, так как указывают с абсолютной обязательностью политическую цель, и таким образом в борьбе за легитимизацию селективных ценностей (прогресс человечества, мировое господство расы господ, очеловечение человека в коммунистическом обществе, восстановление великодержавности и т.д.) политика вновь становится судьбой (Наполеон). Селективные ценности по своему значению и масштабу превосходят любые индивидуальные или групповые специфические ценности, интересы и проекты и даже враждебно противостоят им. Они претендуют на тотальную значимость для социального мира, и продуцируют иерархию ценностей, что равнозначно ликвидации аномии.

Коротко говоря, идеологии нацелены на то, чтобы путем достижения своего собственного господства восстановить *societas perfecta*. В функциональном отношении они представляют собой гражданскую религию, так как должны заполнить вакуум, образовавшийся с отходом из сферы легитимации власти «императивных» ценностных форматов. Тем самым на них возлагается задача предпринять попытку вновь снискать для политики точку отсчета.

Аномия общества модерна была преодолена (точнее сказать, изжита) классическим идеологическим дискурсом. Но вся

вторая половина XX в. – постмодерн – прошла под знаком «кризиса идеологий», и сегодня уже никто не сомневается в том, что классические идеологии «лежат в руинах», а ситуация аномии вновь дает о себе знать. Устарела ли при этом логика идеологий, эксплицированная Шиллсом? И да, и нет. Основная задача идеологий осталась прежней – трансцендировать социальную практику, придать ей сакральный смысл. Но способы решения этой задачи, если еще и не трансформировались окончательно, то претерпевают динамичные изменения, а это влечет и изменение самого существа идеологического дискурса. Современные идеологии дрейфуют в сторону политических и моральных нарративов. Генерирование трансцендентальных оснований социального бытия уступает место работе по производству социального воображаемого – нарратива. Смысл «нарративного поворота», по мнению Ф. Анкерсмита, одного из ведущих теоретиков исторического нарратива, состоит в том, чтобы исследования в области социальных, политических, психологических и культурных проблем формулировать как языковые, поскольку язык составляет принципиальное условие знания и мышления [6, с. 155–160, 193–197].

Этому способствовал довольно радикальный пересмотр парадигм в дискурсивном анализе и литературной теории, герменевтике и критике идеологии, складывание и расцвет феминизма и постструктурализма. Ценностно фундированные политические дискурсы, как основные продукты социальной и политической философии модерна, в середине прошлого века уступили место риторике с ее тропами, концептами и формами убеждения.

Все началось с проявления интереса к языковым и риторическим аспектам функционирования научного знания. Учитывая антитрансцендентальные тенденции и реакцию, представлялось особенно продуктивным выяснить, с помощью каких риторических приемов и повествовательных схем научному сообществу удавалось придать результатам своего труда вид вневременных и универсальных истин. Отныне саморефлексивность и интерпретативные аспекты знания, которые находят свое выражение

во властных отношениях и специфической герменевтике, свойственных научному дискурсу, вышли на передний план [7–9]. В какой-то мере конвенциональная практика научного сообщества способствовала тому, что философы всерьез задумались об оправдании социального порядка средствами, исключающими ссылки на трансцендентность. Вместе с критикой эссециализма, историцистскими, конструктивистскими подходами они и подготовили почву для нарративного поворота.

Кроме того, стали учитывать то, какой неотъемлемой частью человечества является чувствительность к вымыслам и к их созданию. Нарратив же – есть главная форма, посредством которой вымыслы живут в культуре. С помощью нарраций мы приаем опыту форму и смысл, упорядочиваем его, выделяя начало, середину, финал и фабулу. Человеческая способность рассказывать истории есть главный способ, каким людям удается упорядочить и осмыслить окружающий мир. Вместе с тем повсеместность нарративов как социального механизма, повсеместность, парадоксально сочетающаяся с их «местностью», т.е. с локальными и исторически конкретными путями их восприятия, их социальная инструментальность, их прагматический потенциал, их авторитет привлекают людей, стоящих на самых разных идеологических позициях. К тому же, в отличие от идеологических доктрин, нарративы объединяют, не разъединяя: они принципиально не предполагают систему координат «свой–чужой», «друг–враг», «единомышленник–оппонент».

Перформативное измерение нарративов открыло возможность их идеологического использования в общекультурном пространстве – для формирования и продвижения вполне определенных образов человека, культуры, языка, истории. Не углубляясь в подробности, отметим лишь, что постмодернистская критика философии модернити (породившей феномен идеологии) стала причиной отказа от оценки идеологических и религиозных доктрин с точки зрения их истинности [10]. На первый план выходит такое неоценимое качество этих учений, как способность создавать аутентичные стили жизни и универсальные

картины происходящего, задавать основания самопостижения личности и принципы мобилизации общества на реализацию фундаментальных проектов. Однако становится очевидным и другое: время таких метаповествований подходит к концу; становится очевидной невозможность *одной* лишь версии происходящего и прошедшего. Заслуга постмодернистских мыслителей состоит в акцентировании того обстоятельства, что современный мир есть мир переплетения многих историй, мир, в котором мы вынуждены признать позитивную ценность и тех историй, в которых сами не принимаем участия. Сторонники постмодернизма стремятся к тому, чтобы повествованиям, реализующим другое, немодерное видение происходящего, – глазами женщин, расовых или сексуальных меньшинств, «других» культур, «эмпирических» индивидов – также нашлось место.

Таким образом, сегодня идеологии имеют тенденцию трансформироваться в нарративы с заданным сюжетом, но не с жесткой схемой повествования. Они могут рассказываться по-разному разными социальными группами населения и социальными слоями. (Отдельная тема – аномичное начало современной социальности. Мы связываем этот феномен с отсутствием единого нарративного сюжета (т.е. плуральностью смыслов), что и порождает аномию. Вера в трансцендентные идеи разрушена, а единый нарративный сюжет не создан.)

Осознание того, что идеология представляет собой «языковую игру», – не повод для социально-нигилистических выводов; идеология вполне может быть жизнеспособной и процветающей, если (без доктринерских претензий) будет не эксплицировать чьи-то латентные интересы, а работать просто как «жанр литературы» или «литературной критики» – не скованного жесткими социологическими канонами повествования. То есть будет не «теорией», «доктриной», а «нарративом». В этом случае вместо логики борьбы и конкуренции будет «заинтересованный разговор», а вместо теоретического согласия по поводу того, что считать социальным согласием, – солидарность несоизмеримых и нередуцируемых верований.

Споры о проблеме идеологического обоснования социального общежития и предложенные версии объяснения этого феномена являются, с нашей точки зрения, не обычными проявлениями меняющейся философской моды, а симптомами глубоких фундаментальных сдвигов в мировоззренческой системе современной эпохи. Мы живем в переходный период, когда на смену одной определяющей модели человека и человечества приходит другая, принципиально новая. Смена функциональных метафизических взглядов охватывает не только понимание сознания и человека, но и понимание науки, культуры, общественных регулятивов, социальных институтов. Причем смена метафизических моделей происходит объективно, подчиняясь цивилизационным императивам. Процесс этот отнюдь не безболезненный. Философия (к сожалению, только западная) отреагировала на него пролиферацией идей. Сейчас на философском рынке фигурируют не одна-две Grand теории, как раньше, а множество. Идет игра или конкуренция, проигрываются различные версии. В ней отсеиваются неперспективные и выживают более правдоподобные теории, т.е. обладающие большей объяснительной силой, предложившие более современный концептуальный инструментарий, способные подсказывать выход из концептуальных ловушек, в которые попадают социальные практики. И в этом интеллектуальном проигрывании различных версий состоит, наверное, один из важнейших практических смыслов философии вообще и социальной философии в частности.

Список литературы

1. Comparative Anomie Research: Hidden Barries – Hidden Potential for Social Development / eds. P. Atteslander, B. Granshow, J. Western // Swiss Academy for Development. – Aldershot (USA) : Ashgate, 1999. – 260 р.
2. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
3. Феофанов, К. А. Николас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискус-

- сии / К. А. Феофанов // Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 48–59.
4. *Shealls, A. Ideology. The General Ideas of Evolution* / A. Shealls. – New York : Free Press, 1968. – 330 p.
 5. *Митченков, И. Г. Идеология в контексте экосоциальных отношений* / И. Г. Митченков. – Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2002. – 186 с.
 6. *Ankersmit, F. R. Kantian Narrativism and Beyond* / F. R. Ankersmit // *The Point of Theory : Practices of Cultural Analysis* / eds. M. Bal, I. E. Boer. – New York : Continuum, 1994. – 330 p.
 7. *Гилберт, Дж. Открывая ящик Пандоры* / Дж. Гилберт, М. Малкей. – Москва, 1987. – С. 148–182.
 8. *Cantor, G. The Rhetoric of Experiment* / G. Cantor // *The Uses of Experiment: Studies in the Natural Sciences* / eds. D. Gooding, S. Schafler, D. T. Pinch. – New York : Cambridge University Press, 1989. – P. 159–180.
 9. *Literature and Science: Theory & Practice* / ed. S. Peterfreund. – Boston : Northeastern University Press, 1990. – 166 p.
 10. *Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение XIX века* / Х. Уайт. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2001. – 108 с.

ПРОСТРАНСТВО СОЦИУМА «АДАПТИВНОГО ГОРОДА»

А.Г. Осипов*

Рассматриваются процессы изменения социального пространства в современных условиях урбанизации и «адаптивного города». Анализируются основные тенденции в этой сфере и последствия.

Ключевые слова: пространство социума, «адаптивный город», прекариат, урбанизация

Один из парадоксов общественной науки заключается в том, что она, развиваясь в ультрасовременных городах, обходит новые социальные проблемы, нарастающие в них, в частности, в социумах так называемых адаптивных городов (используется и термин «города развития»). Безусловно, крупнейшие города – системы весьма инерционные. Тем не менее, в последнее время жизнь в них меняется намного быстрее, чем раньше. Причем скорость изменений все нарастает. Инновации: экодома (так называемые пассивные дома), автомобили, управляемые компьютером без водителей, или кооперативы по совместному владению автомашинами – уже в следующем десятилетии кардинально повлияют на привычный образ жизни и на пространство городского социума. В последнее время специалисты все чаще используют термин «адаптивный город» – это город, анализирующий происходящие в нем процессы и приспособляющийся к ним. Один из главных инструментов адаптации – цифровые технологии [1]. Стремительно меняется и социальный облик таких поселений.

Многие крупные города Европы, США, России сегодня совершенно иные, чем 20–30 лет назад. Например, раньше суточная мобильность населения сводилась в основном к трудовым поездкам: утром – на работу, вечером – домой. В настоящее

* Д-р ист. наук, профессор СГУГиТ

время резко нарастает хаотическое движение людей по городу. Многие имеют свободный график, работают из дома. Около 30 % жителей европейских городов считают себя cash rich и time rich. Иными словами, эти люди полагают, что у них достаточно времени и денег, поэтому не стоит предпочитать увеличение зарплаты на четверть свободному рабочему дню. Французские социологи, изучающие поведение клиентов на рынке недвижимости, утверждают: лишь 12 % времени современных французов связано с работой. Это кардинально меняет ситуацию. Нарастает неопределенность, практически реализуется концепция так называемого lean planning, то есть сопровождающего планирования. Такое планирование идет вместе с городскими изменениями, реагирует на них.

В «адаптивных» городах резко возрастают социальная мобильность. Быстро меняется социальная структура городского сообщества, исчезают одни классы и социальные группы, появляются другие, а иногда возрождаются прежние социальные слои и страты. Складывается класс, претендующий на роль ведущего. Это социальные слои и группы, в которых накапливается капитал для качественного прорыва в постиндустриальную реальность. К ним следует отнести администраторов, предпринимателей и специалистов высокотехнологичных отраслей производства и услуг, сферы инжиниринга и консалтинга. К ним примыкает часть слоев научной и научно-технической интелигенции, учителя, врачи, которые обеспечивают наращивание человеческого капитала.

В этой связи представления о городском сообществе, базировавшиеся на классовом подходе, претерпели существенные изменения. На рубеже XIX–XX вв. казалось, что социальная структура стран капитализма постепенно стремится к максимальному упрощению: с одной стороны – буржуа, с другой – пролетариат. А между ними промежуточные слои: мелкая буржуазия, остатки крестьянства, бюрократия и обладатели свободных профессий. Рабочий класс становился подавляющим большинством. Казалось, сбывается предсказание Энгельса, что, ко-

гда это произойдет, пролетариат придет к власти через механизм демократических выборов. Во многих странах Европы рабочие партии побеждали на выборах, а в некоторых социалисты закреплялись у власти на многие десятилетия. Под их влиянием эти государства стремились максимизировать занятость населения и вели активную социальную политику. Более того, многие государства, например, Германия и Франция, провозгласили себя социальными – признали свои обязательства перед гражданами по защите их от безработицы, поддержке в случае болезней и по достижении старости. Все эти социальные обязательства базировались на экономических достижениях капитализма и экономической политике кейнсианского типа, которую проводили и правые, и левые партии [2].

Однако социально-экономические проблемы, особенно в крупных городах, возникшие на рубеже 1970-х – 1980-х годов, подтолкнули правящие верхи Запада к ревизии экономических и социальных подходов. Тем более что явное падение привлекательности социализма из-за начавшегося отставания советского блока в соревновании даже с находящимся в кризисе капитализмом ослабляло левое движение, в том числе социал-демократию. Среди западных политиков правого центра одержала верх неолиберальная доктрина, идеологическую жесткость которой можно соотнести с жесткостью ортодоксального марксизма-ленинизма. Сыграли свою роль социально-экономические реалии, неолибералы брали верх на выборах. Проявил себя и эгоизм разбухшего среднего класса, в том числе из числа рабочих, который неолибералы соблазнили посулами снизить налоги (якобы чтобы не кормить бездельников), возможностями приватизации жилья и участия в приватизации госсобственности. Все, включая социалистов, пожелали стать собственниками. И эта утопия оказалась столь же несостоятельной, как и коммунистическая. Однако под воздействием этих процессов поменялись не только формы общественных отношений, но и общественная мораль, гуманизм стал выходить из моды. Целые слои городского социума втягиваются в нестабильное существование, когда человек начинает жить сиюминутным, теряет четкую самоиден-

тификацию по профессиональному признаку или ощущение, что при его работе и образе жизни он может добиться лучшей доли.

Неолиберализм неразрывно связан с глобализацией: приверженность открытой рыночной экономике (проповеданной неолибералами) положила начало конкурентному давлению на промышленно развитые страны со стороны новых индустриальных стран и Китая (Китая и Индии) с огромными ресурсами дешевой рабочей силы. В ходе этих процессов экономика оказалась буквально «вырвана» из общества, т.е. фактически вышла из-под влияния традиционных механизмов демократического общественного контроля, которыми так гордились развитые страны. Особо сильное влияние этих факторов ощущается в глобальных городах.

Одной из черт неолиберальной политики стало изменение отношения государства к рынку труда. Утвердилась установка на то, что следует повысить гибкость рынка труда, а следовательно, переложить бремя рисков (снижения доходов, безработицы, утраты здоровья) на плечи работающих и их семей, делая их еще более уязвимыми [3], в частности, перед присущими капитализму кризисами, перед безработицей, возможной неработоспособностью, старостью.

С точки зрения английского исследователя Г. Стэндинга, именно это способствовало возникновению нового городского класса – прекариата, которому присущи три характерные особенности. Во-первых, отсутствие гарантий занятости. Во-вторых, отсутствие гарантий пенсий, пособий по безработице, медицинской страховки. В-третьих, сужение, а часто отсутствие гражданских, политических и экономических прав. Все это происходило и происходит под предлогом повышения конкурентоспособности и экономической эффективности в условиях глобализации, когда в борьбу за рабочие места с трудящимися развитых стран вступили работники стран третьего мира.

Как нередко бывало в мировой истории, явление прекариата, в нынешнее время ставшее массовым, уходит своими корнями в довольно далекую историю. Многие герои Достоевского, все эти «униженные и оскорбленные» – это прекариат в его за-

родышевом состоянии. На начальном этапе своего развития и вплоть до XX в. капитализм затягивал пропрекариат в ряды пролетариата, но этот процесс завершился и начался обратный – вытеснение пролетариата в прекариат.

Таким образом, усложнение техноструктур городов и превращение их в так называемые «адаптивные города» сопровождается радикальными изменениями социальной структуры населения полисов. Причем процесс этот глобален и охватывает все категории городов – от мегаполисов до малых поселений. Острой проблемой урбанизации становится вопрос качественного и правильного распределения социального пространства и рационального распределения общественной территории.

Список литературы

1. Щукин, А. Города, адаптирующиеся к реальности / А. Щукин // Русское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riata.ru/nauka/item/6501-goroda-adaptiruyushchiesya-k-realnosti.html> (дата обращения: 27.02.2016).
2. Механик, А. Униженные и оскорбленные современного мира / А. Механик // Эксперт Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/01/unizhennyyie-i-oskorblennyyie-sovremennoogo-mira/> (дата обращения: 01.03.2016).
3. Стендинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стендинг. – Москва : Ад Маргинем, 2014. – 328 с.

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА НОВОНИКОЛАЕВСКА: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (1890-е – 1917 годы)

Л.К. Островский*

Объектом нашего исследования является польское население Новониколаевска в конце XIX – начале XX в. Рассматривается процесс формирования польской диаспоры, ее численность и состав, роль поляков в хозяйственной жизни Новониколаевска. Показано участие представителей польской диаспоры в работе органов местного самоуправления. Подчеркивается особая роль предпринимателей в жизни польской диаспоры города. Обращено внимание на особую роль поляков в развитии в городе новых для Сибири начала XX в. видов производства и торговли. На примере польской диаспоры г. Новониколаевска автор делает попытку показать особенности деятельности польских общественных организаций и роль католической церкви в консолидации польской общины, сохранении языка и национальных традиций.

Ключевые слова: польское население, Новониколаевск, конец XIX – начало XX в.

Актуальность данной работы продиктована важностью российско-польских отношений XIX – начала XX в. в истории двух стран. В последнее время возрос научный интерес к такому явлению, как диаспора, в котором этничность является одной из главных составляющих. Роль диаспор в жизни современного общества резко возросла, поэтому в последние годы ученые большое внимание уделяют изучению данного явления. Этнические миграции в настоящее время оказывают большое влияние на развитие практически всех стран. В связи с этим насущной является задача координации исследований представителей разных научных дисциплин и изучение исторического опыта миграционного поведения разных народов. На примере поляков Западной Сибири можно изучить практически все виды миграций, как добровольных, так и принудительных. Без изучения

* Д-р ист. наук, доцент НГАСУ (Сибстрин)

российско-польских отношений XIX – начала XX в. невозможно воссоздать целостную и достоверную картину прошлого как России, так и Польши. Чтобы восстановить целостное представление о прошлом наших народов, необходимо углубленное изучение истории пребывания поляков на территории России, в том числе и в Сибири.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в отечественной историографии предпринята попытка исследования польской диаспоры Новониколаевска в конце XIX – начале XX в. Научная значимость исследования определяется всесторонним анализом истории польского национального меньшинства, которое выступало в качестве одного из субъектов межэтнического взаимодействия в многонациональном российском обществе.

Целью исследования является конкретно-историческая характеристика польской диаспоры Новониколаевска на рубеже XIX–XX вв. Достижение этой цели подразумевает решение следующих задач: определить причины миграции поляков в Западную Сибирь; подчеркнуть специфику формирования, установить численность и состав польской диаспоры Новониколаевска; изучить особенности культуры польской диаспоры города.

В 1890-е годы началась активная добровольная миграция польского населения в Сибирь. Таким образом, наряду со ссылочными из Польши в Сибирь в большом количестве прибывали добровольные переселенцы: служащие, офицеры русской армии, купцы, ремесленники, рабочие и крестьяне. Важно отметить, что с Сибирью поляки связывали не только надежды улучшить свое материальное положение, сделать карьеру, но и избежать крайностей в этнической политике государства, с которыми они сталкивались в западных регионах страны [1, с. 16].

Радикальная перемена в отношении поляков к Сибири наступила в связи со строительством с 1891 г. Транссибирской магистрали. На строительстве работали инженеры, техники и рабочие польской национальности, а после вступления дороги в строй в Сибирь стали прибывать польские железнодорожники. Со строительством Транссибирской железнодорожной магист-

рали вплоть до начала Первой мировой войны поляки-инженеры и рабочие, чиновники и служащие, юристы, учителя и врачи, а также представители других профессий поселялись в городах и поселках вдоль железной дороги [2, с. 21].

Летом 1893 г. от Челябинска начались работы по строительству железной дороги, а с началом строительства моста через Обь возник поселок строителей. Численность населения поселка, а затем города Новониколаевска быстро росла. Так, в 1907 г. в городе числилось 47 тыс. жителей, в 1912 г. его население увеличилось до 60 тыс. [3]. Растет и численность польского населения города. В начале XX в. в городах Томской губернии католики занимали третье место после православных и иудеев, больше всего католиков проживало в Томске, Новониколаевске, Мариинске, Каинске и Барнауле. В Новониколаевске численность поляков, эстонцев, латышей и литовцев в период с 1908 по 1914 гг. колебалось на уровне двух-трех тысяч. Наименьший показатель приходится на 1908 г. – 1763 человека, что составляло 3,8 % населения города, наибольший показатель приходится на 1914 г. – 3562, что составляло 4,7 % [4, с. 30].

К началу Первой мировой войны численность польского населения Новониколаевска значительно возросла. В 1914 г. среди городов Западной Сибири Новониколаевск по численности проживавших в нем католиков (2935 человек) находился на втором месте после Томска (4056) [5, с. 90–91].

Поляки, сосланные или добровольно приехавшие в Сибирь, работали здесь в качестве чиновников. Представители польской интеллигенции были лишены возможности занимать должности в административном управлении Царства Польского. Вытеснение поляков с государственной службы способствовало их притоку в свободные профессии, преимущественно те, что были связаны с политическими и экономическими преобразованиями эпохи великих реформ.

Поляки в значительной степени были представлены среди чиновников, которые работали в структурах Государственного банка России, в органах государственного контроля. В 1865 г. открылось отделение Госбанка в Томске. Значительно интен-

сивнее банковская сеть стала развиваться в Сибири после пуска Сибирской железной дороги. Представители польской диаспоры работали в структурах крупнейших частных банков. В 1907 г. в конторе Сибирского торгового банка в Новониколаевске в качестве бухгалтера работал Эдмунд Студзинский [6, с. 65]. В 1910 г. помощником податного инспектора в Томском уезде являлся Леон Дзвонковский. В 1911 г. Дзвонковский был перемещен на должность помощника податного инспектора 2-го участка в Новониколаевске [7, с. 89].

В начале XX в. представители польской диаспоры активно работали в местных выборных органах власти. В состав гласных первой городской Думы Новониколаевска в 1909–1913 гг. входили мещане братья Павел и Виктор Понганские. В 1909–1912 гг. Виктор Понганский состоял в городской Думе в должности аукциониста [8, с. 203]. В 1913–1917 гг. гласным городской Думы являлся Мартин Ипполитович Бржеский. Бржеский был одним из активных деятелей местной католической общины. Так, он исполнял обязанности председателя комитета по постройке в Новониколаевске костела [8, с. 53].

В формировании польской диаспоры Новониколаевска большую роль сыграл предпринимательский класс. По словам В.Н. Шайдурова, «польская община достаточно прочно обосновалась в некоторых сферах, которые стали для нее со временем основной "экономической нишой"» [9, с. 89].

В Новониколаевске в 1913 г. владельцем писчебумажной лавки являлась крестьянка Гродненской губернии Евдокия Ивановна Булынко [10, л. 9]. С 1 января 1910 по 1 января 1913 г. подряд на содержание «анатомического покоя и погребение трупов» в Новониколаевске имел владелец похоронного бюро Генрих Юлианович Булынко [11, л. 13].

Булынко принимал участие в жизни польской диаспоры города. В июле 1916 г. Булынко, владевший типографией, книжным магазином и складом бумаги в Новониколаевске, организовал еженедельник «*Głos Syberii*» [12, с. 94]. Газета выходила на польском языке с 8 июля 1916 г. по воскресеньям и продавалась в киосках Новониколаевска. Цель, которую преследовала редак-

ция еженедельника, – организационно сплотить польскую общественность в Сибири. Редакция провозглашала свою беспартийность и тесную связь с костелом. Еженедельник выражал интересы мелких торговцев и ремесленников. Что касается ситуации в Польше, то издание выступало за ее независимость. Цenzура в Сибири не носила такого жесткого характера как в центре России, и журнал мог сообщать о политической ситуации в Царстве Польском и о проблеме независимости Польши [12, с. 95].

В Сибири поляки проявили себя практически во всех сферах предпринимательства. М.В. Шиловский обратил внимание на высокую долю польских предпринимателей, которые занимались новыми для Сибири начала XX в. видами производства и торговли (продажа лекарств, производство колбасы, кондитерских изделий, фотодело, гостиничный бизнес, слесарно-механическое производство) [13, с. 84].

В Новониколаевске в 1907 г. насчитывалось три колбасных мастерских, владельцем одной из них являлся Станислав Рохович Соколовский. Предприятие Соколовского было оснащено паровым двигателем. В 1908 г. сумма производства составила 18 тыс. руб., а число занятых – 10 человек [14, с. 345].

Важнейшей проблемой для польской колонии в Сибири было сохранение своего языка, традиций и обычаев. Большую роль в сохранении польских национальных традиций в Сибири играла католическая церковь. В тяжелых условиях жизни на чужбине костел являлся центром объединения поляков-переселенцев. Его строительство в том или ином населенном пункте свидетельствовало о формировании там польской колонии. Католическая община представляла универсальную структуру, позволяющую охватить все сферы жизни.

В Новониколаевске молитвенный дом католической общины был построен по инициативе Томского настоятеля Демикиса в 1902 г. С 1905 по 1911 гг. католическую общину Новониколаевска возглавил Александр Билякевич [15, с. 39]. Католическая церковь стала центром объединения для местного польского общества. До 1918 г. в помещении костела проходили собрания

Польского общества помощи жертвам войны, ПВК и Польского клуба [16, с. 17].

Поляки принимали активное участие в работе общественных организаций, которые в большом количестве стали возникать в городах Сибири в начале XX в. В годы Первой мировой войны в Сибири появились беженцы и военнопленные. 20 ноября 1915 г. при костеле г. Новониколаевска состоялось открытие Новониколаевского отдела Петроградского польского общества вспомоществования жертвам войны. В 1916 г. в Новониколаевске было организовано польское благотворительное общество «Огниво», которое ставило перед собой задачу оказать материальную и нравственную помощь всем нуждающимся римско-католического вероисповедания. Оказывалось содействие в поиске работы, престарелые устраивались в богадельни, малолетние – в сиротские дома, распространялась литература общеобразовательного и нравственного содержания, были собраны средства для покупки фисгармонии польскому училищу [17, с. 89]. К 1917 г. в Новониколаевске работало несколько польских организаций, которые занимались благотворительностью: Общество вспомоществования жертвам войны, Католическое благотворительное общество, Союз военнослужащих поляков и Польско-литовский союз. Их работу координировал созданный из представителей этих обществ Совет соединенных польских организаций [18, с. 5].

В заключение отметим, что численность польского населения поселка, а затем города Новониколаевска постоянно возрастала. В конце XIX – начале XX в. и вплоть до Первой мировой войны Сибирь оставалась местом ссылки, но среди поляков, переселявшихся в этот период в Сибирь, уже преобладали те, кто прибыл сюда добровольно. Необходимо обратить внимание на преимущественно «городской» характер польского национального меньшинства в Сибири, т.к. доля поляков, проживавших в городах, в несколько раз превышала среднесибирский показатель. В Сибири центрами концентрации польского населения являлись губернские города и населенные пункты вдоль Сибирской железной дороги, среди которых был и г. Новониколаевск.

Поляки работали в качестве инженеров и техников в различных службах Сибирской железной дороги, в качестве чиновников в учреждениях государственной власти, находились в Сибири на военной службе. Особую роль в формировании польской диаспоры Новониколаевска сыграли предприниматели. Сохранение польских национальных традиций в Сибири стало возможно благодаря католической церкви.

Список литературы

1. Кальмина, Л. В. «Польский вопрос» в сибирской этнической политике самодержавия (середина XIX – начало XX в.) / Л. В. Кальмина // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературные аспекты : материалы Междунар. науч. конф. «Польша в истории и культуре народов Сибири», посвященной 150-летию со дня рождения Э.К. Пекарского и В.Л. Серошевского (г. Якутск, 5 нояб. 2008 г.). – Якутск, 2009. – С. 10–20.
2. Недзюк, Т. Г. Римско-католическая церковь в полигетническом пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. / Т. Г. Недзюк. – Новосибирск : Прометей, 2009. – 218 с.
3. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. Д-38. – Оп. 1. – Д. 144.
4. Весь Новониколаевск : адресно-справочная книга на 1924 – 1925 год. С краткой историей и планом города. – Новониколаевск, 1925. – 178, XIX с.
5. Ханевич, В. А. Католики в Кузбассе (XVII – XX вв.) : очерк истории, материалы и документы / В. А. Ханевич. – Кемерово, 2009. – 348 с.
6. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1907 год. – Томск : Изд. М.П. Кедролованского, 1907. – 226 с.
7. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. – Томск : Тип. Губ. управления, 1915. – 212 с.

8. *10 лет на службе городу* : Новониколаевская городская дума в документах и материалах. 1909–1919. – Новосибирск : Центр архив. технологий, 2008. – 567 с.
9. *Шайдуров, В. Н. К вопросу о формировании польской общины в Западной Сибири: вторая половина XIX – начало XX века / В. Н. Шайдуров // Славяноведение. – 2013. – № 5. – С. 86–92.*
10. *Государственный архив Новосибирской области. – Ф. Р-1. – Оп. 3. – Д. 125.*
11. *Государственный архив Новосибирской области. – Ф. Д-97. – Оп. 1. – Д. 162.*
12. *Ślisz, A. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915 – 1919) / A. Ślisz. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1968. – 565 s.*
13. *Шиловский, М. В. Сибирские поляки-предприниматели до 1917 г. / М. В. Шиловский // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее : материалы Междунар. науч. конф. – Томск, 1999. – С. 82–84.*
14. *Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915. – Петроград, б. г. – XIII, 94, 546, 249 с.*
15. *Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. – Томск : Изд. Губернск. стат. комитета, 1911. – 283 с.*
16. *Недзелюк, Т. Г. Историю Новосибирского католического прихода нам пришлось восстанавливать буквально по крупицам / Т. Г. Недзелюк // Сибирская католическая газета. – 2009. – Июнь–июль. – С. 14–18.*
17. *Нам, И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И. В. Нам. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 500 с., 6 вкл.*
18. *Майничева, А. Ю. Благотворительная деятельность польских организаций в Новониколаевске (1907–1917 гг.) / А. Ю. Майничева // Сибирская полония. – 2002. – № 1 (40). – С. 5.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА АНГЛОСАКСОНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Е.Ю. Плешивцева*

Геополитические, социокультурные и экономические изменения, имеющие место в современном мире, вовлекают фактически все без исключения страны в глобальную трансформацию существующего миропорядка. Напряженность геополитической ситуации вызывает к жизни и соответствующие формы решения возникающих проблем: политика становится жесткой, как военные действия, а война в форме локальных конфликтов становится нормой. Все чаще, а точнее сказать, уже и повсеместно, звучит выражение «двойные стандарты» как некая определяющая характеристика политики некоторых государств. Какие фундаментальные социальные, культурные и философские основания формируют тот контекст, который вызывает к жизни проведение принципов двойной морали? Почему этот феномен привлек к себе столь пристальное внимание именно сейчас? Не является ли проблема «двойных стандартов» надуманной, будучи не более чем обычным стандартом в осуществлении политики? Все эти вопросы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: двойные стандарты, несимметричные действия, англо-саксонский менталитет, этика утилитаризма, теория справедливости

У англичан есть афоризм: если правила игры не позволяют выигрывать, джентльмены меняют правила.
Г.Дж. Ласки

Все чаще, а в последнее время, в связи с событиями на Украине, в Сирии, в некоторых других регионах, практически во всех сферах социальной жизни – в политике, экономике, информационном пространстве – приковывает к себе пристальное внимание феномен «двойных стандартов». О проявлении политики «двойных стандартов», или, как их еще называют, «двойных кодов», «двойной морали» говорят и пишут все, кто хоть в

* Канд. филос. наук, доцент НГАСУ (Сибстрин)

какой-то мере делает попытку осветить существующее в современном мире положение вещей, особенно если это касается политики. Насколько оправдано такое массированное употребление данного термина, какая реальность открывается за данным феноменом и необходим ли для осознания механизма принципа действия «двойной морали» глубокий философский анализ? Для ответа на эти вопросы необходимо дать определение самого термина. Таких определений существует достаточно много. Приведем те из них, которые, как представляется, наиболее полно раскрывают сущность самого феномена. «Двойной стандарт – официально отрицаемый, но практикующийся и молчаливо признаваемый нормой дискриминационный подход к оценке поведения, прав и обязанностей представителей разных категорий населения, разных стран, рас и т.п.» [1]. «Двойной стандарт – это осознанная или неосознанная вариативность оценок, в силу которой одно и то же явление либо аналогичные явления или события могут оцениваться принципиально по-разному, а также действия в соответствии с этой оценкой» [2, с. 12]. Это «моральный код или стандарт... не применяемый в равной степени ко всем людям» [3]. Оксфордский словарь английского языка трактует двойные стандарты как «правило, принцип, суждение и т.п. с точки зрения более строгого применения в отношении одной группы людей, обстоятельств и т.п., чем к другой» [4, с. 112].

В последнее время, особенно в связи с политикой санкций, проводимой США и их сателлитами в отношении России, а также Россией в качестве ответных мер, возникло и уже широко применяется и в политике, и в СМИ такое выражение, как «несимметричный ответ» / «несимметричное действие», что фактически фиксирует еще один подход к осмыслиению феномена двойных стандартов (ДС). Российская исследовательница А.С. Тимощук определяет двойной стандарт как **«несимметричное поведение в аналогичных ситуациях»**, которое имеет онтологическое укоренение в принципиальной множественности и неоднородности мира вообще [5, с. 221]. Насколько привередна такая попытка онтологизации социально-политических

и социокультурных явлений, вопрос, на наш взгляд, открытый, как и то, насколько возможно оправдание феномена ДС с психологической позиции как чего-то свойственного природе человека по отношению к себе и к другим людям. С одной стороны, «признание имманентности феномена двойных стандартов как проявления многогранности объективного мира справедливо предполагает наличие у механизма двойных стандартов неких бытийных корней. Однако не совсем верно обнаруживать их в физической неоднородности жизни» [4, с. 113]. Вообще говоря, онтологический подход в данном контексте обнаруживает тягу к релятивистской заданности. Но ведь, коль скоро нет «точки отсчета» (отсутствие универсального стандарта), бессмысленно говорить и о проблеме ДС. Поэтому необходимо понимать, что, в отличие от физического мира, социум принципиально старается исходить из постулирования некоторых общезначимых (социально значимых) оснований; другой вопрос, насколько требования этой общезначимости выполняются всеми сторонами. В таком контексте проблема ДС и приобретает необходимую окраску и звучание.

Более продуктивным, на наш взгляд, является прояснения исследуемого феномена с точки зрения его взаимосвязи с представлениями о национальном менталитете. Это, в частности, может прояснить вопрос о том, почему проводником-инициатором политики ДС выступают цивилизованные страны, в основном так называемого англосаксонского мира, с принципиально развитыми правовыми нормами, гражданским государством, с приверженностью к либеральным идеалам и демократическим ценностям, провозглашающим равенство возможностей всех и каждого в рамках действия справедливых и одинаковых для всех законов, обеспечивающих всеобщее благо. В этой связи необходимо говорить о замеченном многими исследователями парадоксе, который мы бы назвали «парадоксом неоправданного ожидания». Суть его в следующем: согласно «естественному-правовому варианту логики, чем более цивилизованным становится человеческое общество, чем более гомогенным становится политико-правовое пространство, тем более редкими должны

стать проявления политики двойных стандартов. Но практика показывает, что сам дискурс о двойных стандартах возник совсем недавно, а не в глубокой древности, когда несправедливости и произвола было куда больше, чем в наши дни, ввиду фрагментированности правового поля» [4, с. 113] (курсив наш – Е. П.). Подчеркнем еще раз: простое сведение существующего феномена «двойного кода» как некой поведенческой матрицы только лишь как к заложенной в природе Homo Sapiens, равно как к онтологической заданности, не раскрывает суть проблемы в полной мере. Неразрешимым выглядит с таких позиций и названный выше парадокс между представлением «о триумфе цивилизованного мышления в духе политического идеализма и нормативизма» [4, с. 113] и явной тягой этого «цивилизованного мышления» к попранию политico-правовых норм посредством «двойных стандартов». Более того, как справедливо отмечает Е.В. Булипопова, «под механизмом (принципом) двойных стандартов имеется в виду структурный элемент социально-политической системы, проявляющий себя в полной мере *только в условиях гомогенной правовой среды*» [6, с. 347] (курсив наш – Е.П.). Это связано с возникшей в Древней Греции идеей естественного права, что, в свою очередь, привело к пониманию несправедливости разделенного правового поля. «Именно с расцветом греческой цивилизации в мире идей появляется новая яркая звезда – идея *естественного права*, развитие которой в дальнейшем привело к возможности становления понятия «двойные стандарты» в политico-правовом дискурсе» [6, с. 353] (курсив наш – Е.П.).

Подводя общие, но принципиально необходимые рассуждения о феномене двойных стандартов к конкретным изысканиям заявленной темы, проясним механизм становления рассматриваемого феномена с помощью простой аналогии с игрой, игровым полем. Как известно, ассоциация «мир–игра» имеет место во многих культурах, достаточно вспомнить Гессе, Борхеса, Шекспира (а чего стоит мир–«шахматная доска» З. Бжезинского!). В целом человеческая цивилизация может быть представлена как цивилизация не Homo Sapiens, а Homo Ludens (Й. Хей-

зинга). В таком случае, это значит, что должны быть выработаны определенные «правила игры», или те регулятивные принципы, согласно которым должен функционировать социум. Е.В. Булипопова, исследуя феномен двойных стандартов в политico-правовом фокусе, абсолютно верно, на наш взгляд, замечает, что далиберальные типы общественно-политического устройства принципиально не могли осуществлять свою деятельность по принципу двойной морали / двойной нормы, поскольку мораль была одна – право сильного как образ «правильной власти» (отражено в языке, например, как *reign – right*) [6, с. 350]. Грубо говоря, господин не спрашивал у раба, устраивают ли того существующие порядки, представляются ли они последнему справедливыми. Такого рода «выведение за рамки игрового поля» не могло предполагать и необходимости манипуляций в отношении правил/прав. Vice versa, такого рода манипулирование становится естественным образом неизбежным в ситуации «уравнивания игроков».

Устойчивая ассоциация с игрой, игровым полем не случайна еще и потому, что может помочь прояснить вопрос о том, почему все-таки поведение согласно принципу «двойной морали» столь характерно именно для англосаксонского менталитета. Однако имеет ли в принципе такое утверждение под собой какие-либо основания? Обратимся для начала к мнению историков, философов, писателей, политических деятелей. Ф. Ницше называл англичан нацией наивысшего лицемерия. Наполеону приписывается определение *Perfidious Albion*. Вот мнение самого представителя англосаксонской культуры: «Немцев считают грубыми, испанцев – жестокими, американцев – поверхностными... А мы – коварный Альбион, остров лицемеров, люди, построившие империю с Библией в одной руке, пистолетом в другой и финансовыми операциями в обоих карманах» (Э. Форстер)¹. Стоит задаться вопросом, чтобы выйти на еще более глубокий (философский) уровень изучения поставленной пробле-

¹ Мнение далеко не единственное, если вспомнить, например, роман Дж. Голсуорси «Остров Фарисеев» или фразу У. Черчилля: «Начертав линию, англичане всегда размывают ее», – и пр.

мы: могли ли представители какой-либо другой культуры породить этику утилитаризма, философию прагматизма, теорию справедливости (Дж. Ролз)? Нам представляется принципиально важной постановка данного вопроса, поскольку мы полагаем, что названные философско-мировоззренческие концепции представляют плодотворную почву для формирования способа мышления и действия по принципу двойных стандартов. Так, в «теории справедливости» Дж. Ролза, где равенство возможностей понимается как равенство игроков в отношении начальных условий игры («исходного положения» в терминологии самого Ролза, что соответствует принципу *status-quo* в утилитаризме), в качестве уравнивающего принципа, по молчаливому согласию принимаемого всеми игроками, вводится так называемый « занавес неведения » («veil of ignorance») как коррелят объективности (справедливости) правил игры. По сути же, как пишет сам Ролз, «принципы справедливости выбираются за занавесом неведения» [7, с. 26]. Субъективность, а значит, и возможность манипуляции возникает не столько в рамках самой игры, сколько в **оценке результата игры** по правилам («fair play»). Фактически перед нами классическое воплощение «несимметричного поведения в аналогичных условиях». В рамках утилитаризма, дискриминационный по своей сути оценочный критерий которого так стремится преодолеть многочисленные модификации этой этической теории, скрытое (или неявное) неравенство, программирующее вариативность оценок в политике двойных стандартов, имманентно принципу игры и не может быть преодолено принципиально, поскольку всегда существует неравенство самих игроков в отношении друг к другу при их видимом равенстве в отношении «правил игры». Конечно, в рамках утилитарной модели существуют как некие уравнивающие базовые принципы (основной из них – принцип справедливости), так и моральные принципы «второго уровня», которые в рамках выдвинутой нами в других работах по исследованию англосаксонского менталитета концепции «честной игры» / «fair play» можно назвать «правилами на игровом поле». Парадокс, однако же, в том, что самая детальнейшая проработка критериев, одинаково справед-

ливых по отношению ко всем участникам «игры», скажем, какой-либо политической конфронтации, не даст адекватных результатов, поскольку сам способ видения мира, возросший на принципах утилитаризма и прагматизма культуры, базируется на эгоистических основаниях и связанных с ними субъективных критериях. Еще больше усиливается ощущение парадоксальности, если учесть, что именно на этих принципах англосаксонский менталитет в рамках утилитарной модели выстраивает рациональную калькуляцию полезности, т.е. фактически того набора манипуляций, которые призваны сделать игру честной («ought to make a play to be a fair play»). Дальнейшие модификации в рамках утилитаризма (ярким примером может служить «утилитаризм предпочтений» Р. Гудина, Дж.Дж. Смарта) не решают проблемы, а, как представляется, создают своего рода «правила для правил игры».

И, наконец, еще один аспект представляется важным, поскольку дает основания прояснить, почему представители англосаксонской культуры считают возможным для себя подходить к оценке ситуации с неравновесных позиций с применением «двойных кодов/стандартов». Или, если высказать эту мысль по-другому: почему джентльмен считает возможным менять правила игры по своему усмотрению, фактически не считаясь с другими участниками процесса, провоцируя, по сути, несимметричное действие? Здесь, видимо, необходимо учитывать такой элемент англосаксонского национального характера, как «кельтскость». «В каждом из них, – писал об англосаксах В. Овчинников, – есть что-то от кельта». Быть кельтом означает, прежде всего, существовать в рамках выраженной клановой системы. Такое чувствование, подкрепляемое к тому же островным положением этого народа, проявляет себя в ощущении принадлежности к одной команде. С психологической точки зрения это усиливает базовую установку «свой–чужой», максимально субъективно окрашивая оценку ситуации в терминах «хороший–плохой».

Список литературы

1. Политический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gufo.me/pol_a
2. Тузова, А. Ф. «Двойной стандарт» в массмедиийной практике / А. Ф. Тузова : дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 282 с.
3. Babylon 10 : English – English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.babylon-software.com/language/english-english/>
4. Булипопова, Е. В. Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории / Е. В. Булипопова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 112–118.
5. Тимошук, А. С. Онтология двойного стандарта / А. С. Тимошук // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 1. – С. 218–221.
6. Булипопова, Е. В. Причины и предпосылки появления термина «двойные стандарты» в политическом дискурсивном пространстве / Е. В. Булипопова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Вып. 10. – 513 с.
7. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск, 1995. – 535 с.

МОДЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ЦИКЛА КАК ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ (КРИТИКА АНТИМАРКСИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ)

А.В. Рыженков*

Рассмотрена современная «неоклассическая» модель экономического роста при наличии эффекта масштаба. Основными переменными выступают относительная зарплата и норма занятости, тогда как положительная норма накопления постоянна. Вскрыты логические противоречия при определении долей классов в национальном доходе в результате апологетического отказа от теории прибавочной стоимости Маркса. Выявлена стабилизирующая роль конкуренции трудящихся за рабочие места и дестабилизирующая – их борьбы за увеличение зарплаты. Для широкого диапазона параметров соблюдена локальная асимптотическая устойчивость стационарного состояния согласно критерию Рауса–Гурвица. Показано, что расширение данной модели посредством конкретизации положений К. Маркса и превращения нормы накопления в эндогенную переменную позволяет генерировать автоколебания с периодом около 7 лет. Во-преки экономическим гармониям «неоклассиков», кризис выступает прямым следствием относительного и абсолютного перенакопления капитала в расширенной модели, в которой отражена инвестиционная кооперация и конкуренция. Целенаправленное долговременное снижение нормы накопления в этой модели способствует увеличению нормы прибыли при снижении стоимости рабочей силы.

Ключевые слова: накопление капитала и его противоречия, относительная оплата труда, норма занятости, промышленный цикл, система нелинейных дифференциальных уравнений, сверхкритическая бифуркация Андронова – Хопфа, предельный цикл

Посылки и уравнения модели Р-2

Как установлено К. Марксом [1], противоречия между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения, между стоимостью и потребительной стоимостью рабочей силы обусловливают регулярность

* Д-р экон. наук, доцент, вед. науч. сотрудник ИЭОПП СО РАН, доцент Новосибирского национального университета

промышленных циклов, материальной основой последних служит движение основного капитала. Кризис промышленного цикла выступает прямым следствием относительного и абсолютного перенакопления капитала.

Незавершенный промышленный кризис (стагфляция) в нашей стране, приближение очередного мирового экономического кризиса усиливают актуальность моделирования циклической народнохозяйственной динамики. Перечислим основные провозглашенные посылки математически продвинутой «неоклассической» модели экономического роста и классовой борьбы, сокращенно обозначенной нами Р-2. Она абстрагируется от внешнеэкономических связей и деятельности государства (за исключением защиты частной собственности), рассматривая два качественно однородных фактора производства – рабочую силу и основные производственные фонды. Для модели характерны: «нематериализованный» технический прогресс (не воплощенный в орудиях труда), постоянная или экспоненциально растущая рабочая сила, амортизация основного капитала не представлена явно, вся прибыль инвестируется в его расширение, вся заработка плата потребляется. Указанные переменные представлены в реальном выражении [2, 3].

Рост заработной платы ускоряется при приближении к полной занятости. Темп прироста заработной платы также положительно увязан с темпом прироста выработки, что объясняется уступками капиталистов рабочим в оплате труда при повышении выработки, ведущими к долговременному снижению нормы занятости.

Производная переменной x по времени есть $\dot{x} = \frac{dx}{dt}$; темпом ее прироста служит логарифмическая производная $\hat{x} = \frac{d \ln x}{dt} = \frac{\dot{x}}{x} = \frac{dx}{xdt}$.

Рассматривается экономика в момент времени $t \geq t_0$. Основные переменные анализируемой модели представлены в таблице.

Основные переменные Р-2

Переменная	Выражение
Чистый продукт (ЧП)	q
Основные производственные фонды (ОПФ)	k
Фондоемкость	$s = k/q$
Занятость (затраты простого труда)	l
Занятость (затраты сложного труда)	$l_e = l e^{\alpha \varepsilon} \left(\frac{k}{k_0} \right)^{\gamma}, \alpha > 0$
Выработка (производительность простого труда)	$a = \frac{q}{l}$
Предложение простой рабочей силы	$n = n_0 e^{\beta r}, \beta \geq 0$
Зарплата	w
Совокупная зарплата	wl
Относительная зарплата	$u = w/a = wl/q$
Прибыль	$M = q - wl = (1-u)q$

В [2, 3] применена производственная функция CES

$$q = F(k, l_e) = c \left[\mu(m_k k)^{-\delta} + (1-\mu)(m_e l_e)^{-\delta} \right]^{-1/\delta}, \quad (1)$$

где $0 < \mu < 1$. Этой функции приписывается постоянная эластичность замещения рабочей силы ОПФ согласно отношению их «предельной производительности» $\theta = F_{l_e} / F_k$: $0 < \varepsilon = d \ln(k/l_e) / d \ln \theta = 1/(1+\delta) < 1$.

Параметры c , m_k и m_e согласовывают единицы измерения, два последних приняты равными 1 и опущены для краткости. Производственная функция CES позволяет рассматривать переменную фондоемкость s .

Для $\varepsilon \rightarrow 1$ ($\delta \rightarrow 0$) эта функция трансформируется в функцию Кобба–Дугласа, $q = ck^\mu l_e^{1-\mu}$; для $\varepsilon \rightarrow 0$ ($\delta \rightarrow \infty$) она преобразована в производственный процесс Леотьевского типа, где $q = \min(ck, cl_e)$, так что фондоемкость $s = \text{const} = 1/c$. Первый из этих двух частных случаев, по мнению авторов [2, 3], соответст-

вует совершенной взаимозаменяемости факторов, второй же предполагает, что взаимозаменяемость полностью отсутствует.

В формуле (1) не учтено, что накопление основного капитала неразрывно связано с овеществленным в ОПФ техническим прогрессом, на что неоднократно справедливо обращал внимание N. Kaldor. Концепция «предельной производительности» противоречит сущности технологии.

Темп прироста оплаты труда определен модифицированным уравнением Филипса

$$\hat{w} = f(v) + \rho \hat{a}, \quad (2)$$

где $0 \leq \rho < 1/\varepsilon = 1 + \delta$, $f'(v) > 0$, для $v \rightarrow 1$ $f'(v) \rightarrow \infty$.

Далее авторы [2, 3] решают статическую задачу максимизации нормы прибыли:

$$(1-u)/s = (q - wl)/k = (a - w)/(k/l) \rightarrow \max. \quad (3)$$

Они находят оптимальное для капиталистического класса технологическое строение капитала – соотношение ОПФ и рабочей силы после редукции труда:

$$k/l_e = [(1-\mu)(1-u)/(\mu u)]^{-1/\delta}, \quad (4)$$

соответственно ими определена оптимальная фондаемость

$$s(u) = [\mu/(1-u)]^{1/\delta}/c. \quad (5)$$

Чистое накопление основного капитала (с абстрагированием от инвестиционных лагов) осуществляется за счет прибыли (прибавочного продукта) M :

$$\dot{k} = zM = z(1-u)q, \quad (6)$$

где норма накопления (доля чистых инвестиций в прибыли) $z = 1$.

Темпы прироста фондооруженности и выработки представлены как

$$k/l = \alpha + \hat{u}/[\delta(1-u)] + \gamma \hat{k}, \quad (7)$$

$$\hat{a} = \alpha + \hat{u}/\delta + \gamma \hat{k}. \quad (8)$$

Для отражения эффектов масштаба в динамике фондооруженности в формуле (7) и выработки в (8) используется $0 < \gamma < 1$. В Р-2 предполагается, что $0 < \gamma < 1$ [3], в отличие от Р-1, где $\gamma = 0$ [2]. Напротив, в [3] принято, что $\rho = 0$ в формуле (2).

Накопление основного капитала благотворно сказывается на росте выработки, согласно равенству (8). Однако связь темпа прироста выработки с темпом прироста основного капитала выражает прямой эффект масштаба недостаточно корректно.

Для отражения этого эффекта правильней увязывать темп прироста выработки с темпом прироста нормы занятости [4]. Опосредованные эффекты в результате многоступенчатой экономии от масштаба (через обратные связи) в Р-2 не рассмотрены, тогда как в Р-1 не учтен даже отмеченный прямой эффект.

Обращает на себя внимание свойство однородности первой степени производственной функции CES (1) относительно k и l_e . Свойство однородности первой степени относительно k и l выполнено для нее, только если $\gamma = 0$.

Наличие эффекта масштаба противоречит распределению созданного чистого продукта между трудом и капиталом пропорционально их «предельным производительностям» F_l и F_k . Поскольку производственная функция не является однородной относительно l и k , теорема Эйлера об однородных функциях не может быть строго применена.

Утверждение 1. Логически противоречивый принцип распределения национального дохода (ЧП) введен без какого-либо теоретического обоснования в Р-2: с одной стороны, зарплата определена «предельным продуктом» труда, а с другой, «предельный продукт» капитала существенно превышает норму прибыли, когда $0 < \gamma < 1$. В действительности относительная зарплата и выражает стоимость рабочей силы; прибыль капиталистов M есть превращенная форма прибавочной стоимости S , созданной рабочим классом: $S = (1 - u)L = M/a$. Доказательства утверждений опущены.

Интенсивная форма и свойства модели Р-3

В [4] обоснована необходимость перехода к переменной норме накопления z . Как шаг в правильном направлении вместо предположения $z = 1$ используем предположение

$$0 < z_{\inf} = dc^{\delta}/\mu < z = \text{const} \leq 1. \quad (10)$$

Модель Р-3 обобщает в этом отношении Р-2 и Р-1, сохраняя основные посылки и уравнения модели Р-2. Интенсивная форма Р-3 предстает как вытекающая из вышеприведенных уравнений система из двух обыкновенных дифференциальных уравнений (ОДУ):

$$\dot{u} = \{f(v) - (1-\rho)[\alpha + \gamma \frac{z(1-u)}{s(u)}]\} \frac{\delta u}{(1-\rho) + \delta}, \quad (11)$$

$$\dot{v} = [(1-\gamma) \frac{z(1-u)}{s(u)} - \frac{1}{\delta} \frac{\hat{u}}{1-u} - (\alpha + \beta)]v. \quad (12)$$

Способность трудящихся в борьбе за повышение оплаты труда, с одной стороны, и интенсивность их конкуренции за рабочие места, с другой, тем сильнее, чем, соответственно, выше нуля $\partial \dot{u} / \partial u$ и ниже нуля $\partial \dot{v} / \partial v$.

Приравниванием правых частей уравнений (11) и (12) нулю получено нетривиальное стационарное состояние

$$E_a = (u_a, v_a). \quad (13)$$

Для него определены стационарные темпы прироста: выработки, фондооруженности и зарплаты

$$\hat{a}_a = (k/l)_a = \hat{w}_a = (\alpha + \gamma \beta)/(1-\gamma), \quad (14)$$

а также стационарные темпы прироста ОПФ и ЧП

$$\hat{k}_a = \hat{q}_a = \hat{a}_a + \beta = (\alpha + \beta)/(1-\gamma) = d. \quad (15)$$

Стационарные значения фазовых и вспомогательных переменных заданы как

$$u_a = 1 - (d\mu^{1/\delta}/cz)^{\delta/(1+\delta)}, \quad (16)$$

$$v_a = f^{-1}[(1-\rho)(\alpha + \gamma \beta)/(1-\gamma)], \quad (17)$$

$$s_a = [\mu / (1 - u_a)]^{1/\delta} / c, \quad (18)$$

$$(1 - u_a) / s_a = d / z. \quad (19)$$

Стационарному состоянию E_a (13) отвечает матрица Якоби J_a и характеристическое уравнение. Они для краткости опущены.

Стационарная относительная зарплата при прочих равных условиях, будучи тем выше, чем больше параметр δ , стремится к супремуму при $\delta \rightarrow \infty$ (производственная функция Леонтьевского типа с дополняемыми факторами): $\sup(u_a) = 1 - d/(cz)$; стационарная относительная зарплата, будучи тем ниже, чем меньше параметр δ , стремится к инфиному при $\delta \rightarrow 0$ (производственная функция типа Кобба–Дугласа с заменяемыми факторами): $\inf(u_a) = 1 - \mu$. Увеличение стационарного темпа экономического роста d влияет на относительную оплату труда u_a отрицательно [2, с. 225], причем $u_a < 1$, только если $d > 0$.

Утверждение 2: (а) из требования $u_a > 0$ следует первое ограничение $1 \geq z > d\mu^{1/\delta} / c > 0$; (б) из требования $s_a > 1$ следует второе, более жесткое, ограничение $1 \geq z > \inf(z) = dc^\delta / \mu$.

Утверждение 3: (а) стационарная фондаемость s_a , будучи тем ниже, чем больше параметр δ , при прочих равных условиях практически достигает инфинума при $\delta \rightarrow \infty$ (производственная функция Леонтьевского типа с дополняемыми факторами): $\inf(s_a) = 1$; (б) стационарная фондаемость s_a , будучи тем выше, чем меньше параметр δ , практически достигает супремума при прочих равных условиях при $\delta \rightarrow 0$ (производственная функция типа Кобба–Дугласа с заменяемыми факторами): $\sup(s_a) = \mu z / d$.

Утверждение 4: (а) стационарная относительная зарплата u_a и стационарная фондаемость s_a , будучи тем выше, чем больше норма накопления z , достигают максимума при прочих равных условиях при $z = 1$; (б) стационарная норма занятости v_a от z не зависит; (в) стационарные темпы прироста $\hat{a}_a = (\hat{k} / \hat{l})_a = \hat{w}_a$, $\hat{k}_a = \hat{q}_a$ также не зависят от z ; (г) стационарная норма прибыли d/z ,

будучи тем ниже, чем больше норма накопления z , достигает минимума при прочих равных условиях при $z = 1$.

Утверждение 5. Чем сильнее солидарность рабочих в борьбе за относительную оплату труда, тем выше δ , следовательно, усиление этой солидарности является средством повышения стационарной относительной оплаты труда (стоимости рабочей силы) u_a . Данное повышение не оказывает влияния на стационарную норму прибыли, поскольку параллельно уменьшается стационарная фондоемкость s_a .

Утверждение 6. Стационарное состояние E_a (13) является нейтральным центром для $\gamma = 0$ при практическом отсутствии конкуренции трудящихся за рабочие места, когда $\delta \rightarrow \infty$, $s_a \rightarrow 1$, след матрицы Якоби $\text{Trace}(J_a) \rightarrow 0$.

Утверждение 7. Для $0 < \gamma < 1$: (а) локальная асимптотическая устойчивость E_a (13) гарантирована по критерию Рауса–Гурвица, если $\text{Trace}(J_a) < 0$ [3, с. 522]; в частности, (б) E_a – локально устойчивый узел для $0 < \delta \leq \delta_1$; (в) E_a – локально устойчивый фокус для $\delta_1 < \delta \leq \delta_2$, здесь δ_1 такое, что $[\text{Trace}(J_a)/2]^2 = |J_a|$, δ_2 такое, что $\text{Trace}(J_a) = 0$. Обозначение $|J_a|$ употреблено для определителя матрицы Якоби J_a .

Дополнение. Локальная асимптотическая устойчивость E_a , в частности, гарантирована для $\gamma = 0$, $z = 1$ и $\delta < \infty$.

Согласно [3, с. 524], «гибкость производственной функции производит стабилизирующий эффект, который гораздо сильнее, чем дестабилизирующее воздействие эндогенного роста выработки. Только тогда, когда производственная функция находится очень близко к технологии Леонтьевского типа, система производит незатухающие (и взрывные) колебания». Такие автоколебания с продолжительностью 24–45 лет предполагают чрезмерно низкую величину $s_a \approx 1$.

Это свидетельствует, по мнению автора, о том, что Р-1, Р-2 и Р-3 исключают существование больших циклов в капиталистической экономике, терминологически связанных в литературе с именами С. Кузнецова и Н.Д. Кондратьева, не говоря уж об отрица-

нии ими промышленных циклов. Краткосрочные колебания товарных запасов и заказов также не рассмотрены.

Интенсивная форма модели Z-1

Следующий фрагмент передает положения Маркса о том, как определяется норма накопления [1, с. 634]. «Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накапливаемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработка плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но как только это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: уменьшается капитализируемая часть дохода, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением».

Норма накопления z превращена автором в новую базовую (фазовую) переменную, что ранее обосновывалось в [4]. Соответственно, изменилась интерпретация равенств (11) и (12). Модель Z-1 дополнительно включает оригинальное ОДУ для нормы накопления. Оно учитывает, помимо положений К. Маркса выше, объективную заинтересованность капиталистов в долговременном повышении нормы прибыли, а также типично противоположное по знаку изменение доли инвестиций в прибыли \dot{z} в ответ на относительный прирост зарплаты $\dot{u}/(1-u)$ с логистической зависимостью от $z(Z-z)$ третье ОДУ

$$\dot{z} = -b \frac{\dot{u}}{1-u} z(Z-z) + p(z_b - z), \quad (20)$$

где $b \geq 0; p > 0; z_b < z_0 \leq 1 < Z$.

Инвестиционная кооперация капиталистов тем сильней, чем существенней $\partial \dot{z} / \partial z$ превышает ноль, а острая конкуренция в этой сфере предполагает $\partial \dot{z} / \partial z < 0$.

Система, включающая равенства (11), (12) и (20), обладает нетривиальным стационарным состоянием

$$E_b = (u_b, v_b, z_b), \quad (21)$$

где u_b и v_b такие же, как u_a и v_a в равенстве (13) для $z = z_b$; ограничения на z_b также остаются прежними; остаются в силе утверждения 1–7 и их следствия. Параметром управления выбран b , задействованный в формуле (20).

Утверждение 8. В линеаризованной Z-1 утрата гиперболического характера и устойчивости E_b (21) происходит, по критерию Руиса – Гурвица, для $b = b_0$, когда у характеристического уравнения $\lambda^3 + a_2\lambda^2 + a_1\lambda + a_0 = 0$ значения параметров такие, что $a_0 > 0$, $a_2 > 0$ и $a_1a_2 = a_0$. Утрата устойчивости не распространяется на нелинейную модель Z-1.

Утверждение 9. Рассмотрим E_b (21) и, соответственно, значение $b = b_0$. Для $0 < b \leq b_0$ стационарному состоянию E_b свойственна локальная асимптотическая устойчивость в нелинейной модели Z-1. Сверхкритическая бифуркация Андронова – Хопфа, рождающая предельный цикл, происходит вблизи b_0 , когда $b = b_{critical} > b_0$.

Рассмотрим условия, при которых экспериментальный предельный цикл выступает идеализацией промышленного цикла. В формуле (2) использована функция $f(v) = -g + r/(1 - v)^2$. В расчетах исходными значениями служили: $\alpha = 0.005$, $\beta = 0$, $\gamma = 0.75$, $\delta = 1$, $\varepsilon = 0.5$, $\mu = 0.3$, $\rho = 0$, $p = 0.2$, $c = 1$, $g = 0.04$, $r = 0.001$, $d = 0.02$, $s_a = s_b = 1.342$, $u_a = u_b = 0.776$, $v_a = v_b = 0.871$, $z_a = z_b = 0.12$, $Z = 1.5$, $u_0 = 0.83$, $v_0 = 0.9$, $z_0 = 0.267$, $n_0 = 0.937$.

Для $b_{critical} = b_0 + 3 = 57.399$ в Z-1 происходит сверхкритическая бифуркация Андронова – Хопфа с рождением предельного цикла, который зависит от начального вектора x_0 . Кроме того, для тех же параметров и начальных условий предельные циклы в экономической области ($z \leq 1$) возникают даже для $b_{critical} = b_0 + 7.875 = 62.274$. Начальным в численных экспериментах служит 1958 г. К 2200 г. движение приобретает устоявшийся характер вблизи предельного цикла.

ЧП достигает максимума на завершении бума с началом кризиса. Прекращение падения ЧП q выражает завершение кризиса, а достижение предкризисного максимума – завершение

оживления. Депрессия выделена как фаза, начинающаяся по окончании кризиса и завершающаяся перед оживлением, когда фондаемость ζ максимальна.

Фазы промышленного цикла: кризис (2221.25–2222), депрессия (2222.25–2222.75), оживление (2223–2223.25) и подъем (2223.5–2227.75). Темп прироста ЧП изменяется в пределах от –1 до 6 (%/год), норма накопления – от 0.054 до 0.471, норма занятости – от 0.857 до 0.891, относительная оплата труда – от 0.819 до 0.825, фондаемость – от 1.661 до 1.711, норма прибыли – от 0.102 до 0.109, прибавочная стоимость – от 0.141 до 0.151, чистые инвестиции в стоимостном выражении – от 0.008 до 0.071.

В ходе смежных промышленных циклов с периодом 6.75 лет при подготовке кризиса последовательность такая (указан год экстремума): (max 2220) падение нормы накопления → → (max 2220.25) падение нормы прибыли, (max 2220.25) падение прибавочной стоимости, (max 2220.25) падение нормы занятости → (max 2220.75) падение прибыли → (max 2221) падение ЧП. Выход из кризиса предполагает: (min 2222) увеличение ЧП → (min 2222.25) увеличение прибыли и нормы накопления → (min 2222.5–2222.75) увеличение нормы прибыли → (min 2222.75–2223) увеличение прибавочной стоимости → (min 2223–2223.25) увеличение нормы занятости. В отличие от приведенных выше положений Маркса, снижения зарплаты w не происходит, однако, в согласии с ними, потребление трудящихся wv понижается на фазе кризиса и достигает максимума в конце фазы подъема.

Выводы

В статье проанализированы «неоклассические» модели с производственной функцией CES. В них интенсификация конкуренции трудящихся за рабочие места служит стабилизации капиталистического воспроизводства при повышении нормы прибыли, с одной стороны, и уменьшении относительной оплаты труда, с другой. Усиление борьбы трудящихся за подъем относительной оплаты труда, ослабление конкуренции друг с другом

гом за рабочие места – факторы, дестабилизирующие расширенное капиталистическое воспроизводство.

Оригинальный учет эндогенного характера нормы накопления, устойчивого неравновесия капиталистического воспроизводства позволил скорректировать обобщающую «неоклассическую» модель с эффектом масштаба, отразить промышленный цикл, а также закономерную периодическую повторяемость относительного и абсолютного перенакопления капитала.

Показано, что инвестиционная кооперация капиталистов ослабляет (конкуренция – усиливает) устойчивость стационарного состояния. Целенаправленное снижение ими нормы накопления способствует увеличению нормы прибыли при уменьшении стоимости рабочей силы.

Установлено, что коренные недостатки «неоклассических» моделей обусловлены смешением понятий конкретного и абстрактного труда, а также отрицанием теории прибавочной стоимости К. Маркса.

Список литературы

1. *Маркс, К. Капитал / К. Маркс.* – Москва : Изд-во полит. литературы, 1969. – Т. 1.
2. *Ploeg, F. Van der. Classical growth cycles / F. Van der Ploeg // Metroeconomica.* – 1985. – № 37 (2). – С. 221–230.
3. *Aguiar-Conraria, L. A Note on the stability properties of Goodwin's predator-prey model / L. Aguiar-Conraria // Review of Radical Political Economics.* – 2008. – № 40 (4). – С. 518–523.
4. *Рыженков, А. В. Декодирование нормы капиталистического накопления – шаг в расшифровке социального «генома» человека / А. В. Рыженков // Индустриальное развитие России : сб. науч. трудов / отв. ред. А. Г. Коржубаев, Л. К. Казанцева.* – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2012. – С. 240–261.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946–1956 гг.

Р.Л. Собинов*

Подбор и расстановка кадров в силовых структурах власти на всех этапах становления и развития государства являлись делом первостепенной важности. В данной статье рассмотрена кадровая политика в правоохранительной системе в послевоенный период на материалах органов милиции Новосибирской области. Проанализированы функции государственных, партийных органов и общественных организаций в этой сфере.

Ключевые слова: кадровая политика, правоохранительная система, органы милиции, послевоенный период, первичные партийные организации НКВД/МВД

Введение

Сразу после завершения Великой Отечественной войны перед правоохранительной системой страны встали сложные задачи. Требовалось купировать всплеск уголовной преступности, которая, как показывает исторический опыт, всегда сопутствует окончанию войны. Резкий рост уголовной преступности, множественные хищения и детская беспризорность составляли обыденную картину послевоенного времени. Важно было обеспечить правопорядок в сложных условиях, когда органы охраны порядка были ограничены в средствах и не могли применять для противодействия нарушителям меры военного времени.

В то же время нуждался в обновлении кадровый состав органов правопорядка, поскольку во время войны на работу в органы милиции были возвращены пенсионеры, они имели значительный опыт, но их жизненные ресурсы были ограничены. Большое количество пенсионеров было в подразделениях охраны общественного порядка, среди участковых уполномоченных

* Аспирант СГУГиТ

и т.д. Учебные заведения системы НКВД и отделы кадров были не в состоянии решить проблему кадрового голода.

Осуществление кадровой политики на местах

Ранее к работе в органах милиции привлекались лица из числа раненых бойцов и командиров, ограниченно годных, пенсионеров и женщин. Лица, демобилизованные из вооруженных сил, находились на особом учете и поступали в распоряжение Новосибирского областного военного комиссариата. Военно-пересыльный пункт по мере возможности направлял демобилизованных «бойцов и командиров» на работу в милицию. По состоянию здоровья демобилизованные нередко были ограниченно годными и поэтому использовались на следственной работе, в паспортных и военно-учетных столах [1], тогда как оставались вакантными должности оперативных работников.

Поэтому с окончанием войны ряды милиции и уголовного розыска стали активно пополняться демобилизованными с боевым опытом, но не имевшими практических навыков милицейской работы и юридического образования. Конечно, среди вновь поступивших на службу в милиции были люди, способные быстро включиться в работу, разобраться в нюансах оперативно-розыскной деятельности, но они были меньшинством в основной массе «новобранцев». Кроме того, в деятельности правоохранительных органов была своя специфика, им малознакомая.

Таким образом, в Новосибирской области, как и по всей стране, в послевоенный период проявился кадровый голод, выразившийся как в нехватке сотрудников, так и в их низком профессиональном уровне. Также в органах внутренних дел фиксировалась нестабильность численности личного состава, высокая текучесть кадров. Материалы партсобраний свидетельствуют, что сами работники милиции нередко отмечали серьезные проблемы в подборе кадров: «Не успели принять на работу, как хвалят и хвалят, а потом увольняют. В отделье недокомплект работников, а руководство на это не реагирует в должной мере» [2]. В целях укрепления дисциплины была проведена «милитаризация» милиции, выразившаяся во введении Дисциплинарно-

го устава Вооруженных Сил СССР в 1946 г. и усилении контроля органов госбезопасности за деятельностью милиции.

Однако в Новосибирской области, несмотря на все попытки ликвидировать нехватку кадров, в послевоенный период постоянно присутствовал недокомплект милиции, фиксировалась большая текучесть кадров. Так, на партсобраниях ведущих оперативных отделов, например, в угрозыске областного управления милиции нередко отмечалось, что «проблемы 2-го отделения ОУР связаны с тем, что состав 2-го отделения часто меняется и не укомплектовывается» [3].

Все это указывало на то, что аппарат милиции был весьма нестабильным, милицейское руководство было не в состоянии самостоятельно укомплектовать его людьми, соответствующими требованиям, причем даже основные отделы. Такое положение дел негативным образом оказывалось и на служебно-оперативной работе, вынуждая партийные органы регулярно подключаться к решению данной проблемы. В соответствии с решениями руководящих советских и партийных органов на работу в милицию периодически направлялись хорошо зарекомендовавшие себя работники гражданских ведомств и организаций.

Руководствуясь этой установкой, 2 марта 1946 г. начальник управления НКВД по Новосибирской области генерал-майор Ф.П. Петровский направил на имя первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагина письмо, в котором сообщал:

«В связи с постановлением бюро обкома ВКП(б) от 7 декабря 1945 г. о дополнительных мероприятиях по усилению борьбы с уголовной преступностью, мы возбудили ходатайство перед наркоматом внутренних дел СССР об укреплении аппаратов уголовного розыска областного и городского управлений милиции. За счет сокращения второстепенных и технических должностей наркомат дополнительно ввел в штаты указанных отделов УР 20 должностей оперативных работников.

В целях быстрейшего укомплектования этих должностей, а также ранее имевшегося недокомплекта, прошу мобилизовать на работу в отделы УР 25 коммунистов и комсомольцев, имею-

щих среднее образование, желательно в возрасте не свыше 25 лет. Для этих лиц мы имеем ввиду сначала организовать трехмесячное специальное обучение, а потом уже использовать их на практической работе. Прилагается проект постановления бюро обкома ВКП(б)» [4].

Новосибирский обком ВКП(б) оперативно откликнулся на обращение руководства милиции, и уже 21 марта 1946 г. бюро обкома партии утвердило постановление о кадровой мобилизации 25 коммунистов и комсомольцев для работы в уголовном розыске [5].

Из служебных писем руководящего состава милиции следует, что в начале 1947 г. положение городской милиции было кризисным. Так, например, 15 мая 1947 г. начальник УМВД по НСО генерал-майор Ф.П. Петровский направил секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагину «Докладную записку о мерах по усилению охраны города Новосибирска». В ней на основе приводимой статистики генерал констатировал увеличение уголовной преступности в г. Новосибирске [6]. Учитывая значительную текучесть кадрового состава милиции, Петровский обозначал необходимость создания хотя бы минимальных жилищных условий в городе для срочно перебрасываемых сотрудников милиции из области (из текста письма следовало, что для работы в семи городских районах Новосибирска перебрасывалось около 60 сотрудников). Однако и этого оказывалось недостаточно для штатного укомплектования городского управления, и с этой целью Петровский предлагал провести мобилизацию в каждом из 7 городских районов по 15 коммунистов и комсомольцев для работы в милиции (в итоге получалось до сотни человек) [7].

Политика укрепления органов правопорядка проверенными кадрами продолжалась на протяжении всего послевоенного периода. Так, в соответствии с постановлением бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 9 ноября 1950 г. «Об отборе членов ВКП(б) и комсомольцев для работы в органах милиции», на руководящую работу в органы милиции МГБ СССР были направлены 18 человек, преимущественно представители номенклатуры города Новосибирска в составе: начальника городского

управления кинофикации, начальника отдела кадров завода тяжелых станков и гидропрессов, заместителя заведующего облторготделом, инструктора обкома ВКП(б), заведующего райфинотделом Кагановичского района, помощника начальника главпочтамта, помощника прокурора Заельцовского района, начальника отдела горФО, старшего инженера управления гидрометслужбы, начальника отдела кадров завода № 520, начальника секретаря парторганизации авторемонтного завода, начальника отдела снабжения спиртзавода № 7, секретаря комитета ВЛКСМ ТЭЦ-3, секретаря комитета ВЛКСМ завода им. Коминтерна, инструктора Заельцовского райкома ВКП(б), начальника отдела кадров УНР-285, воспитателя ФЗО № 18, техника Росдорпроекта [8]. Вскоре, 25 января 1951 г., Новосибирский обком ВКП(б) принял дополнительные меры по взаимодействию УНКВД/УМВД с партийными организациями в преодолении кадрового голода в органах внутренних дел.

Борьба с уголовной преступностью и охрана общественного порядка, являясь центральными, ключевыми направлениями в деятельности милиции, находились постоянно в поле зрения регионального партийного руководства, ситуация систематически контролировалась и периодически проверялась обкомом партии. То, что кадровые мобилизации партийцев для работы в милиции являлись ежегодными, свидетельствует множество документов. Например, 9 марта 1950 г. на заседании бюро Новосибирского обкома партии было принято решение «О направлении на работу в органы милиции города Новосибирска и области членов ВКП(б) и ВЛКСМ». В нем отмечалось: «В целях укрепления кадрами органов милиции города Новосибирска и области бюро обкома ВКП(б) постановляет: 1. Направить на работу в органы милиции 400 человек членов ВКП(б), кандидатов в члены ВКП(б) и комсомольцев, имеющих образование от 7 классов и выше, служивших в рядах Советской Армии, физически здоровых. 2. Отбор провести городским и районным комитетам ВКП(б) согласно прилагаемому списку в течение трех месяцев сего года. Контроль за выполнением настоящего постановления поручить административному отделу обкома ВКП(б)» [9].

Все это свидетельствует о значительной роли партийных органов в решении проблем кадровой политики. В связи с этим особый интерес представляет роль первичных партийных организаций НКВД/МВД, поскольку материалы партийных собраний различных парторганизаций и партгрупп, отчеты парторгов, секретарей парторганизаций, партийные характеристики на коммунистов и т.д. содержат самую разнообразную информацию.

Но необходимо отметить, что в послевоенный период продолжал действовать жесткий принцип номенклатурного отбора и контроля за назначением и должностным перемещением руководящих работников милицейского аппарата начиная с районного уровня. Все начальники райотделов милиции подлежали рассмотрению и утверждению на бюро обкома. Для примера приведем решение бюро обкома партии от 17 октября 1947 г. о переутверждении на должность начальника РО МВД Пихтовского района капитана С.И. Титовца. К протоколу прилагалась служебная характеристика, в которой, помимо стандартных данных, указано, что партийными органами Титовец характеризуется положительно, «на протяжении двух лет является членом Пихтовского райкома ВКП(б), политически развит, принимает активное участие в общественной работе. В аппарате РО МВД и районе пользуется авторитетом» [10]. Служебная характеристика является фактически заполненным стереотипным формуляром для решения кадрового вопроса. Из него, в частности, следует, что начальник райотдела МВД должен был обладать достаточно определенным набором признаков и компетенций. Так, он должен был обладать немалым стажем работы в органах (у Титовца он составлял 17 лет), в том числе работы на руководящих должностях (для Титовца он насчитывал 9 лет). При этом партийность и стаж профессиональной деятельности благоприятствовали карьере Титовца, даже несмотря на то, что он имел «низшее образование». Иначе говоря, получив только начальное образование (и это типично для дореволюционного времени – Титовец был белорусом, родившимся в 1903 г.), он за весь период службы так и не повысил свой образовательный уровень. Можно предположить, что его выручал большой практический опыт профессиональной деятельности и, видимо, самообразова-

ние. Но очевидно и то, что в послевоенных условиях для не имевшего должного образовательного ценза и правительственные наград (иначе о них было бы сказано) 45-тилетнего капитана милиции это был предел его служебной карьеры.

Такой массовый источник, как партийные характеристики, является особо интересным как с информационной, так и с оценочной стороны. Приводимые ниже характеристики, составленные по достаточно значимому сотруднику, заместителю начальника ОБХСС ОУМ НСО майору милиции Р.А. Молчанову, про служившему более 25 лет в милиции и датированные декабрем 1947 – ноябрем 1949 г., весьма примечательны как индикатор принципов работы партийной системы («хороший – плохой»). Образцовый, если судить по первым характеристикам, сотрудник милиции, имеющий боевые награды (Орден Красного Знамени), «вдруг» оказывается личностью с «темным» прошлым и сомнительными связями, аморальным образом жизни и т.д.: «В морально-политическом отношении явился неустойчивым и имел связи с чуждым элементом, с 1948 г. посещал квартиру переселенца – немца по фамилии Штуперт, где устраивал пьянки с неизвестными женщинами, а немца использовал как лично го шоferа на своей автомашине "Москвич". В быту Молчанов не исправился и имел замечания от парторганизации, когда она его принимала кандидатом в члены ВКП(б), продолжал обогащаться за счет своего личного хозяйства. Таким образом, Молчанов скрывал свое социальное происхождение, вставал на путь обмана партии, имел связь с чуждым элементом и тенденцию личного обогащения, явился политически небдительным и морально неустойчивым, что является несовместимым с пребыванием его в партии. 7 октября 1949 г. партсобранием ОУМ Молчанов из партии исключен. 15 ноября 1949 г. решением партбюро райкома решение партсобрания ОУМ подтверждено» [11].

Данный пример примечателен тем, что партийные органы играли в милиции важную функцию встроенного контроля и «кадрового фильтра», отслеживая и синхронизируя в целом параметры не только служебной, но и внеслужебной деятельности, включая и социально-бытовую сторону, личную жизнь отдельно взятого сотрудника. Это дает основание для выводов о том, что

имел место феномен сращивания государственных функций с партийными, т.е. двойной подчиненности любого госслужащего. Двойная подчиненность была типичной не только для правоохранительных органов, но и для советской системы в целом. Существовала она и в милиции, но контролирующими полномочиями обладала партия, а не Советы. Партийные органы влияли на правоохранительную систему посредством кадровой политики. Постоянная ротация кадров осуществлялась под различными предлогами [12].

Выводы

Уже в первые годы восстановительного периода, благодаря усилиям центральных и местных властей, проблема кадрового голода в органах милиции была в основном решена. Ключевые милицейские подразделения удалось укомплектовать в соответствии со штатным расписанием, что позитивно сказалось на повышении эффективности борьбы с уголовной преступностью, улучшении состояния правопорядка на местах. В изучаемый период органы милиции не раз передавались из ведомства в ведомство, в министерствах правоохранительной системы существовали аналогичные по своим функциям подразделения, фиксировалось дублирование деятельности. В таких условиях правоохранительная система испытывала дополнительную нагрузку, что отнюдь не способствовало повышению эффективности решения оперативно-служебных задач. Ситуация стабилизировалась лишь к 1955 г., но в 1956 г. последовала реформа МВД. До того момента правоохранительная система не могла обойтись без посторонней помощи в решении задач, поставленных перед ней, в том числе по решению кадрового вопроса. Безусловно, в решении проблем кадровой политики ключевую роль сыграли партийные органы путем мобилизаций партийцев и комсомольцев на работу в органы милиции Новосибирской области. Таким образом, исходя из ситуации в органах милиции Новосибирской области, можно констатировать, что кадровая политика в правоохранительной системе в целом осуществлялась схожим образом, но с учетом ведомственной и региональной специфики. В связи с чем справедливым будет вывод о том, что управление

как силовыми структурами в общем, так и органами милиции в частности осуществлялось также с помощью кадровой политики путем функционирования механизмов системы партийных организаций.

Список литературы

1. Калинин, А. Ю. Проблемы, служба и быт сотрудников алтайской милиции в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Калинин // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 6. – С. 18–19.
2. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 1–2.
3. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 3–4.
4. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 904. – Л. 75.
5. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 904. – Л. 84.
6. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 989. – Л. 9.
7. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 989. – Л. 13–14.
8. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 1276. – Л. 22–23.
9. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 1211. – Л. 62.
10. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 33. – Д. 1019. – Л. 8.
11. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 114. – Л. 6–7.
12. Чердаков, О. И. Формирование правоохранительной системы советского государства в 1917–1936 гг.: историко-правовое исследование / О. И. Чердаков ; под ред. А. В. Малько. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 105.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Т.О. Тагаева^{*}, Л.К. Казаницева^{**}

Даны характеристики современного состояния общественного здоровья в РФ. Названы основные проблемы системы российского здравоохранения, которые выступают факторами ухудшения общественного здоровья.

Ключевые слова: общественное здоровье, качество и продолжительность жизни, заболеваемость, здравоохранение

Отмечая некоторые позитивные изменения состояния здоровья населения и деятельности системы здравоохранения РФ благодаря государственной программе «Здоровье», обращают на себя внимание низкие показатели общественного здоровья и эффективности здравоохранения в современной России.

Начиная с 1990-х годов ухудшение всех показателей общественного здоровья придало им статус проблем национальной безопасности. На протяжении десятилетий это одни и те же неустранимые проблемы: «сверхсмертность» мужчин в трудоспособном возрасте (при жизни одной женщины умирает 2,7 мужчин в возрасте от 15 до 60 лет); неблагополучные показатели младенческой смертности; высокие темпы прироста социальных заболеваний, переходящих в эпидемии (туберкулез, СПИД, наркомания); высокий разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин (13 лет), низкая продолжительность жизни.

Мировая статистика здравоохранения обращает внимание на значительный рост продолжительности жизни в странах мира, но, к сожалению, не в России. По данным ежегодного статистического доклада ВОЗ [1], в России ожидаемая продолжительность жизни за 1990–2011 гг. выросла на 0,6 лет – это самый низкий показатель среди развитых стран, где средний показатель роста за этот период составил чуть больше 5 лет. Между

* Д-р экон. наук, вед. науч. сотрудник, доцент ИЭОПП СО РАН, НГУ

** Канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник ИЭОПП СО РАН, НГУ

тем, уровень ожидаемой продолжительности жизни во всем мире считается важнейшим показателем качества жизни населения страны.

Средняя продолжительность жизни в группе стран с высоким уровнем дохода (выше 24 тыс. долл. на душу населения в год по ППС) в 2012 г. составила 75,8 лет для мужчин и 82 года для женщин. Ожидаемая продолжительность жизни населения России в 2012 г. значительно отставала от соответствующего показателя в группе стран с высоким уровнем дохода: для мужчин она была 64,6 лет, а для женщин – 75,9. По статистике ООН, Россия входит в группу стран со средне-высоким уровнем дохода (от 15 до 24 тыс. долл. ВВП на душу населения в год по ППС), однако по уровню продолжительности жизни населения пока, к сожалению, отстает и от данной группы стран; по продолжительности жизни мужского населения Россия ближе к средним показателям стран со средне-низким уровнем дохода (от 10 до 15 тыс. долл. на душу населения). Российская ожидаемая продолжительность жизни на 7 лет короче, чем в странах СНГ, и на 13 лет короче, чем в странах Евросоюза [1]. В последние годы наблюдаются позитивные изменения этого показателя: в 2014 г., по сравнению с 1990 г., ожидаемая продолжительность жизни всего населения выросла на 1,7 года, мужчин – на 1,6 и женщин – на 2,2 года и составила соответственно 70,93, 65,29 и 76,47 лет [2].

Динамика ожидаемой продолжительности жизни обусловлена смертностью населения. Коэффициент смертности уменьшился: с 16,1 на 1000 человек населения в 2005 г. до 13,0 в 2013 г., что привело к увеличению ожидаемой продолжительности жизни всего населения за этот период с 65,3 до 70,76 лет (однако смертность в 2014 г. выросла до 13,1) [2]. Хотя уровень смертности населения России снижается по сравнению с серединой 2000-х годов, он все еще существенно выше уровня смертности сегодня в странах ЕС (в 1,4 раза) [3].

Высока смертность населения в трудоспособном возрасте, особенно мужчин. Вероятность умереть в возрасте 15–60 лет в России почти в два раза выше, чем в среднем по Европе: 255

против 146 на 1000 человек населения по данным на 2009 г. [4]. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее количество детей на одну женщину в репродуктивном возрасте) за период 2005–2014 гг. в РФ вырос с 1,294 до 1,75, однако так и не достиг уровня 1990 г. (1,892). Общее количество родившихся на 1000 человек населения увеличилось с 10,2 детей в 2005 г. до 13,3 в 2014 г.

В целом все вышеперечисленные позитивные изменения в демографических показателях можно связать с действием следующих факторов: 1) изменениями в структуре женщин репродуктивного возраста; 2) мерами демографической политики по стимулированию рождаемости (предоставление государством с 2007 г. материнского капитала женщинам при рождении второго ребенка и другие меры поддержки многодетных семей); 3) сокращением потребления алкоголя на душу населения (с 9,7 л абсолютного алкоголя в 2007 г. до 8,9 л в 2010 г. [5]; 4) повышением доступности качественной медицинской помощи (строительство современных перинатальных центров, расширение масштабов целевых программ по борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, новообразованиями, туберкулезом, оказание медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях, увеличение в 2,5 раза за период 2006–2011 гг. численности больных, получивших бесплатную высокотехнологическую помощь, и т.д.) [3]; 5) ростом благосостояния российских граждан и увеличением возможностей приобретать эффективные лекарственные препараты при амбулаторном лечении (реальные располагаемые денежные доходы на душу населения выросли в период с 2006 по 2011 гг. в 1,42 раза, а расходы населения на медикаменты и изделия медицинского назначения в сопоставимых ценах – в 1,94 раза) [3].

Однако принятых мер недостаточно. Например, объем средств, предусмотренных на приоритетный национальный проект «Здоровье», составляет 13 % необходимых для ликвидации недофинансирования отрасли, или 0,26 % ВВП (в то время как недофинансирование здравоохранения составляет как минимум 2 % ВВП). В результате по показателям смертности и продол-

жительности жизни, как уже было отмечено, Россия продолжает уступать развитым странам, а также наблюдается дальнейший рост заболеваемости.

О состоянии здоровья населения страны можно судить по динамике показателей первичной заболеваемости. За период 1990 по 2014 гг. число впервые выявленных заболеваний увеличилось с 96,3 до 115 млн и общей заболеваемости населения – со 107 до 235 млн человек [2, 3]. Обращает на себя внимание тот факт, что темп прироста общей заболеваемости превышает темп прироста первичной, что свидетельствует об устойчивой тенденции перехода болезней в хроническую форму. Средняя продолжительность жизни лиц, страдающих тяжелыми хроническими заболеваниями, очень мала и составляет в России 12 лет (в странах ЕС – 18–20 лет) [6].

Существует мнение, что рост заболеваемости можно объяснить улучшением диагностики, что действительно и происходит в последнее десятилетие, и повышением достоверности статистических данных. Однако рост показателя смертности в 2014 г., увеличение количества инвалидов и диссонанс с аналогичными показателями заболеваемости населения в развитых странах свидетельствуют о действительном росте заболеваемости.

В «Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г.» [3] называются факторы, однозначно негативно влияющие на общественное здоровье:

- широко распространены табакокурение и злоупотребление алкоголем: 35 % взрослого населения (55 % мужчин и 18 % женщин) курят, и еще примерно 18 % являются пассивными курильщиками (подвергаются регулярному воздействию курения другими лицами); 59 % взрослого населения употребляют алкоголь, причем 27 % употребляют крепкие спиртные напитки не реже нескольких раз в месяц;

- важнейшую роль в развитии неинфекционных заболеваний играют такие факторы риска, как артериальная гипертензия (величина вклада 35,5 %), гиперхолестеринемия (23,0 %), курение (17,1 %), недостаточное потребление фруктов и овощей (12,9 %), ожирение (12,5 %), недостаточная физическая актив-

ность (9,0 %), а также фактор злоупотребления алкоголем (11,9 %).

Авторами было проведено исследование влияния различных факторов на здоровье населения России. В целях анализа была создана информационная база показателей по 82 субъектам для 2005–2008 гг. На основе информационной базы были построены панельные регрессионные уравнения с фиксированными эффектами. Оценивание параметров уравнений проводилось методом наименьших квадратов по 328 наблюдениям в эконометрическом пакете Eviews версии 6. Для уравнений были проведены стандартные процедуры проверки статистических гипотез, указавшие на их статистическую значимость при уровне значимости 10 % и ниже.

В качестве зависимой переменной в одном из уравнений рассматривалась детская заболеваемость (количество регистрируемых случаев заболевания детей в возрасте до 14 лет на 1000 человек населения). В качестве регрессоров были выбраны показатели, предоставленные отечественной статистикой, характеризующие экономико-инфраструктурные, социально-психологические и эколого-климатические факторы, влияющие на здоровье. Было получено уравнение, основные характеристики которого (значения уровня значимости уравнения и уровней надежности коэффициентов, коэффициент детерминации, значение критерия проверки существенности уравнения) приведены в таблице.

Как видно из регрессионного анализа, один из существенных факторов улучшения здоровья населения – рост затрат на медицинские цели, в первую очередь – государственного финансирования.

Возможность улучшения здоровья населения РФ путем реформирования здравоохранения исследуется многими российскими учеными. В качестве главных причин неудовлетворительных показателей здоровья населения РФ в их работах указывается недофинансирование системы здравоохранения, а также неравенство в доступности и оплате медицинской помощи между бедными и богатыми группами населения.

Характеристики уравнения общей заболеваемости детей в возрасте до 14 лет (количество регистрируемых случаев на 1000 человек населения), расчеты авторов

Переменная	Единица измерения	Коэффициент	Уровень надежности, %
Константа		1148,99	99,9
Доля промышленности в ВРП	%	5,43	99,9
Удельный вес городских жителей в общей численности населения	%	12,40	99,9
Доля расходов на здравоохранение в консолидированном бюджете региона	%	-29,21	99,9
Отношение потребительских расходов на медицинские цели к прожиточному минимуму	%	-26,93	99,9
Доля расходов на алкогольные напитки и табачные изделия в потребительских расходах населения	%	83,11	99,8
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек	количество	0,16	99,9
Разница средних температур в июле и январе	°C	-15,14	99,9
Накопление веществ, загрязняющих водные ресурсы, на душу населения	кг на чел.	0,31	97,7
Накопление парниковых газов на душу населения	тонн на чел.	0,91	99,9
$R^2 = 56,8\%;$ F -статистика = 46,5; уровень значимости = 0,0			

В 2013 г. в России из государственных источников на одного человека тратилось \$460, что в 5–6 раз меньше, чем в среднем в развитых странах, и в 2–3 раза меньше, чем в «новых» странах ЕС (бывшие социалистические страны и страны СНГ) [3].

Это означает, что страны с развитой рыночной экономикой сильнее социально ориентированы, чем Россия, в вопросе обеспечения государственных гарантий медицинской помощи своим гражданам. В Советском Союзе в 1960-е – 1970-е годы расходы на здравоохранение были примерно на уровне США и развитых стран Европы в те годы.

В 2015 г. расходы федерального бюджета по разделу «Здравоохранение» были предусмотрены в сумме 391,0 млрд руб., в

2016 г. планируются на уровне 396,3 млрд руб., в 2017 г. – 386,1 млрд руб. При этом в 2015 г. расходы сократились по сравнению с 2014 г. на 89,8 млрд руб., в 2016 г. – на 5,3 млрд руб. относительно 2015 г. (но сократятся в реальном исчислении при прогнозируемой инфляции), в 2017 г. сократятся на 10,2 млрд руб. относительно 2016 г. в номинальном исчислении [7].

Отсутствие роста государственных расходов на здравоохранение в 2012–2015 гг. уже привело к снижению доступности и качества медицинской помощи. Остановилось снижение общего коэффициента смертности (за 2014 г. – 13,1 случая на 1 тыс. населения, по итогам 2013 г. – 13 случаев). Обеспеченность врачами участковой службы сократилась на 8 %, число зданий и сооружений здравоохранения уменьшилось на 15 %, число коек сократилось на 6 %, объем платных медицинских услуг возрос на 31 %.

К сожалению, в России недофинансирование здравоохранения государственным сектором приводит к перекладыванию нагрузки по финансированию на население. Бесплатные медицинские учреждения не обеспечивают необходимый объем медицинских услуг. Сокращение государственного финансирования здравоохранения компенсируется платежами самого населения [8–10].

Расходы населения на медицинские услуги составляют значительную часть семейных доходов, от 10 до 30 %, стабильную на протяжении последних лет. Исследователи утверждают, что для большинства россиян дальнейший рост доли затрат на медицинские нужды невозможен, т.к. в этом случае снижаются затраты на другие жизнеобеспечивающие статьи семейного бюджета (как правило, на качественные продукты питания), что приводит к еще большему ухудшению здоровья.

Таким образом, недостаточное государственное финансирование здравоохранения приводит к низким общим затратам в данной сфере. Доля общих затрат на здравоохранение составила 5,4 % ВВП в последнее время, что в 2,8 раза меньше этой доли в США (15,3 % ВВП), в 1,7 раза меньше, чем в странах ОЭСР

(около 9 % ВВП), и в 1,4 раза меньше, чем в странах Восточной Европы и Балтии. Общие затраты на здравоохранение на душу населения в РФ в 2,2 раза меньше, чем в Чехии, в 1,3 раза – чем в Эстонии и Польше, в 2 раза – чем в Венгрии, а показатели развитых стран для России просто недостижимы. В странах Восточной Европы, Эстонии и Литве, так же как и в России, в начале 1990-х годов ВВП упал примерно в 2 раза. Однако эти страны сохранили абсолютные затраты на здравоохранение, поэтому доля этих расходов в ВВП возросла с 3 до 6 %. С ростом ВВП расходы на здравоохранение в этих странах пропорционально увеличивались, к началу 2000-х годов подушевое финансирование в абсолютных цифрах увеличилось в 2 раза, что позволило избежать резкого ухудшения показателей здоровья населения, сохранить и даже улучшить эти показатели – снизить общий коэффициент смертности до 11,2, а ожидаемую продолжительность жизни увеличить до 74 лет, т.е. это приблизительно те целевые показатели, на которые должна выйти РФ только к 2020 г.

На фоне общемировых тенденций увеличения финансирования систем здравоохранения в России мы наблюдаем не просто отставание, а отсутствие концепции собственной социальной политики здравоохранения. Необходима научно обоснованная стратегия развития здравоохранения, которая определит объемы и источники финансирования здравоохранения, приоритетные направления расходования средств, а также установит механизмы, позволяющие эффективно расходовать выделенные средства [11, 12]. Чтобы получить положительные результаты от реформирования всей системы здравоохранения, которые бы сказались на улучшении общественного здоровья, государству следует осознать и учитывать факторы, мешающие здравоохранению работать эффективно. Исследователи в этой области называют основные проблемы современной системы российского здравоохранения, которые выступают факторами ухудшения здоровья россиян [13], а именно:

1) конституционные гарантии бесплатной медицинской помощи носят декларативный характер и не сбалансированы с фи-

нансовыми ресурсами, а права граждан на ее получение четко не определены. По данным ВОЗ, Россия находится в предпоследней пятерке из 196 стран по такому показателю здравоохранения, как «справедливое финансирование». На практике это означает снижение доступности качественной медицинской помощи для основной части населения. Из-за низкого качества бесплатной медицинской помощи нарастает платность, в том числе в теневых формах;

2) страховые принципы финансирования здравоохранения продекларированы, но не получают должной реализации на практике. Федеральный центр не выполняет в должной мере регулирующей функции по выравниванию условий предоставления медицинской помощи;

3) материально-технические ресурсы системы здравоохранения используются неэффективно, несмотря на то, что врачи в РФ почти в 2 раза больше на душу населения, чем в среднем в развитых странах, результаты и качество медицинской помощи в РФ значительно ниже;

4) работники здравоохранения относятся к одной из самых малооплачиваемых категорий населения; система и уровень оплаты труда не мотивируют их к качественной и результативной работе;

5) усиление импортозависимости по лекарственным средствам и медицинской технике и оборудованию;

6) отсутствие системообразующих законов, регулирующих сферу здравоохранения, не позволило сформировать единство этого социального института, а переход к частноправовому регулированию данных отношений привел к ослаблению управляющей функции государства;

8) различный правовой режим расходования финансовых средств бюджетов всех уровней, многоканальность финансирования обязательного медицинского страхования, отсутствие эффективных механизмов добровольного медицинского страхования и предоставления платных услуг приводят к неэффективному расходованию имеющихся финансовых средств;

9) недостаточное финансирование влечет за собой недостаточное внедрение современных медицинских технологий, методов диагностики и лечения.

Оптимальный уровень государственных расходов на здравоохранение должен быть не менее 6,6 % ВВП, выше 75 % общих расходов на медицинские цели, которые, в свою очередь, должны составлять не менее 9 % ВВП. Увеличение объема финансирования здравоохранения в этих масштабах позволит к 2020 г. дополнительно сохранить 2,5 млн жизней российских граждан и обеспечить продление ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин минимум на 5 лет. Только в этом случае возможно поэтапное увеличение пенсионного возраста на 5 лет (до 65 лет для мужчин и до 60 лет для женщин) [11, 12]. На сегодняшний момент сложившийся уровень общественного здоровья в РФ предъявляет серьезные вызовы не только системе здравоохранения, но и всей социальной политике страны.

Список литературы

1. *Мировая статистика здравоохранения 2013 г.* – World health statistics 2013 [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/81965/7/9789244564585_rus.pdf?ua=1
2. *Здравоохранение в России. 2015 : стат. сборник* / Росстат. – Москва, 2015. – 174 с.
3. *Доклад ООН о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г.* [Электронный ресурс] / под общ. ред. С. Н. Бобылева. – Режим доступа: www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf
4. Юмагузин, В. В. Тенденции смертности от внешних причин смерти в России в 1990–2010 гг. // Russian journal of Earth Sciences. – 2012. – № 10. – С. 23–43.
5. *Российский статистический ежегодник. 2012 : стат. сборник* / Росстат. – Москва, 2012. – 786 с.
6. *Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости : док-*

лад ООН о человеческом развитии за 2014 г. : пер. с англ. – Москва : Весь Мир, 2014. – 236 с.

7. *Хутаба, С. Э.* Проблемы финансирования здравоохранения в условиях рыночной реформы [Электронный ресурс] / С. Э. Хутаба. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/969/9926>
8. *Гарантии государства и расходы населения на медицинскую помощь* / С. В. Шишkin, Т. В. Богатова, Е. Г. Потапчик, В. А. Чернец, А. Е. Чирикова, Л. С. Шилова // Неформальные платежи за медицинскую помощь в России. – Москва, 2003. – С. 13–23. – (Независимый экономический анализ).
9. *Сидорина, Т. Ю.* Государственная социальная политика и здоровье россиян : К анализу затрат домохозяйств на здравоохранение / Т. Ю. Сидорина, Н. В. Сергеев // Мир России. – 2001. – № 1. – С. 67–91.
10. Участие населения в финансировании здравоохранения / В. Бойков, Ф. Фили, И. Шейман, С. Шишkin // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 7. – С. 45–50.
11. *Улумбекова, Г. Э.* Взаимосвязь финансирования здравоохранения и показателей здоровья населения для РФ. Уроки и рекомендации для России / Г. Э. Улумбекова // Экономика здравоохранения. – 2010. – № 3. – С. 30–34.
12. *Шилова, Л. С.* Модернизация российского здравоохранения: вызовы, ожидания и реальность / Л. С. Шилова // Вестник Института социологии. – 2013. – № 6. – С. 146–162.
13. *Найговзина, Н. Б.* Реформирование здравоохранения – объективная реальность / Н. Б. Найговзина // Советник бухгалтера в здравоохранении. – 2005. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/bux/105636>

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ГИБЕЛИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В.Н. Турченко*

Главная причина этой катастрофы заключается в том, что первоначально необходимая государственно-капиталистическая форма социализма уже в 50-е годы стала тормозом дальнейшего развития и не была своевременно преобразована в новую форму социализма, обеспечивающую непосредственное участие всех граждан в распоряжении общественной собственностью и управлении государством.

Ключевые слова: СССР, социализм, собственность, государственный капитализм, Третья мировая (Холодная) война

Почему Великая Держава, военная мощь которой не уступала Западу, в 1991 г. капитулировала без единого выстрела? До сих пор о том, что же произошло с нашим отечеством в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, сталкиваются противоположные взгляды. Распад Советского Союза В.В. Путин имел все основания назвать крупнейшей geopolитической катастрофой века. Однако российские либералы даже из его ближайшего окружения усматривают в том великое благо, а потому не осуждают, а превозносят деяния Горбачёва и Ельцина, считая, что они ускорили конец саморазрушающегося государства, практически доказавшего бесперспективность социалистического пути развития. В постсоветской России и за рубежом такого понимания придерживается большинство властивующих лиц, ученой публики и представителей СМИ.

Следовательно, для выяснения действительной роли этих первых в истории нашего отечества президентов необходимо решить два взаимосвязанных теоретических вопроса. **Была ли советская экономика нежизнеспособной?** И **доказывает ли гибель СССР несостоятельность социализма как типа общественного устройства?** Послушаем, что говорят по этому пово-

* Д-р филос. наук, профессор НГАСУ (Сибстрин)

ду самые авторитетные зарубежные ученые, бизнесмены и политики, которых невозможно заподозрить в приверженности к коммунистической идеологии.

«Никаких экономических проблем, требующих серьезных системных изменений, в Советском Союзе не существовало», – такой вывод сделал в 1989 г. Нобелевский лауреат по экономике В. Леонтьев [1]. В 1991 г. на советско-американском симпозиуме в Москве японский миллиардер Хероси Теравама говорил: «В 1939 г. вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. В 1949 г. вы стали еще умнее, а мы были пока дураками. А в 1955 г. мы поумнели, а вы превратились в пятилетних детей. Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей с той лишь разницей, что у нас капитализм, частные товаропроизводители, и мы более 15 % роста не достигали, вы же при общественной собственности на средства производства достигали 30 % и более. Во всех наших фирмах висят ваши лозунги сталинской поры» [2].

Исторический предел капиталистической общественно-экономической формации ставит сама Матушка Природа. Генеральный секретарь конференции ООН по проблемам окружающей среды и развития (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) Морис Стронг подчеркивал: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим богатым и бедным. Такая модель развития и соответствующий характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху» [3]. На аналогичной конференции в 2012 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун вновь констатировал: «Старая (т.е. капиталистическая) модель социально-экономического развития пришла в негодность. Мы ведем себя так, словно путь к процветанию общества заключается в том, чтобы бесконечно потреблять и сжигать. Мы должны создать новую модель благополучия для настоящего и будущего поколений. Трагическим следствием развития потребления яви-

лось разрушение духовно-нравственных основ (труд, честность, справедливость, общее благо и т.д.)» [4].

Даже небезызвестный финансовый суперспекулянт и русофоб Дж. Сорос в конце 90-х годов написал книгу прямо-таки с ленинским названием – «Кризис мирового капитализма». Превращение корысти и эгоизма в моральный принцип, утверждает он, коррумпировало политику и рыночный механизм; мотив получения прибыли, проникая «во все сферы деятельности, даже туда, где им по существу не место, вызывает хаос и в конечном итоге может привести к падению мировой системы капитализма» [5]. Американский экономист, Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц считает, что нынешний рыночный механизм не может обеспечить сбалансированное, оптимальное, социально приемлемое развитие национальных и мировой экономик, что он ведет к дальнейшему обострению существующих глобальных проблем и что, следовательно, требуется радикально изменить цели, содержание, правила и способы регулирования объективных процессов глобализации [6].

Если в первые десятилетия XX в. выбор между капиталистическим и социалистическим путями развития зависел от мнений-идей, – пишет другой Нобелевский лауреат Дж. Гэлбрейт, – то затем возникла качественно **иная ситуация**. «**Новый социализм не допускает никаких приемлемых альтернатив; от него можно** уклониться только ценой тяжелых неудобств, большого социального расстройства, а иногда ценой смертельного вреда для здоровья и благополучия. **Новый социализм**, – делает он вывод, – **не имеет идеологического характера, он навязывается обстоятельствами...** (Выделено мной – В.Т.). Только тогда, когда социализм будет рассматриваться как необходимая и во всех отношениях нормальная характеристика системы, только тогда общество будет требовать обеспечения высоких результатов работы и будет гордиться своими действиями... Социализм уже существует. Признание этого факта и его необходимости было бы проявлением честности и оказалось бы огромную услугу делу улучшения результатов деятельности» [7].

Так почему же Союз Советских **Социалистических** Республик – страна, превосходящая все другие по своим природным ресурсам, вторая по основным экономическим параметрам, лидирующая в развитии образования, здравоохранения, науки и культуры, обладающая вооруженными силами, достаточными для гарантированной защиты от любой агрессии, – чуть ли не в одночасье раскололась на пятнадцать частей, а самая большая ее часть – Россия – оказалась по всем социально-экономическим показателям отброшенной на десятки лет назад? Предпосылки катастрофы зрели внутри советского общества в результате просчетов и роковых решений высших органов власти. О них пойдет речь далее.

Однако катастрофы не случилось бы без воздействия внешнего фактора Холодной войны. Об этом и о действительной роли Горбачёва и Ельцина откровенно цинично и довольно подробно говорила М. Тэтчер, выступая в качестве почетного гостя в Хьюстоне (США) в ноябре 1991 г. на юбилейном заседании Американского нефтяного института. Там «случайно» присутствовали советские специалисты, записавшие ее речь. Откровения Тэтчер чрезвычайно полезно знать всем нашим гражданам, особенно упретым почитателям «цивилизованного» Запада, чтобы убедиться в его истинном отношении к России. Потому целесообразно привести запись речи полностью:

«Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для всего западного мира. Я говорю не о военной угрозе... Ее, в сущности, **никогда и не было**. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду **угрозу экономическую**. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства **у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков**. Поэтому мы всегда предпринимали

действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Основным было навязывание гонки вооружений. Мы знали, что советское правительство придерживалось доктрины равенства вооружений СССР и его оппонентов по НАТО. В результате этого СССР тратил на вооружение около 15 % бюджета, в то время как наши страны – около 5 %. Безусловно, это негативно сказывалось на экономике Советского Союза. Советскому Союзу приходилось экономить на вложениях в сферу производства так называемых товаров народного потребления. **Мы рассчитывали вызвать в СССР массовое недовольство населения.** Одним из наших приемов была якобы "утечка" информации о количестве вооружения у нас, гораздо большем, чем в действительности, с целью вызвать дополнительные вложения СССР в эту экономически невыгодную сферу. Важное место в нашей политике занимал учет несовершенства Конституции СССР. Формально она допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого союзной республики (причем практически путем решения простым большинством ее Верховного Совета). Правда, реализация этого права была в то время практически невозможна из-за цементирующей роли компартии и силовых структур. И все-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики. К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась весьма стабильной. Серьезное место в формировании нашей политики (в основном политики США) занимал вопрос о создании системы противоракетной защиты (СОИ – "Стратегическая Оборонная Инициатива"). Должна признаться, что большинство экспертов было против создания СОИ, т.к. считали, что эта система будет чрезвычайно дорогой и недостаточно надежной, а именно, щит СОИ может быть пробит при дополнительном вложении Советским Союзом гораздо меньших (в 5–10 раз) средств в «наступательные» вооружения. Тем не менее, решение о развитии СОИ было нами принято в надежде, что СССР займется созданием аналогичной дорогостоящей системы. К нашему большому сожалению, со-

ветское правительство такого решения не приняло, а ограничились политическими декларациями протesta.

Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и **возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения.** Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов). Этим человеком был М. Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен достаточно определенно.

Деятельность "Народного фронта" не потребовала больших средств – в основном это были расходы на множительную технику и финансовую поддержку функционеров. Однако весьма значительных средств потребовала поддержка длительных забастовок шахтеров. Большие споры среди экспертов вызвал вопрос о выдвижении Б. Ельцина в качестве лидера "Народного фронта" с перспективой последующего избрания его в Верховный Совет Российской Республики и далее руководителем Российской Республики (в противовес лидеру СССР Михailу Горбачёву).

Большинство экспертов были против кандидатуры Б. Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности. Однако состоялись соответствующие контакты и договоренности, и решение о "проталкивании" Б. Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России. **Как никогда, Б. Ельцину была оказана существенная помощь и во время событий августа 1991 года**, когда руководящая верхушка СССР, блокировав Горбачёва, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР (выделения в записи речи Тэтчер мои – В.Т.). Сторонники Ельцина удержались, причем он обрел значительную (хотя и непол-

ную) реальную власть над силовыми структурами. Все союзные республики, воспользовавшись ситуацией, объявили о своем суверенитете (правда, многие сделали это в своеобразной форме, не исключавшей их членства в Союзе). Таким образом, сейчас де-факто произошел распад СССР, однако де-юре Союз существует! Господа! Я лично уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении полного распада Советского Союза» [8].

Тэтчер прошла через зал под бурные аплодисменты, пожимая протянутые руки. Комментарии, думается, излишни.

Проще всего причины гибели Великой Державы свести к тому, что предатель Горбачёв и троица им порожденных предателей: Ельцин, Кравчук, Шушкевич – сдали ее, как генерал Власов сдал немецким фашистам армию. «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют. Ведь надо еще объяснить, каким образом три проходимца могут застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 36-миллионную нацию», – писал К. Маркс в 1852 г. [9]. В наше время приходится объяснять, как три проходимца смогли в декабре 1991 г. застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 294-миллионную нацию, потребовавшую в том же году на референдуме 17 марта сохранить Советский Союз.

Личные качества и поведение главы государства могут в переломные моменты истории иметь решающее значение для судеб страны. Могли бы судьбы советской Великой Державы быть совершенно иными в случае прихода к власти других достаточно мудрых, духовно богатых и отважных личностей? Возможно, объективная ситуация в стране, сложившаяся в последние советские десятилетия, практически исключала выдвижение таких людей на высшие партийные и государственные посты. История, к сожалению, не имеет сослагательного наклонения. Однако **научный подход** требует, во-первых, за действиями царей, королей, вождей, президентов видеть социальные классы, слои и группы, чьи интересы вышешие государственные лица вы-

ражают и защищают. Во-вторых, учитывать, что люди сами творят свою историю, но в не зависящих от них, уже сложившихся обстоятельствах. В-третьих, необходимо видеть за абстрактно-теоретическими определениями, любыми «измами» конкретные исторические ситуации в их уникальной неповторимости и противоречивости. Капитализм в Англии, Швеции, Японии или Нигерии, как и социализм в СССР, Югославии, на Кубе или в Северной Корее существенно отличаются.

Практически в любом обществе имеют место остатки прошлых социально-экономических отношений, основания настоящих и зародыши будущих. Сила теоретической абстракции позволяет в многообразии противоречивых **явлений**, характеризующих особенности конкретного общества, находить наиболее значимые отношения, выражающие его глубинную **сущность**, т.е. принадлежность к определенному историческому типу общества. Только такой подход позволяет правильно понять триумфы и поражения советского социализма.

Распространено упрощенное представление, что социализм – это общественный строй, при котором государство обеспечивает гражданам право на труд, жилище, отдых, бесплатное образование, здравоохранение, содержание нетрудоспособных и т.п. Все это важно, но социально-экономическая **сущность** социализма в том, что общенародная собственность на основные средства производства реализуется не только **«сверху»** – планированием, распоряжением и управлением со стороны государственных органов, – но и **«снизу»** – активным творческим выполнением таких функций каждым трудовым коллективом, каждым гражданином на каждом рабочем месте.

В Советском Союзе абсолютно преобладало государственное распоряжение и управление общественной собственностью и социально-политическими процессами **«сверху»** – со стороны государства через иерархию бюрократических инстанций. Это – лишь **первоначальная форма социализма**, которая равнозначна **государственному капитализму, но подчиненному интересам трудового народа, освободившегося от эксплуататорских классов**. Авторы, усматривающие «обломки» социализма в та-

ких государственных или полугосударственных корпорациях, как Газпром, РАО «ЕС России», РЖД и т.п., глубоко заблуждаются [10]. Создаваемая в этих корпорациях прибавочная стоимость и природная рента присваиваются узкой группой акционеров и так называемых «топ-менеджеров», получающих «зарплату» в несколько миллионов рублей **в день**, в то время как средняя зарплата рабочих и инженеров у разных категорий в этих корпорациях 20–60 тыс. руб. **в месяц**. В Советском Союзе зарплаты рабочих высшей квалификации и высших руководителей были примерно одинаковы, а эффективность общественного производства в стране несравненно выше – именно это обстоятельство, а не военная угроза побуждало Запад вести против СССР горячие и холодные войны. Государственно-капиталистическая форма объективно необходима как наиболее эффективная для стран, переходящих к социализму с преобладанием крестьянского населения. Таким был СССР вплоть до начала Великой Отечественной войны.

В 1959 г. XXI съезд КПСС объявил о полной и окончательной победе социализма в СССР, о вступлении в период «развернутого строительства коммунистического общества» и о том, что в течение ближайших 15 лет наша страна выйдет на первое место в мире не только по общему объему производства, но и по производству на душу населения [11]. В действительности же властвующая бюрократия делала все для сохранения устаревшей и сковывавшей развитие производительных сил государственно-капиталистической формы социализма.

Тем не менее, темпы роста национального дохода и продукции промышленности за период с 1951 по 1986 гг. в СССР и странах, развивающихся в социалистическом направлении, в целом были примерно в два раза выше, чем в США и развитых капиталистических странах, но ниже вдвое по сравнению с намеченными Программой КПСС [11–14]. Это обстоятельство и непредвиденное увеличение затрат на навязанную Западом гонку вооружений обусловило существенное недовыполнение планов повышения народного благосостояния. Однако разочарование людей вызывали не столько материально-бытовые пробле-

мы, сколько то, что вдохновляющая цель строительства коммунизма фактически отодвигалась в неопределенное будущее.

Цели общественной жизни формулируются не на экономическом, а на социально-философском уровне, и для планомерной практической реализации должны получать эмпирическую интерпретацию. В Советском Союзе, особенно в его последние десятилетия, высокие цели часто звучали с высоких трибун, говорилось о научном управлении процессом коммунистического строительства, но чем больше говорилось, тем меньше реально делалось в этом направлении. Партийно-государственная верхушка, все более бюрократизируясь, тайно обогащалась и превращалась в новый господствующий класс. В публикациях ученых-обществоведов преобладали «теоретические» обоснования очередных партийных решений, независимо от их реальной полезности или вредности. Профанация социологических исследований, призванных давать управленческим органам и общественности целостную объективную картину происходящих изменений, сыграла не последнюю роль в том, что «союз нерушимый республик свободных» рухнул чуть ли не в одночасье.

Понимание причин гибели СССР невозможно без учета того, что Третья – Холодная – мировая война оказалась опаснее горячей. Советское руководство не понимало этого, призывая народ мириться с трудностями, вызванными гонкой вооружений («Лишь бы не было войны»). Одновременно оно культивировало благодушные настроения, объявляя «устаревшими» сталинские положения об опасности реставрации в СССР капитализма, о неизбежности войн при существовании империализма, обострении классовой борьбы и изменении ее форм по мере успехов социалистического строительства и т.п.

Социализм, в отличие от прошлых общественно-экономических формаций, – общество, в котором централизованное плановое управление имеет определяющее значение. Стихийные социально-экономические и социально-биологические процессы не исчезают, но становятся все более регулируемыми. Следовательно, все более значимым становится и субъективный фактор. При капитализме ошибки управления предприятием ведут в

худшем случае к разорению предприятия. Цепь роковых ошибок на высшем уровне жестко централизованного управления социалистическим государством привела к его гибели.

Главная причина краха СССР – внутренняя. Она заключается в том, что социалистические общественные отношения не были своевременно, к концу 50-х годов, приведены в более высокую форму, соответствующую новому уровню развития производительных сил, – в единстве их вещественной и личностной сторон. Более того, экономика начала эволюционировать в сторону капитализма. Если бы каждый член общества вполне реализовывал себя как сохозяин общенародной собственности и как принимающий политические решения гражданин, то явно ошибочные, тем более преступные решения «верхов» поправлялись бы «снизу», и, следовательно, при любых враждебных воздействиях извне катастрофа Советского Союза была бы невозможной.

Список литературы

1. *Леонтьев, В.* Интервью газете «Правда», 21.02.1989 / В. Леонтьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vse.kz/topic/591797-ekonomika-sssr/
2. *Хероси, Т.* Выступление / Т. Хероси // Советско-американский симпозиум. Москва, 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Caftershock.su›?q=node/227215
3. *Коптюг, В. А.* Задачи социально-гуманитарных наук в разработке будущего страны / В. А. Коптюг // Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. – Новосибирск : СО РАН, 1994. – Ч. 1. – С. 49.
4. *Субетто, А. И.* Российский «протоимпериализм» в системе глобального империализма / А. И. Субетто // Социальные силы славянского мира. – 2015. – № 1–2. – С. 9–30.
5. *Сорос, Дж.* Кризис мирового капитализма / Дж. Сорос. – Москва : ИНФРА-М, 1999. – С. XX–XXIII.
6. *Stiglitz, J. E.* Globalization und Discontents / J. E. Stiglitz. – New York : Norton and Co, 2002. – P. XIII–XV.

7. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – Москва : Прогресс, 1976. – С. 347–356.
8. Запись речи М. Тэтчер. Хьюстон (США), ноябрь, 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: maxpark.com/3382464505/content/841647
9. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Москва : ГИПЛ, 1957. – Т. 8. – С. 124.
10. Смирнов, И. Ю. А чем Россия не Нигерия? / И. Ю. Смирнов. – Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2006. – С. 259.
11. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. – Москва : ГИПЛ, 1959. – С. 11, 55–56.
12. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. – Москва : Статистика, 1972. – С. 65.
13. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – Москва : Финансы и статистика, 1987. – С. 654.
14. Народное хозяйство СССР в 1990 г. – Москва : Финансы и статистика, 1991. – С. 8.

ТЕХНОНАУКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

И.В. Черникова^{*}

В статье анализируется технонаука как новая форма организации науки. Познание в технонауке не предметно, а технологически ориентированно, оно не есть объяснение, как в естественных науках, и не есть понимание, как в гуманитарных науках, а есть проектно-конструктивная деятельность. В контексте технологий невозможно разделить и противопоставить предмет и действующего субъекта, естественное и искусственное. В ней технологическая эффективность вместо истины, знание как проекты действия, а модель познания – конструирование. Особенность технонауки в том, что ее объекты – не предметная реальность в картезианской дуалистической картине мира, а «человекоразмерные» объекты. Главной чертой технонауки является высокая социально-практическая ориентированность. В качестве примера исследования, обозначаемого термином «технонаука», указаны NBIC-технологии.

Ключевые слова: технонаука, социальная оценка техники, NBIC-технологии, этика науки

Изменения в современной науке связаны с переориентацией научной деятельности с познавательной на проективно-конструктивную. Наука постепенно интегрируется в организованную по новым принципам систему взаимодействия науки и технологии. Этот феномен обозначается термином «технонаука». Важнейшим примерами технонауки могут служить так называемые NBIC-технологии. NBIC-технологии – это междисциплинарный проект, объединяющий исследования структуры, функций и потенциальной расширяемости человеческого разума; разработки новых обучающих систем; создание нано-био-процессоров, способных взаимодействовать с человеческим организмом напрямую. NBIC-технологии – не просто очередное

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ 14-03-00371-а.

* Д-р филос. наук, профессор ТГУ, г. Томск

научно-техническое совершенствование, они «взрывают» жизненный мир человека, вплоть до трансформации самой природы человека, его идентичности. NBIC-конвергенции открывают перед человечеством возможности собственной эволюции как осознанно направляемого процесса трансформации природы человека.

Сегодня, когда научное познание трансформируется в технонауку, человек конструирует не только видимый мир, который в классической рациональности мы называем объективным миром. Теперь этот естественный мир наполняется искусственными созданиями биотехнологий, нано-технологий. Грань искусственного и естественного стирается. Наш познавательный аппарат, который формировался в процессе эволюции естественного мира, трансформируется с учетом эволюции естественно-искусственного мира, под влиянием технонауки. Перед обществом стоит проблема: кем станет человек? Останется ли присущая ему человеческая природа неизменной константой, не поддающейся влиянию, или же произойдет ее трансформация? Ведь научно-технический прогресс привел нас к таким достижениям, которые ранее считались утопичными. Перед нами открывается перспектива становления постчеловеческой цивилизации. Если прежде технологии были направлены на улучшение качества жизни, то теперь NBIC-технологии приоткрывают завесу тайны на пути к изменению человеческой природы. Согласно прогнозу Ф. Фукуямы, человечество переходит на новую фазу истории, мы движемся в направлении к нашему постчеловеческому будущему.

С одной стороны, NBIC-конвергенции рассматриваются как основа социального прогресса, как концепция управления развитием технонауки (проект совершенствования человеческих возможностей на основе методологии саморазвития и сложности). С другой стороны, инициатива NBIC стала новым стимулом для активизации трансгуманизма (Н. Бостром, Р. Курцвейль, В. Уиндж, Х. Аренд и др.). Трансгуманисты считают, что многочисленные научные разработки, ведущие к изменению человеческой природы, служат во благо, так как они способствуют

открытию новых границ и возможностей для человека. Подавляющее большинство философов дает резко отрицательную оценку идеям трансгуманизма. В частности, В.А. Лекторский указывает, что изменение человеческой телесности может привести к необратимым изменениям, поскольку вся наша культура, нравственность основаны на присущих человеку возможностях и особенностях, включая любовь, достоинство, свободу, смертность. «Переход к "постчеловеку" – это не ликвидация смерти, а, наоборот, коллективное самоубийство человечества, ибо "постчеловек" и есть убийца человека» [1, с. 169]. Как видим, этическая проблематика, которой сторонилась классическая наука, оказалась самой существенной в обсуждении перспектив современной науки, поскольку на кону перспективы самого человека, его судьба.

Почти полвека назад известный философ Ханс Йонас писал об этике ответственности. Как бы предвидя ситуацию с трансформацией человеческой природы, которая тогда еще себя не проявила, он отмечал: «Лишь заранее предсказываемая деформация человека помогает нам прийти к понятию человека, которое следует от нее оградить, и мы нуждаемся в угрозе человеческому образу, причем вполне специфической угрозе, чтобы ее устрашившись, заручиться подлинным человеческим образом» [2, с. 80].

Важнейшей составляющей этики ответственности Г. Йонаса является принцип «эвристики страха». Страх за будущее человечества, страх перед возможным изменением сущности и облика человека становится главным ценностно-образующим принципом. Как образно выражается Г. Йонас, сама предполагаемая опасность должна служить компасом новой этике. Человечество не может позволить себе рисковать, когда на карту поставлено его существование. Поэтому страх становится необходимым элементом ответственности и даже источником долголетования. В его свете должна произойти переоценка всех ценностей предшествующей этики. Принцип этики будущего, отмечает Х. Йонас, «находится не в самой этике как учении о деянии, но в метафизике как учении о бытии, частью которого яв-

ляется идея человека» [2, с. 105]. Отвечая на вопрос: существует ли цель в объективном, материальном мире или только в субъективном, психическом, – он ради этики расширяет онтологическое местопребывание цели, обосновывая имманентность целей в бытии. В его учении смысл жизни – жизнь, у человека отсутствует право на самоубийство и на убийство другого. Лишь в определенных крайних случаях исключение из этого правила оказывается нравственно оправданным. Между тем, последствия внедрения современных технологий ставят под угрозу существование будущих поколений, «однако от будущего человечества не может быть даже предположено согласие на его небытие или обесчеловеченность… имеется безусловная обязанность человечества существовать, которую не следует смешивать с условной обязанностью существовать отдельного человека. Можно рассуждать об индивидуальном праве на самоубийство; право на самоубийство человечества обсуждению не подлежит» [2, с. 95]. В этом контексте особенно актуальным становится поиск механизмов саморегуляции, самоограничений на этапе социальной эволюции.

На наш взгляд, нравственность можно рассматривать как специфический тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию через стремление к идеально-должному, это специфический для уровня эволюции человека параметр порядка (термин синергетики), фактор детерминации познания как жизнедеятельности. Согласно эволюционно-синергетическим представлениям, создание более сложных структур можно рассматривать как процесс восхождения и децентрализации. Принципы запрета, ограничения, которые задают направленность, канализируют развитие, служат механизмами самоорганизации. На уровне человека одним из таких принципов является нравственность, которая существует на двух уровнях – общечеловеческом и личностном.

Известно, что ход эволюционных процессов ускоряется по мере восхождения от космогенеза к социогенезу. На каждом витке спирали универсальной эволюции действуют не только общие, но и специфические законы. Одним из законов, управ-

ляющих социогенезом, является закон технико-гуманитарного баланса, согласно которому мощность технологического воздействия должна уравновешиваться более действенными принципами контроля. Одним из них является социальная оценка техники.

Понятие «Technology assessment» (ТА) – «социальная оценка техники» – сформировалось в 1960-х годах. Это проект, нацеленный на формирование знаний как основы действия и принятия решений, касающихся техники и ее социального применения. Профессор Технического университета в Карлсруэ А. Грунвальд отмечает, что пока нет теории социальной оценки техники, но на практике эта деятельность всегда нуждается в моделировании, причем теоретическом. Социальную оценку техники рассматривают как прикладную составляющую технонауки. Основной характеристикой технонауки является ее неразрывное переплетение собственно исследовательской деятельности с практикой создания и использования современных NBIC-технологий. Главным стержнем производства знания сегодня становится уже не академическая лаборатория, а исследовательские и опытно-конструкторские подразделения крупных корпораций. Такое смещение акцента естественным образом ведет к коммерциализации науки и превращение ее в бизнес-проект. Формируется трехсторонняя связка «наука – технология – бизнес», которая представляет собой не навязанное извне эклектическое образование, но качественно новую интегрированную структуру. В свою очередь, переформатирование социальной среды технонауки, вовлекающее эту последнюю в совершенно новые практические контексты, создает условия для изменений в методологии научной деятельности и трансформации субъекта познания. Социальная оценка техники рассматривается как прикладная философия техники [4, с. 135–145]. В.Г. Горохов и А. Грюнвальд отмечают, что социальная оценка техники – это не только междисциплинарное, но и трансдисциплинарное исследование. Последнее означает ее соотнесенность с широкой общественной проблематикой.

Технонаука имеет дело прежде всего не с объектами как таковыми, а с обширными контурами, включающими, помимо этих объектов, также совместную согласованную деятельность самых разных людей и социальных структур. Включение науки в широкий контекст социальной деятельности, очевидно, обусловливает изменение характера связанного с ней проектно-конструктивного сознания. Она не может не выходить за рамки узкого технологизма, построения инженерно-технических конструкций, опирающихся только на объектную картину мира. Хотя, разумеется, развитие технонауки отнюдь не снимает задач исследования объектных, естественных связей и, соответственно, осуществления инженерно-технического проектирования в традиционном смысле. Однако, будучи вплетена в контекст широкой социальной деятельности, работа проектно-конструктивного сознания оказывается неминуемо связанной с учетом «человеческого фактора», различных социокультурных и гуманистических аспектов.

Список литературы

1. *Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский.* – Москва : Канон+РОИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.
2. *Йонас, Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Х. Йонас.* – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
3. *Латур, Б. Нового Времени не было : эссе по симметричной антропологии / Б. Латур.* – Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та, 2008. – 240 с.
4. *Горохов, В. Г. Каждая инновация имеет социальный характер! (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) / В. Г. Горохов, А. Грунвальд // Высшее образование в России.* – 2011. – № 5. – С. 135–145.

КОНЦЕПТ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

М.Ю. Яцевич*

В статье проводится исследование взаимосвязи онтологических положений в картине мира и особенностей интерпретации концепта власти в западноевропейском философском дискурсе. Определены онтологодолгические основания власти в различных теоретических системах классической и постмодернистской философии. Автор показывает особую роль онтологических характеристик феномена власти в формировании этических нормативов и организации социальных практик европейского общества.

Ключевые слова: власть, социальный дискурс, этика, социальная онтология, социальная практика, идеология, постмодернизм

В современных социальных исследованиях феномен власти, специфика властных отношений являются одними из самых распространенных и актуальных для широкого круга специалистов. В целом ситуация вполне понятна, т.к. одной из причин является необходимость объяснения глобальных трансформаций, характерных для социальных практик двух последних столетий. Изменения, происходящие в структурах власти, институтах управления, социальных отношениях, протекали на фоне и под воздействием набирающих авторитет политических идеологий, процессов глобализации, развития принципов постмодернистского мультикультурализма и других интеллектуальных программ, определивших состояние современного социума. Очевидно, что большинство этих процессов имеют глубинную теоретическую связь, общую концептуальную форму, проясняя которую, возможно приблизиться к пониманию сущностных основ, определивших русло трансформаций цивилизации постмодерна.

* Канд. филос. наук, доцент КузГТУ, г. Кемерово

Одним из таких концептов, ставших краеугольным камнем в формировании новой социальной реальности, является феномен власти. Власть в социальной онтологии является системообразующим принципом, фактором изменения и стабилизации, механизмом влияния и объяснения. Все эти свойства и характеристики власти были отражены в целом массиве исследований последнего столетия. В связи с этим сегодня сложилось множество подходов и способов интерпретации власти. Так, зачастую власть рассматривается в практическом измерении с точки зрения ее структурных и функциональных характеристик [1]. Власть здесь понимается как набор определенных социально-экономических и политico-правовых элементов, необходимых для эффективного управления важнейшими ресурсами [3]. В связи с этим концепт власти в современном гуманитарном знании становится не более чем методологическим инструментом, приспособленным, в первую очередь, для нужд исследований сугубо прикладного характера (в юриспруденции, менеджменте, политологии, социологии, педагогике, психологии и др.) [3]. Таким образом, знание о власти чаще всего служит для описания структуры общества, принципов управления и функционирования социальных институтов, процедур давления и принуждения, механизмов идеологического манипулирования, а также способов осуществления нормативно-правовой системы и повышения эффективности контролирующих органов. Особую роль в развитии этой тенденции имели конфликтологический подход К. Маркса, структурно-функциональные концепции Т. Парсонса и Д. Истона, коммуникативный подход Х. Аренд, Ю. Хабермаса, работы М. Вебера, Х. Лакана, Р. Барта, С. Жижека, М. Фуко и других мыслителей.

Несомненно, необходимость исследования инструментально-прикладных форм власти является важным условием для осмысления современной социальной практики, но при этом остаются почти не изученными сущностные, *этико-онтологические* основания власти, фундирующие ключевые мировоззренческие и социально-экономические обстоятельства существования современного мира.

Экспликация концепта власти имеет длительную историю. Одними из первых, кто стремился описать суть данного феномена, были античные философы, которые рассматривали истоки властных отношений в метафизическом контексте. В целом власть для них являлась эманацией космического принципа, обеспечивающего гармонию в мире. Организация общественной жизни и модели управления понималась как проекция иерархичной метареальности. Так, уже греческими философами (Гераклитом, Платоном, Аристотелем) была заложена первая теоретическая традиция понимания власти как отношения «господства – подчинения», детерминированная метафизическими законами с рационально-логической основой. С этого времени, на наш взгляд, в европейской философии начала формироваться магистральная дискурсивная линия интерпретации власти, где утверждалась идея о том, что власть есть онтологическая категория, воплощение мирового порядка в социальной коммуникации. Ее укорененность в метамире представлялась как отношение между апейроном и вещами у Анаксимандра, логосом и чувственно воспринимаемым миром у Гераклита, а также идеальными сущностями и материальными предметами у Платона или Аристотеля.

В целом власть понимается как закон, определяющий связь Космоса и природы, мира и человека, общества и личности посредством эманации абсолютных метафизических принципов. Отношения в обществе на основе соблюдения иерархии, подчинения нормам и правилам определяется как проявление в несовершенном вещественном мире идеальных сущностей: Блага, Гармонии, Справедливости, Истины. Следовательно, государство, основанное на строгой иерархии и управляемое с помощью законов, есть наилучшая форма рациональной организации человеческих взаимоотношений, более всего уподобленная совершенному Космосу [5]. А как полагал Аристотель, политические отношения есть естественное стремление людей к разумному, добродетельному общению, которое опирается на принципы абсолютной справедливости и блага [1].

Так, уже в Античности сформировалось представление о власти как *должном, необходимом и достаточном* явлении, легитимирующим отношения господства и подчинения на основе этических принципов, имеющих онтологическую подоплеку [1]. Таким образом, законы мироздания и нормы социальной жизни – суть едины, морально обоснованы и рационально постижимы. Моральные принципы – есть само бытие, при этом легитимная власть является воплощенной моралью в обществе.

В средневековой системе мышления онтологизм власти становится все более характерным. Евангелие как источник нового закона и морального императива подчеркивает иерархичное устройство Мира Небесного, опираясь на концепцию «Божественного пророчества». Понимание власти здесь оформляется как проявление Божественного порядка и плана спасения человечества («Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1)). Так власть приобретает священный статус, а управление обществом рассматривается как создание условий для спасения души человека. При этом в сфере обязанностей властных структур входит создание системы подчинения личности законам как моральным, так и юридическим. В социальной реальности это во многом сопровождалось усилением влияния механизмов подчинения и контроля при помощи соответствующих социальных институтов (принцип вассалитета в феодальных отношениях, разветвленная структура католической церкви, увеличение налогообложения, расширение аппарата насилия и др.). В результате необходимость подчинения единству светских и церковных властей, основанная на смирении и принятии существующего метафизического (Божественного) порядка, становится доминирующей тенденцией, пронизывая собой все социальные практики средневекового мира.

Таким образом, власть получила свое рационанологическое объяснение и онтологический статус первопринципа, прочно утвердив этическое и юридическое влияние на мировоззрение европейцев, а также повсеместно определяя иерархию власти, абсолютный авторитет легитимных форм управления и практику подчинения. Власть обрела черты архетипа, который

транслируется во все последующие эпохи и порождает социальные институты, формы коммуникации при помощи структурирования реальности на основе определенной системы ценностей. Власть становится системообразующим концептом, который определяет описание мира, предписывает когнитивные и нормативно-правовые формы, культурные традиции, социально-экономические и коммуникативные процессы, а также желательные для нее свойства личности.

Определенная модернизация теории власти в классической онтологии наметилась в новоевропейскую эпоху. В рамках формирующейся пантеистической онтологии в XV–XVI вв., где ключевым положением становится принцип «Бог есть все», происходит разрушение центростремительной модели мира. Бытие, некогда структурированное «божественной субстанцией» в античной и средневековой мысли, «распадается» на множество независимых, отдельных и индивидуальных субстанций-субъектов (Р. Декарт) как самодостаточных мыслящих и действующих источников познания, социальных практик и властных отношений.

Новая парадигма позволила десакрализовать и рационализировать власть, лишая ее привычных иерархических линий и центрального этико-онтологического ориентира. Власть в обществе есть «результат разумного соглашения», – полагает Дж. Локк [2]. Каждый свободный индивид является носителем властных полномочий, осознано делегирующими их представительным органам правления. Подчинение позиционируется как величайшая способность разумного индивида осознавать свою выгоду от упорядоченной совместной жизни. Таким образом, власть становится свойством субъекта, результатом его сознательного решения, где индивид одновременно является субъектом политического действия и его объектом.

Такого рода поворот в онтологии власти определил неклассический иррационалистический дискурс А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. «Власть как воля» – так была представлена новая концептуализация межличностных отношений и социальной реальности. Как известно, волонтеристическая позиция Ницше уверенно отрицала существование онтологических предпосылок

для рационально-логического понимания мира. Иррациональная, неконтролируемая воля к власти и есть сама по себе предпосылка для существования и устройства социальной реальности. Отвергая классическую метафизику, он отрицал понимание власти как иерархии или порядка: власть есть воля, бессознательное влечение, проявляющееся через потребность личности повелевать, доминировать, формировать реальность в соответствии со своими стремлениями. «Воля к власти» – это «сгусток энергии», «не только комплекс ощущения мышления, но и прежде всего еще аффект и к тому же аффект команды» [4]. Власть есть субъект, но не объект; власть не может быть вплетена в структуры мира, т.к. ни мир и ни власть не обладают объективной структурой, законом или логикой. По мнению мыслителя, власть – это универсальная форма существования человеческого мира, которая проявляется как порыв, желание в сознании и через сознание субъекта.

Так Ф. Ницше впервые деконструирует основы традиционной метафизики рационально-логической репрезентации властных отношений. Лишая власть онтологического статуса, он также лишает ее и этического основания. На роль творца этических норм и принципов существования он ставит личность, обладающую способностью «прорывать» горизонт, повелевать, генерировать новые проекты бытия и социально-мировоззренческие нормативы.

Последующее развитие этического релятивизма в иррационалистическом дискурсе постмодернистов (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) совершенно определенно заявляет об отсутствии каких-либо законов в мироздании, а следовательно, объективных моральных императивов и властной субординации, фундирующих межличностные коммуникации. Для философов эпохи постмодерна власть обнаруживается «везде», что лишает ее иерархически привилегированной субстанциональности. «Вездесущая» власть лишена метафизического статуса и рациональной подоплеки. Природа власти состоит в конфликте конкурирующих личностей, стремящихся к бессознательному доминированию. Как полагает М. Фуко, язык, семья, государст-

во, политические институты, экспертные организации, научное и медицинское сообщество, исправительные и образовательные учреждения – все это на поверхности и является формой кристаллизации бессознательных порывов в стремлении к господству и обладанию [6].

Данная теоретическая платформа во многом определила интенсивное развитие классических идеологий в XX в. Массовость и распространенность идеологического сознания как условие для политического выбора в этой ситуации становится необходимым компонентом для осуществления власти и формирования новой практики социального управления. Социальный дискурс этого периода отрицает логоцентрическую картину мира, фундированную этико-онтологическими законами, как отрицает и единую систему ценностей, основанную на абсолютных и необходимых идеалах. С этой позиции есть только субъективные потребности, интересы и желания, актуальные для определенных индивидов, социальных групп, складывающиеся в соответствии с экономическими, политическими и экзистенциальными обстоятельствами [3]. И в этой ситуации идеология как форма ценностного сознания берет на себя функции интерпретирования событий социального мира, генерируя систему идеалов и ценностей в общественном сознании исходя из собственных целей. Присущая идеологии тотальность позволяет ей позиционировать себя как единственно истинный способ решения социальных проблем, что наделяет ее способностью структурировать реальность и формировать систему властных отношений. Таким образом, идеология, маскируя отсутствие метафизики, стремится легитимировать собственные этико-мировоззренческие принципы, призванные консолидировать общество вокруг определенных властных структур. Эффективность данного процесса связана со способностью идеологии быть убедительной в позиционировании новых смыслов социального бытия, используя свою способность продуцировать модели реальности из мозаичных фактов и посредством манипулирования массовым сознанием.

Концепт власти в таком дискурсе опирается на иррациональные и субъективные основания. Отсутствие этико-онтологической подоплеки в картине мира позволяет претендовать на абсолютную истинность любому идеологическому нарративу, а следовательно, формировать мировоззренческие и социальные процессы в соответствии с интересами и потребностями определенной социальной группы.

Резюмируем. Развитие концептуальных форм власти в западноевропейской философии изначально сформировалось в границах онтологии и этического абсолютизма. В период становления классического рационалистического дискурса концепт власти оформился как архетип, укорененный в метафизических структурах бытия и проявляющийся в социальной реальности в форме диады «господство – подчинение». Имея этическую подоплеку, власть представлялась в сознании индивидов моральным ориентиром, легитимным гарантом стабильности общества, основанием упорядоченности и предсказуемости, стимулируя ценностностремительные процессы в социальной реальности.

Волонтиаристский дискурс власти посредством процедуры деонтологизации («конца трансцендентного») и релятивизации власти отказывает ей в метафизической связи с объективным миром, лишая ее рациональной характеристики. Здесь власть обнаруживает свою реальность лишь в плоскости субъективного бытия. В социальном сознании это вызвало некоторую потребность в замещении иррациональной субъективно-волонтиаристской картины мира на более «надежные» и «устойчивые» в общественном восприятии, псевдорациональные идеологемы. В системе идеологии власть имеет тенденцию к тому, чтобы уже самой стать основой этико-аксиологической конструкции: она диктует ориентиры, задает параметры, направления и смыслы существования общества для усиления собственных позиций и самовоспроизводства. В этом случае власть уже не может являться просто способом коммуникации (как это стремились обосновать постмодернисты), а начинает обслуживать собственные интересы и цели. Особенно заметно эта тенденция проявилась в современном обществе, где идеологии как проводники

новой модели власти прочно заняли свое место и фундируют картину мира, инициируя зачастую сомнительные способы и цели управления.

Список литературы

1. *Бенеттон, Ф.* Введение в политическую науку : пер. с фр. / Ф. Бенеттон. – Москва : Весь мир, 2002. – 368 с.
2. *Локк, Дж.* Сочинения : в 3 т. Т. 3 : Два трактата о правлении / Дж. Локк. – Москва : Мысль, 1988. – 668 с.
3. *Льюкс, С.* Власть: радикальный взгляд / С. Льюкс. – Москва : Изд. дом гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. – 240 с.
4. *Ницше, Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – Москва : Транспорт, 1995. – С. 253.
5. *Платон.* Государство / Платон. – Москва : Наука, 2005. – 294 с.
6. *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с фр. Б. М. Суратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. – Москва : Практис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
7. *Хабермас, Ю.* Модern – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4.

Редактор Э.Е. Полякова

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 54.НС.05.953.П.006252.06.06 от 26.06.2006 г.
Подписано к печати 02.11.2016. Формат 60×84/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Ризография.
Уч.-изд. л. 13,5. П.л. 14,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Новосибирский государственный архитектурно-строительный
университет (Сибстрин)
630008, Новосибирск, ул. Ленинградская, 113

Отпечатано